

*ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ИГУ*

А. В. ДМИТРИЕВ

**ВОЙСКА «НОВОГО СТРОЯ»
В СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII ВЕКА**

Монография

Новосибирск
2008

ББК 63.302Рос5346
УДК 947.04(571)
Л 534

Л 534 Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: Монография. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. 240 с.

ISBN 978-5-94356-618-9

В монографии предпринята попытка реконструкции истории существования на территории Сибири в допетровскую эпоху полков «нового строя» – воинских частей в составе русской армии XVII в., организованных по образцу армий западноевропейских государств. Большинство отечественных военных историков признают появление данного феномена важным шагом на пути к созданию регулярной армии в России, хотя главную заслугу обычно приписывают Петру Великому. Однако значительная часть реформаторских инициатив Петра в сфере военного строительства воплотилась в жизнь еще в годы правления его отца Алексея Михайловича и старшего брата Федора Алексеевича. Подтверждают этот тезис и результаты изучения малоизвестного до сих пор эпизода сибирской истории. Опыт организации войск «нового строя» на территории Сибири во второй половине XVII в. оказал значительное влияние на проведение здесь армейской реформы Петра I на рубеже XVII–XVIII столетий.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей Сибири и России.

Ответственный редактор
д-р ист. наук А. С. Зуев

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Р. Ивонин,
канд. ист. наук И. Р. Соколовский

Рекомендовано к печати кафедрой отечественной истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета

В оформлении обложки использована миниатюра из Кунгурской летописи (XVII в.), изображающая переговоры казаков Ермака с посланцами сибирского хана Кучума.

© Новосибирский государственный университет, 2008

© СУНЦ НГУ, 2008

© А. В. Дмитриев, 2008

ISBN 978-5-94356-618-9

ВВЕДЕНИЕ

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что чрезвычайно значимой составляющей внутренних преобразований, осуществлявшихся в России в различные периоды ее истории, неизменно оказывались военные реформы. За редким исключением (например, во времена правления Екатерины II), проведение реформ было обусловлено именно потребностями обороны страны и укрепления ее вооруженных сил. О роли поместной системы (как единственно возможного способа организации вооруженных сил для защиты страны в XV–XVI вв.) в процессе становления крепостного права писали еще С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Важное место в ряду реформ первых лет царствования Ивана Грозного занимала организация постоянного стрелецкого войска. В. О. Ключевскому принадлежит известное высказывание о Северной войне как «локомотиве» преобразований, проведенных Петром Великим.

Наиболее полно влияние «армейского» фактора прослеживается на протяжении последних трех столетий, начиная со времен Петра I. Начало XVIII столетия, эпоха Петровских реформ, традиционно считается тем рубежом, за которым последовала трансформация Московской Руси в Российскую империю, вхождение не игравшего до тех пор заметной роли в международной политике государства в круг великих европейских держав эпохи Нового времени. Этот взгляд во многом справедлив, однако представляется в известной мере односторонним. Бесспорно, победы в войне со Швецией, а затем в Семилетней войне и в нескольких войнах с Османской империей сделали Россию в XVIII в. одной из доминирующих политических сил в Европе. Невозможно отрицать также и то, что эти победы были достигнуты в результате качественного скачка в развитии вооруженных сил страны, перевода их на принципиально новую, неизвестную ранее в России основу. На это была направлена деятельность как Петра Великого, так и его преемников, ибо для успешного поддержания нового статуса Российской империи была жизненно необходима могучая регулярная армия. Однако приписываемая обычно Петру степень радикальности осуществленного им разрыва с предшествующим этапом исторического развития страны, по нашему мнению, сильно преувеличивается, в том числе и по отношению к преобразованиям, затрагивавшим сферу обороноспособности и строительства вооруженных сил. При ближайшем рассмотрении не менее значимым и насыщенным событиями оказывается предшествующее XVII столетие, до сих пор не столь хорошо изученное, хотя также представляющее большой интерес для исследователей.

История русской армии XVII–XVIII вв. остается одной из наименее разработанных областей отечественной исторической науки. К сожалению,

мы не можем отметить в последние два десятилетия сколько-нибудь заметных сдвигов (как теоретико-методологических, так и конкретно-практических) в изучении этой темы. Не всегда четко разграничиваются даже такие понятия, как «история армии» и «военная история», хотя различия между ними очевидны. Военная история – это исследование вооруженных конфликтов, их причин, хода и результатов, выявление различных типов конфликтов, присущих им особенностей и закономерностей развития, наконец, изучение роли в них отдельных людей (выдающихся полководцев или военных теоретиков), их жизни и деятельности и т. д. Напротив, история армии обращена на изучение роли вооруженных сил в жизни внутри страны, влияния на их положение перемен, происходящих в социальной, политической, экономической сферах. История армии изучает процессы формирования и эволюции вооруженных сил, осуществлявшиеся в отношении их различные преобразования, принципы внутренней организации, состав, структуру, материальное положение – все то, что составляло их повседневное существование.

Уже из вышесказанного ясно, что такое исследовательское направление, как «история армии», связано со многими разделами исторической науки – историей государственного строительства, социальной историей, культурно-исторической антропологией, историей повседневности и др. Однако до сих пор большинство отечественных военных историков, как правило, ограничиваются анализом чисто военной составляющей – побед и поражений, войн и революций. Более того, очевидно преобладание исследований, посвященных XX в., а более ранние времена почти никого не интересуют. Справедливо замечено, что «военная история в значительной степени оказалась подменена историей Великой Отечественной войны», и такое положение «не преодолено до конца и в наши дни»¹. Поэтому история армии, к сожалению, продолжает сохранять статус некой изолированной «вещи в себе», слабо связанной с другими направлениями отечественной исторической науки, хотя за последние два десятилетия ситуация начала меняться к лучшему. Проиллюстрируем это положение на материалах российской истории времен Московского царства, а именно – интересующего нас XVII столетия.

Начавшийся с грандиозных потрясений Смуты и закончившийся воцарением Петра I, XVII в. ознаменовал собой начало движения России по европейскому пути развития. Именно этот век принес в Московскую Русь те многочисленные новшества, с внедрения в жизнь которых начались процессы ее «модернизации» и «европеизации». В современной исторической науке этот период все чаще оценивается как время подготовки будущих реформ, когда происходили накопление и концентрация материаль-

¹ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 4–5.

ных и духовных ресурсов страны, требовавшихся для последовавшего в XVIII столетии «большого скачка». Именно в XVII в. осуществлялись многие из тех преобразований, которые были широко развернуты затем Петром I. Заметное место среди них занимала реформа армии.

На протяжении XVII в. России приходилось вести борьбу со своими соседями: Речью Посполитой, Швецией и Крымским ханством. Можно сказать, что фактор внешней угрозы оказывал определяющее воздействие на все преобразования внутри страны. В частности, он вызвал к жизни такое явление, как войска «нового строя» в составе русской армии XVII в. Реорганизация вооруженных сил – замена «служилых людей старых служб» полками «нового строя», особенно усилившаяся во время очередной русско-польской войны в середине XVII в. и в правление царя Федора Алексеевича (1676–1682), охватила всю территорию Русского государства. Этот процесс неоднократно привлекал внимание специалистов по истории русской армии. Следует заметить, что работы, посвященные этой теме, основывались исключительно на материалах, освещающих формирование войск «нового строя» в европейской части России. Однако аналогичные попытки предпринимались и в Сибири. Организация и существование здесь полков «нового строя» являются темой, почти не изучавшейся в историографии, хотя, несомненно, она представляет значительный интерес.

Итак, перед нами конкретный исторический феномен – формировавшиеся на территории Сибири войска «нового строя». Традиционное определение этого термина дается в справочной литературе: «Воинские части, которые появились в России в 30-е годы XVII в., и явились предшественниками русской регулярной армии, сформированной в результате военных реформ конца XVII – начала XVIII в.»² Подобно тому как это было принято в армиях западноевропейских государств, такие подразделения возглавлялись полковниками и для боевого управления были разбиты на роты, батальоны или эскадроны³. История сибирских полков, берущая свое начало с 1659 г., рассматривается нами вплоть до 1705 г., когда в ходе преобразований Петра I по всей стране была развернута система рекрутских наборов для комплектования армии. Войска «нового строя» дислоцировались в описываемое время на юге Западной Сибири. В рамках административно-территориального деления того времени это прежде всего Верхотурский, Тобольский, Тюменский, Туринский и Тарский уезды, т. е. большая часть территории Тобольского разряда. Ареал же непосредственного расположения и боевых действий сибирских полков «нового строя» охватывал лишь Тобольский и отчасти Верхотурский уезды, в основном остроги и слободы, находившиеся внутри их административных границ.

² См., напр.: Краснов В. Г., Дайнес В. О. Русский военно-исторический словарь. М., 2002. С. 468–469.

³ См.: Военно-исторический словарь. М.; Минск, 2005. С. 604.

Исследование данного феномена мы будем вести с позиции того, какую роль сыграло появление этих воинских частей в процессе перевода русской армии на регулярную основу, начавшемся еще в XVII столетии и резко активизировавшемся в Петровскую эпоху. Необходимо рассмотреть такие аспекты, как процесс формирования войск «нового строя», их состав и структура, служебные функции, все изменения, происходившие с ними (т. е. внутренняя эволюция изучаемого объекта), а также влияние, оказанное опытом их организации на ход армейской реформы Петра I на территории Сибири, особенно на начальном ее этапе, на рубеже XVII–XVIII вв. Это позволит нам показать целостную картину того, что представляли собой сибирские войска «нового строя» во второй половине XVII в., и четко определить роль этих войск в процессе подготовки петровских военных преобразований, а также на начальном этапе их проведения.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд конкретных задач, а именно:

1. Выяснить причины появления войск «нового строя» в Сибири на общем фоне складывавшейся в стране военно-политической ситуации и тех изменений, которые происходили в составе русской армии во второй трети XVII в.

2. Показать, насколько соответствовали результаты их боевой (и не только) деятельности тем задачам, которые на них возлагались, проанализировать их функциональное назначение, поставленные перед ними цели, а также степень их реализации.

3. Проследить дальнейшую эволюцию войск «нового строя», объяснить все происходившие изменения в их статусе, составе, материальном положении и т. д. в связи с началом строительства русской регулярной армии и на основании этого определить их место и роль в данном процессе.

4. Выяснить, какими они обладали специфическими чертами (под влиянием сибирских условий) по сравнению с аналогичными воинскими частями в других регионах страны, и определить влияние этих особенностей на дальнейшую судьбу войск «нового строя».

5. Подвести итоги эволюции данных подразделений, выяснить причины их временного расформирования и его последствия, а также охарактеризовать влияние, которое оказал опыт организации войск «нового строя» на армейскую реформу Петра I в стране в целом и на территории Сибири в частности.

В ходе работы мы постарались ввести в научный оборот значительный объем нового фактического материала для восстановления на его основе истории полков «нового строя» в Сибири. С учетом этого обстоятельства в качестве практической методики исследования нами был выбран *хронологически-проблемный подход*.

Остановимся на методологических вопросах, связанных с изучением истории армии. Уже давно стало аксиомой положение о том, что армия

любого типа непосредственно связана с той исторической эпохой, в которую она существует, являясь одним из законодательно оформленных институтов, который, с одной стороны, представляет собой отражение внешней и внутренней политики того или иного государства, а с другой – несет на себе неизгладимый отпечаток специфики того общества, из недр которого она возникает⁴. В принципе эта особенность свойственна любым государственным институтам и всегда должна приниматься во внимание при их изучении.

В свою очередь, армия может рассматриваться с точки зрения следующих функциональных аспектов:

1) как один из важнейших институтов того или иного государства, непосредственно связанный с его политическим режимом и гарантирующий его суверенитет;

2) как один из каналов вертикальной социальной мобильности, строящийся в соответствии с требованиями того или иного типа общественного устройства;

3) как полицейская сила, направленная на поддержание порядка внутри страны, не говоря уже о ее прямом назначении – защите от внешнего врага.

Все перечисленные аспекты (хотя и в различной степени) имеют определенное значение при изучении истории войск «нового строя» в Сибири XVII в.

Кроме того, немаловажное значение имеют работы, выполненные в рамках такой отрасли исторической науки, как военно-историческая антропология. В последние годы именно антропологическое направление военно-исторических исследований в наибольшей степени привлекает внимание специалистов⁵. Особо хотелось бы отметить одну из работ теоретико-постановочного характера, принадлежащую перу Е. С. Сенявской⁶, в которой в концентрированном виде изложены предмет и задачи этого направления, условно именуемого «человек на войне». Объектом военно-

⁴ Это положение, высказанное в свое время знаменитым военным теоретиком К. Клаузевицем (*Клаузевиц К. О войне*. М., 1999. С. 34–77, 179–187, 334–345), ныне признается в качестве основополагающего всеми специалистами по отечественной военной истории (см., напр.: *История военной стратегии России*. М., 2000. С. 5–12, 17–45; *Золотарев В. А. Военная безопасность Отечества* (историко-правовое исследование). М., 1998. С. 80–95, 237–244; *Тюшкевич С. А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования*. М., 2002. С. 16–39; и др.).

⁵ См.: *Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки*. М., 1997; *Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф.* СПб., 2000; *Человек и война* (Война как явление культуры): Сб. ст. М., 2001.

⁶ *Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отеч. история*. 2002. № 4. С. 135–145.

исторической антропологии, по ее мнению, являются не только «человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов», но и «те аспекты жизни “гражданского”, мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным ситуациям и отражают их последствия»⁷. Вот почему исследователей должен интересовать «центральный объект изучения – армия, прежде всего в военное, но также и в мирное время»⁸.

Ясно, что изучение «человеческого измерения» войн должно иметь междисциплинарный характер. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь на его связи с такими областями, как социальная история, история повседневности, историческая психология. Наконец, избранный подход диктует повышенное внимание к персоналиям, индивидуальной характеристике, скажем, командных кадров, а также к изучению социальных, материальных, правовых и иных аспектов повседневной жизни военнослужащих. Всем этим вопросам отведено соответствующее место в рамках данной работы.

Довольно долгое время среди историков господствовало убеждение, что именно в результате многообразных и всеохватывающих реформ Петра I Русское государство вошло в число европейских великих держав Нового времени, превратившись из Московской Руси в Российскую империю. Согласно этому традиционному взгляду, идущему еще от С. М. Соловьева, деятельность Петра можно улодобить своеобразной «революции сверху», ознаменовавшей собой радикальный разрыв с прошлым страны и гигантский шаг вперед по пути исторического прогресса. В своей «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев сравнивал события в России начала XVIII в. с Великой французской революцией конца того же столетия: «Как здесь, так и там болезни накопились вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми». Однако в России, в отличие от Франции, «один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства»⁹. Позднее он скорректировал свои взгляды, заявив, что «произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи» и что «великий человек есть сын своего времени и своего народа... его деятельность есть ре-

⁷ Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отеч. история. 2002. № 4. С. 139.

⁸ Там же.

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 14 // Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 427.

зультат всей предшествовавшей истории народа»¹⁰. Сущность же предыдущего, XVII столетия, особенно его последней четверти, С. М. Соловьев обозначал кратко и емко: «Старая Россия оканчивалась, начиналась новая»¹¹.

Подобные оценки Петровских реформ преобладали и в советской историографии. Конечно, здесь мы встречаем более сдержанное отношение к личности преобразователя и тем способам, с помощью которых воплощались в жизнь его идеи. Но общий ход мыслей большинства исследователей вполне сопоставим со взглядом С. М. Соловьева, разумеется, с поправкой на большее внимание, уделявшееся ими социально-экономическим аспектам развития страны. Эта отличительная особенность отношения к Петру хорошо подмечена М. Геллером: «Первый русский император... утверждался на страницах исторических работ в роли великого монарха, строителя сильного централизованного государства...»¹² По остроумному замечанию Е. В. Анисимова, «Петр, пожалуй, единственный деятель отечественной истории, который почти безболезненно перешел роковой для многих авторитетов и ценностей старого мира рубеж 1917 года, чтобы остаться в общественном сознании как гениальный реформатор, превративший Россию в великую державу»¹³. Впрочем, отмечалось также и то, что «мероприятия последних двух-трех десятилетий XVII в. по существу были подготовкой будущих петровских преобразований... Словно-представительная монархия уступала место абсолютизму, опиравшемуся на дворянство, приказный аппарат и армию»¹⁴.

Нужно заметить, что и крупнейшие исследователи, посвятившие свое научное творчество изучению именно Петровской эпохи (прежде всего, Е. В. Анисимов и Н. И. Павленко), также считают необходимым резко ограничивать в истории страны XVII и XVIII столетия. Так, Н. И. Павленко хотя и отмечает, что «Петр получил в наследие целый комплекс начинаний в экономической, социальной, политической и культурной жизни общества, но вместе с тем указывает, что преобразователь «намного ускорил развитие начал, полученных в наследие»¹⁵. А в одной из последних работ Е. В. Анисимова мы и вовсе сталкиваемся с беспрецедентным утверждением: «Несомненно, что петровским реформам предшествовал серьезный структурный кризис, в котором оказалась Россия, ее социально-полити-

¹⁰ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соч. М., 1999. Кн. 18: Работы разных лет. С. 11–12.

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. С. 174.

¹² Геллер М. Я. История Российской империи: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 400.

¹³ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 8–9.

¹⁴ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1967. Т. 3. С. 114–116.

¹⁵ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 46. Общую характеристику XVII столетия, данную Н. И. Павленко, см.: Там же. С. 39–46.

ческая организация, культура, ее государственность в конце XVII в.»¹⁶ Влияние же предшествующего столетия, по мнению этих специалистов, сказалось в основном на личных качествах и воспитании самого Петра, а также во многом определило те способы, к которым он прибегал для осуществления задуманного. Оценивается это влияние, естественно, отрицательно, ибо как среди дореволюционных, так и среди советских историков поклонников «петровской дубинки» было немного.

Однако существует и другой взгляд на проблему петровских преобразований, их связь с предшествующим столетием и их глубокую обусловленность именно тем направлением, в котором двигалась страна на всем протяжении XVII в. Впервые его высказал еще В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории», не отрывая эпоху Петра от эпохи Московской Руси XVII столетия, а наоборот, показывая на многочисленных примерах неразрывную связь этих двух времен. В частности, В. О. Ключевский отмечал, что «уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформой Петра, в ином шедшая даже дальше ее»¹⁷. Анализируя социально-политическую сторону преобразований, В. О. Ключевский так оценивал деятельность Петра в отношении государственного и общественного строя России того времени: «Не трогая в нем старых основ и не внося новых, он либо довершал начавшийся в нем процесс, либо переиначивал сложившееся в нем сочетание составных частей»¹⁸. Таким образом, говорить о «революционности» действий реформатора можно лишь в отношении их масштабов и размаха, но никак не в отношении их внутренней сущности и качественных характеристик.

Подобный подход приобрел актуальность в отечественной исторической науке в последние полтора десятилетия. Например, даже А. Н. Медушевский, интерпретируя реформы Петра как процесс смены одной системы управления государством другой (администрация традиционного типа уступает место попыткам рациональной организации управления), тем не менее утверждает: «Наметившиеся у истоков формирования русской государственности направления социальной эволюции достигают кульминации в новый период русской истории, подготавливая утверждение абсолютизма в петровскую эпоху и во многом обуславливая его дальнейшее развитие»¹⁹. Среди работ последнего времени по проблемам исто-

¹⁶ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 10. Заметим, впрочем, что конкретные проявления этого возможного «кризиса» описываются автором достаточно размыто (см.: Там же. С. 10–13).

¹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 190–191.

¹⁸ Там же. С. 195.

¹⁹ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 46.

рии России XVII в., выполненных в рамках этого подхода, можно отметить прежде всего исследования Н. Ф. Демидовой и особенно А. П. Богданова²⁰. Работы последнего, несмотря на их излишнюю полемическую остроту, представляются достаточно показательным свидетельством эволюции господствующих ныне в отечественной историографии взглядов на российскую историю XVII–XVIII вв. Однако до сих пор довольно редко уделяется особое внимание тому, насколько тесно связана с преобразованиями XVII столетия военная реформа Петра I, результатом которой практически единодушно признается создание в России регулярной армии. А между тем даже в этой сфере, по нашему мнению, отчетливо прослеживается взаимосвязь реформы Петра I с деятельностью его предшественников, что и обусловило выбор этой темы нами для изучения.

Упоминания о сибирских войсках «нового строя» в исследовательской литературе довольно многочисленны, но в большинстве случаев отличаются крайней лаконичностью. Лишь в нескольких работах о них говорится более подробно, и все они, разумеется, будут отмечены в данном обзоре. Поэтому мы сочли необходимым остановиться также на исследованиях ряда более крупных и значимых проблем, связанных с избранной темой, и выделить два тематических блока.

В первом блоке нами охарактеризованы работы, посвященные истории вооруженных сил России, в частности войскам «нового строя», а также военным преобразованиям Петра I. История же русской армии XVII – начала XVIII вв., в том числе полков «нового строя», непосредственно связана с историей дворянского сословия России. Поэтому, рассматривая работы, посвященные военно-историческим сюжетам, нам неизбежно придется остановиться на тех исследованиях, в которых речь идет о различных группах служилого населения. Особый интерес в этом отношении представляют работы, посвященные служилым «иноземцам» в Московской Руси.

Во втором блоке рассматриваются работы, относящиеся к сибирской истории и затрагивающие вопросы, близкие к теме нашего исследования. Поскольку о сибирских полках «нового строя» упоминается лишь в отдельных работах С. В. Бахрушина, Н. И. Никитина, В. Д. Пузанова и некоторых других авторов, мы были вынуждены коснуться значительной части работ, посвященных сибирскому служилому населению вообще, а также процессу освоения Сибири в XVII в. Разумеется, не останутся в стороне и

²⁰ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Она же. Федор Алексеевич // Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 169–205; Богданов А. П. Федор Алексеевич // Романовы. Исторические портреты. М., 1997. Кн. 1: 1613–1762. Михаил Федорович – Петр III. С. 156–197; Он же. В тени Великого Петра. М., 1998.

наработки по проблемам социальной структуры сибирского общества на первых этапах его существования, в частности вопрос об институте ссылки.

Подобный подход, на наш взгляд, поможет составить представление о степени изученности как всей, так и ее отдельных аспектов.

Говоря о войсках «нового строя», да и о проблемах, связанных с историей служилого населения России, следует отметить, что их изучение велось довольно плодотворно уже в отечественной историографии XIX — начала XX вв. Историки этого времени уделяли пристальное внимание происхождению сословной структуры российского общества. Достаточно назвать в этой связи известные работы В. О. Ключевского, А. В. Романовича-Славятинского, М. Т. Яблочкова, Н. П. Павлова-Сильванского²¹. Особенно их интересовали роль государства в процессе формирования сословий, а также те общественные группы, которые непосредственно были связаны с военной службой: служилые люди «по отечеству» и «по прибору». История же армии вообще была одной из приоритетных тем в дореволюционной историографии, на ее разработке выросло несколько поколений русских военных историков. Большое внимание уделялось ими и войскам «нового строя»²², хотя специальные исследования этого вопроса имели довольно ограниченный (прежде всего по объему) характер.

Первым отечественным исследователем, специально обратившимся к истории русской армии, был Н. Г. Устрялов. Еще в 1834 г. он опубликовал статью, в которой сделал краткий обзор устройства русской армии в XVII в., посвятив несколько страниц и появлению «новых» войск. В соответствующих разделах многотомной «Истории царствования Петра Великого» он описал состояние русской армии до Петровских реформ и первые действия преобразователя в этой сфере²³. Н. Г. Устрялов упоминал о том,

²¹ Ключевский В. О. История сословий в России // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 225–391; Романович-Славятинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. М., 2001. Полкам «нового строя» посвящены соответствующие страницы в многотомных трудах С. М. Соловьева и В. О. Ключевского (см.: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 7. С. 67–72; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 200–203, 248–249).

²² См., напр.: Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII веке. СПб., 1882; Он же. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885; Масловский Д. Ф. Постоянные войска русской армии в XVII столетии // Воен. сб. 1890. Вып. 195, № 9. С. 5–36; Он же. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1; Мьшляевский А. З. Офицерский вопрос в XVII в. Очерк из истории военного дела в России. СПб., 1899; и др.

²³ Устрялов Н. Г. Ратное дело в России до Петра Великого // Библиотека для чтения. 1834. № 2, кн. 1–2; Он же. История царствования Петра Великого: В 6 т. СПб., 1858. Т. 1: Господство царевны Софьи; 1859. Т. 2: Потешные и Азовские походы.

что создание полков «нового строя» диктовалось военной необходимостью, так как русская поместная конница не выдерживала столкновений с регулярными пехотными частями, входившими в состав армий европейских государств (прежде всего польской) и вооруженными огнестрельным оружием. Подчеркнуть это обстоятельство здесь очень важно, так как большинство исследователей, как показано ниже, непосредственным назначением полков «нового строя» считали именно оборону западных границ России.

И. Д. Беляев, опираясь на опубликованные в «Актах Исторических» материалы, в одной из своих работ попытался собрать воедино все данные, относящиеся к русской армии XVII в.: о принципах ее устройства, вооружении, материальном обеспечении и повседневном существовании и т. д.²⁴ Эта работа оказала большое влияние на последующую историографию, так как из нее заимствовались как конкретные факты, так и наблюдения и выводы. Для доказательства достаточно сравнить ее, например, с соответствующими разделами «Записок по истории военного искусства в России» Д. Ф. Масловского или «Русской военной истории» Н. С. Голицына. Столь же заметной вехой в этом отношении можно считать работу А. В. Висковатова²⁵, ставшую первым исследованием обобщающего характера, специально посвященным истории русской армии. Среди русских военных историков не было единого мнения о том, какое значение следует придавать появлению в России XVII в. войск, построенных по европейским образцам, и постепенному вытеснению ими прежней организации армии. Если, например, П. О. Бобровский считал, что заимствованный европейский опыт благотворно сказывался на развитии русских вооруженных сил, хотя и отмечал при этом специфику, с которой он воплощался в тогдашних условиях²⁶, то Д. Ф. Масловский полагал, что по своим боевым качествам, а также по уровню дисциплины новые войска уступали помест-

²⁴ См.: Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

²⁵ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841–1862. Т. 1–30.

²⁶ Особое внимание П. О. Бобровский уделял заимствованиям воинских уставов и принципов организации войск (см.: Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России... С. 7–37). Впрочем, практические результаты воплощения их в жизнь он оценивал не слишком высоко: «Безнадежны для военного дела были солдатские полки, составляемые из даточных поселян... потому что разбегались при самом начале кампании» (Он же. Переход России к регулярной армии... С. 108–109). Во многом с ним солидарен Н. С. Голицын (см.: Голицын Н. С. Русская военная история: В 3 ч. СПб., 1877. Ч. 2).

ной дворянской коннице. Военная же подготовка, на его взгляд, во всех частях тогдашней русской армии была неудовлетворительной²⁷.

Расходились исследователи и в оценках сути военных реформ Петра I и их значимости для развития русской армии. Так, П. О. Бобровский считал неизбежным и единственно возможным путем преобразований заимствование Петром европейских принципов организации регулярной армии: «В России давно были иноземные полки, иноземный строй, иноземные законы для служилых людей, но не было войска как прочно организованной силы. Петр I, осознав неизбежность реформы, умел привести в исполнение именно то, что в его время требовалось прежде всего для России»²⁸. Позднее эту точку зрения поддерживал А. К. Байов²⁹. Напротив, Д. Ф. Масловский отстаивал тезис о самостоятельном развитии вооруженных сил Русского государства, подчеркивая, что «русская армия была вполне национальною». Он также доказывал преемственность в развитии военного дела в России на протяжении XVII–XVIII вв., утверждая, что «еще до Петра I вооруженные силы России начали видоизменяться в своем составе, а боевая их деятельность получила новое направление. Почва для реформы была таким образом подготовлена...»³⁰, а Петр, реорганизуя военное дело Московского государства, «вводил новые порядки постепенно, после строгой оценки ответственности их с историческими условиями русской жизни»³¹. Некоторые исследователи указывали также на ряд преимуществ России в комплектовании войск и организации армии по сравнению с европейскими государствами³².

Во многом основываясь на представленных точках зрения, анализировали данную проблематику С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. С. М. Соловьев в главе «Россия перед эпохой преобразования» дал уничижительную характеристику старому поместному ополчению, отмечая как плохое

²⁷ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России... С. 24–25. Появление в России войск «иноземного строя» Д. Ф. Масловский считал лишь полумерой, переходной ступенью на пути к созданию регулярной армии (*Там же*. С. 54–55; см. также: *Мышлаевский А. З. Офицерский вопрос...* С. 50–52).

²⁸ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2: Артикул Воинский. СПб., 1882. Вып. 1. С. 63.

²⁹ Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 1. С. 126–127, 132; 1910. Вып. 2. С. 39.

³⁰ См.: Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России... С. 55–57.

³¹ *Там же*. С. 1.

³² Например, А. К. Пузыревский писал: «Реформа Петра Великого, со всеми свойствами общеобязательной воинской повинности, разрешает вопрос о комплектовании армии на таких широких началах, как нигде на Западе...» (*Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого*. СПб., 1889. С. 314).

вооружение, так и нежелание дворян воевать. Говоря о полках «нового строя», он упомянул о существовании солдатских и драгунских военных поселений, где крестьян учили «воинскому строю», не отрывая от хозяйственных занятий. Однако, полагая перевод русской армии на регулярную основу исключительно заслугой Петра I, С. М. Соловьев сделал вывод, что коренных изменений в устройстве русской армии на протяжении всего XVII в. не произошло: «Необходимость нового, несостоятельность старого были признаны; но, как обыкновенно бывает, первые шаги были нерешительны... Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положение; никто из значительных дворян не хотел служить в рейтарах или солдатах... По-прежнему единственным постоянным войском остаются стрельцы... Распускаясь по домам и служилые люди нового строя, рейтары, солдаты»³³.

В. О. Ключевский первым поставил вопрос о прямой зависимости положения армии от состояния государственных финансов. В своем «Курсе русской истории» он отметил появление уже во второй половине XVII в. типичных рекрутских наборов в войска «нового строя», аналогичных тем, к которым прибегал позднее Петр I, и при этом утверждал, что за 25 лет (1654–1679 гг.) они охватили, по меньшей мере, 70 тыс. человек. Главный его вывод заключался в том, что полки «нового строя» численно уже преобладали в русской армии, хотя и не стали еще постоянными войсками: «И новые полки распускались по домам, оставляя после себя только офицерские кадры»³⁴. Кроме того, он подчеркнул, что «при численном увеличении армии почти в 2,5 раза стоимость ее возросла больше, чем втрое», имея в виду, что содержание войск «нового строя» казне обходилось очень дорого³⁵. Вопросы же о том, считать ли эти войска регулярной армией или хотя бы ее прообразом, В. О. Ключевский не касался, считая, что можно говорить о появлении регулярной армии в России лишь после начала Северной войны (1700–1721 гг.)³⁶.

Аналогичных взглядов придерживались и другие историки, в частности М. К. Любавский. Упоминая в своем курсе лекций о наборах в полки «нового строя» «даточных людей», он утверждал, что «это были уже настоящие рекрутские наборы». Разъясняя свою позицию, он далее указывал: «Прежде в ополчение вербовали только “охочих” людей, теперь брали в военную службу и насильно». Вывод автора гласил: «Таким образом, еще до Петра Великого началась организация новой армии по принципу прину-

³³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 7. С. 71.

³⁴ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 202.

³⁵ *Там же*. С. 203.

³⁶ «Война перерабатывала сбродное ополчение вольницы и даточных в настоящую регулярную армию. Среди непрерывной борьбы новоприборные полки, оставаясь много лет на походной службе, сами собой превращались в постоянные...» (*Ключевский В. О. Сочинения*. Т. 4. С. 61).

дительных рекрутских наборов»³⁷. Северную войну Петр начал «с теми войсками иноземного строя, которые остались ему после отца и брата и с теми полками (Преображенским и Семеновским), которые были созданы из его потешных». И лишь «после разгрома под Нарвой, когда выяснилась совершенная непригодность русских войск, Петр развил громадную деятельность по комплектованию и обучению армии»³⁸. Заметим, впрочем, что к середине 1690-х гг., когда началось самостоятельное правление Петра I, полков «нового строя» в составе русской армии уже практически не осталось.

Своеобразным промежуточным итогом развития историографии по данной теме можно считать многотомное юбилейное издание, посвященное 100-летию Военного министерства Российской империи, в соответствующих разделах которого наиболее полно изложены все накопленные к тому времени факты из истории войск «нового строя», а также охарактеризованы принципы их устройства и управления ими. В частности, здесь приведены такие параметры, как численность, размеры жалованья и вооружение рейтарских, драгунских и солдатских полков, служебные обязанности и правовой статус рядовых и офицеров, служивших в этих войсках³⁹. При характеристике деятельности соответствующих приказов, в ведении которых находились полки «нового строя», отмечены отсутствие единой централизованной системы управления, а также неразграниченность административных и судебных функций⁴⁰. В связи с созданием регулярной армии в первой четверти XVIII в. были проанализированы все изменения в организации войск и в структуре их органов управления, причем акцент был сделан на устранении недостатков, свойственных системе, существовавшей в XVII в.⁴¹ Впервые значительное внимание было уделено иррегулярным войскам в составе русской армии, в частности казачьим⁴². В целом в данной работе история военного дела в России связывалась с внутренней и внешней политикой государства, вопросы же социально-экономического развития страны почти не затрагивались.

В начале XX в. в русле дальнейшего изучения истории русской армии начали разрабатываться и более частные проблемы. Здесь следует отметить в первую очередь труды С. К. Богоявленского и Е. Д. Сташевского. В своей работе, посвященной московским войскам XVI–XVII вв.⁴³,

³⁷ Любавский М. К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб., 2002. С. 133.

³⁸ Там же. С. 207.

³⁹ Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. СПб., 1902. Т. 4. Введение. С. 61–69; Т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. 1. С. 8–13.

⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 5–7.

⁴¹ Там же. Т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 1. С. 71–100.

⁴² См.: Там же. Т. 11, ч. 1–4.

⁴³ Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. Т. 2, ч. 2, вып. 4–5. Эти проблемы интересовали его и

С. К. Богоявленский остановился на положении двух солдатских полков, расквартированных в Москве, уделив особое внимание их внутреннему устройству и материально-бытовому обеспечению. Е. Д. Сташевский же заинтересовался первым опытом формирования войск «нового строя» в России и посвятил этому вопросу обстоятельную монографию, а также ряд статей⁴⁴.

В заслугу дореволюционной историографии можно поставить накопление и введение в научный оборот большого количества фактических данных. Помимо перечисленных выше работ следует указать также на появление первых исследований по истории отдельных родов войск в составе русской армии⁴⁵, а также на значительное развитие полковой историографии⁴⁶. Кроме того, можно отметить достаточно высокий уровень научной разработки отдельных проблем, относящихся прежде всего к изучению различных групп служилого населения России и их роли в процессе комплектования армии и несения военной службы. Однако интересующая нас тема пока не привлекала внимания исследователей.

В советской историографии перечисленные выше проблемы на протяжении довольно долгого времени не пользовались особой популярностью. Связано это было прежде всего с тем обстоятельством, что до 1950-х гг. основное внимание исследователей уделялось сфере социально-экономических отношений, а также вопросам классовой борьбы⁴⁷. Лишь с начала 1960-х гг., особенно после проведения известной дискуссии о происхождении русского абсолютизма, тематика исследований в этой области заметно расширяется, появляются новые работы по истории служилого населения, в том числе выполненные на региональных материалах. В качестве

позднее (см., напр.: Он же. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Ист. зап. 1938. Вып. 4. С. 258–283).

⁴⁴ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919; Он же. Служилое сословие // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 1–33; Он же. Бюджет и армия // Там же. С. 411–417; и др.

⁴⁵ См., напр.: Волинский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. СПб., 1908.

⁴⁶ Подробную библиографию изданий очерков по истории отдельных полков см.: Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 308–311. См. также: Авдеев В. А. Военно-исторические исследования в русской армии (Вторая половина XIX – начало XX века) // Воен.-ист. журн. 1986. № 3. С. 81–84; Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Воен.-ист. журн. 1988. № 12. С. 88–90.

⁴⁷ См.: Новосельский А. А. Феодалное землевладение. Боярство, дворянство и церковь // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 139–163; Чистякова Е. В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 254–271; Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975.

примера можно назвать монографии В. П. Загоровского, посвященные истории строительства в XVII в. «засечных черт» на южных границах Европейской России⁴⁸. Ясно, что при рассмотрении указанных сюжетов автор уделял достаточно заметное внимание дислоцированным там армейским соединениям: принципам их комплектования, материальному положению, боевым задачам и т. д. Эти данные позволяют нам проводить некоторые параллели при сравнении сибирских войск «нового строя» с теми полками, которые несли службу, например, на территории Белгородского разряда.

Повышенный интерес к истории военно-служилого сословия отмечается и в современной отечественной историографии, что обусловлено рядом факторов. Можно согласиться с И. Б. Михайловой в том, что здесь сыграл свою роль «усиливающийся в последние годы интерес к социальной истории, генеалогии, проблемам человека в современном ему мире», обусловивший появление новых взглядов и концепций историков⁴⁹. Не следует забывать и о постепенном отказе от утвердившегося в советские годы мнения «о мелких и средних землевладельцах как о жестоких эксплуататорах и кровопийцах трудового народа»⁵⁰. Перу И. Б. Михайловой принадлежат, в частности, монография и несколько статей, посвященных различным аспектам жизни и службы московских дворян и детей боярских в период, предшествовавший интересующей нас эпохе⁵¹. По XVII столетию мы имеем ряд работ, выполненных на обширном фактическом материале, ранее практически не исследовавшемся, но позволяющем по-новому взглянуть на государственную деятельность и менталитет таких социальных групп, как дворяне и дети боярские⁵². В целом, на наш взгляд, можно

⁴⁸ См., напр.: *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969; *Он же.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. См. также: *Скобелкин О. В.* Социально-экономическое положение служилых людей Воронежского края во второй половине XVII века. Воронеж, 1985.

⁴⁹ *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 8.

⁵⁰ Там же. С. 8–9.

⁵¹ См.: *Михайлова И. Б.* В заботах о земле и службе // *Родина.* 2003. № 3. С. 28–30; *Она же.* Служилые люди государя и Отечества // *Родина.* 2003. № 12. С. 48–51; *Она же.* Служилые люди Северо-Восточной Руси...

⁵² *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века: (От Смуты до Соборного уложения): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; *Мигунов Ю. В.* История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамаского уезда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001; *Малов А. В.* «Конность, лодность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной // *Цейхгауз.* 2002. № 2. С. 12–15. Из последних работ зарубежных исследователей см., напр.: *Kivelson V.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996; *Poe M. T.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1–2.

говорить о том, что вопросы, связанные с положением служилого населения в структуре русского общества XVII в., его военными и хозяйственными занятиями, уже достаточно хорошо изучены⁵³. Этого, однако, нельзя сказать об истории русской армии в указанный промежуток времени и прежде всего о вопросах, связанных с существованием полков «нового строя» в России.

В период до 1960-х гг. вышло несколько работ, в которых приведены сведения о появлении в России войск «нового строя» и военных реформах в допетровскую эпоху. Ведущим специалистом по этой проблематике по праву считался А. В. Чернов. В его монографии подчеркивалось, что военные преобразования, имевшие место в это время, были закономерны и подготовлены всем ходом предшествующего развития Русского государства. Соглашаясь с выводом В. О. Ключевского о преобладании в составе русской армии полков «нового строя» уже к концу XVII в., А. В. Чернов в то же время утверждал, что они представляли собой национальную регулярную армию (в Европе же таковые, по его мнению, появились на сто лет позднее), а иностранцы не сыграли практически никакой роли в ее формировании. К такому же выводу он пришел и в одной из своих статей⁵⁴. Впрочем, этот вывод был следствием проведения кампании по борьбе с космополитизмом и утверждению русского приоритета в различных областях.

Работа А. В. Чернова представляет для нас большую ценность. На ряде примеров в ней прослеживается эволюция войск «нового строя» и фиксируется специфика их положения как в структуре самой армии, так и по отношению к различным группам служилого и тяглого населения. Кроме того, нельзя не отметить и то обстоятельство, что А. В. Чернов считал возможным прямо и без всяких оговорок относить эти войска к регулярной армии. Роль же Петра I, по его мнению, заключалась в окончательной ликвидации старой организации части армии, еще отчасти сохранявшейся к концу XVII в., а также во введении единого центрального управления вооруженными силами⁵⁵. Ф. И. Калинычев также считал, что войска «нового строя» «обладали всеми характерными признаками регулярных армий эпохи поднимавшегося абсолютизма»⁵⁶. Полагая подобные оценки несколько преувеличенными, мы тем не менее не можем не отметить тот вклад, кото-

⁵³ См.: *Буганов В. И.* Российское дворянство // *Вопр. истории.* 1994. № 1. С. 29–41; *Андреев И. Л.* Дворянство и служба в XVII веке // *Отеч. история.* 1998. № 2. С. 164–175.

⁵⁴ *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954; *Он же.* Вооруженные силы // *Очерки истории СССР. Период феодализма.* XVII век. М., 1955. С. 439–456.

⁵⁵ См.: *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства... С. 221–223.

⁵⁶ *Калинычев Ф. И.* Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 167.

рый внесли эти исследователи в изучение истории русской армии допетровской эпохи.

Исследованию процесса формирования русской регулярной армии посвятил свою кандидатскую диссертацию М. Д. Рабинович, обративший внимание, в частности, на правовой статус людей, служивших в полках «нового строя»⁵⁷. Особенно интересны собранные им данные о тех изменениях, которые происходили в начале XVIII в. с прежними категориями служилых людей «старых служб». Выводы М. Д. Рабиновича практически совпадают с выводами А. В. Чернова, хотя главная заслуга в деле преобразования армии приписывалась исключительно Петру I. Впрочем, это было общей установкой для советских исследователей, превозносивших деятельность Петра⁵⁸. Тем не менее виднейший специалист в области военных реформ Петровской эпохи Л. Г. Бескровный, например, прямо утверждал: «Заслуга Петра I состояла в том, что он... использовал отечественный опыт, оправдавший себя на практике»⁵⁹. Скрупулезно изучив все меры Петра по формированию новой армии, а также достигнутые в ходе их воплощения результаты, он пришел к однозначному выводу: «Военные реформы, проведенные на рубеже XVII и XVIII веков, явились логическим завершением процесса возникновения и развития постоянной регулярной армии и флота, продолжавшегося в течение XVII века»⁶⁰. Более того, им был однозначно сформулирован тезис о том, что «в основе реформ первой четверти XVIII века лежал накопленный в XVII веке опыт в организации армии»⁶¹. Несмотря на определенную идеологическую тенденциозность, все перечисленные работы внесли значительный вклад в изучение истории вооруженных сил России, особенно с учетом того обстоятельства, что в

⁵⁷ Рабинович М. Д. Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.

⁵⁸ Нередко об этом свидетельствуют уже сами названия работ (см., напр.: Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952). Аналогичной точки зрения придерживались теоретики военно-исторической науки: «Русское войско XVII в. не являлось регулярной армией... Это было время увеличения постоянного войска и развития элементов регулярства» (Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1999. Т. 3. С. 218).

⁵⁹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 22.

⁶⁰ Там же. С. 632.

⁶¹ Там же. С. 633. В одной из своих статей Л. Г. Бескровный также утверждал, что «накопленный опыт в области комплектования и организации войск нового строя явился важным условием для решения вопроса о создании в короткий срок большой регулярной армии в первой четверти XVIII в.» (Бескровный Л. Г. Реформа армии и создание военно-морского флота // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 343).

последующие десятилетия данная тематика, к сожалению, практически не разрабатывалась.

Следует заметить, что история русской армии вообще не относилась к числу популярных тем в отечественной историографии 1960–1980-х гг. За эти десятилетия вышло лишь несколько посвященных ей работ⁶². Более того, были поставлены под сомнение изложенные выше положения, в частности тезис о глубокой внутренней связи процесса формирования регулярной армии Петровской эпохи с опытом организации войск «нового строя» на протяжении предшествующего столетия. П. П. Елифанов, например, категорически утверждал, что «непосредственная преемственность между набранным Петром I “прямым регулярным войском” и солдатской пехотой XVII века исключалась»⁶³. С его точки зрения, ни о какой регулярной армии в России XVII в. говорить невозможно, равно как и о преемственности армейской реформы Петра I и деятельности его предшественников: «Факты не подтверждают мнения некоторых историков (В. О. Ключевский, А. В. Чернов) о возникновении уже в допетровской России вполне сложившейся регулярной армии»⁶⁴. Свое мнение П. П. Елифанов обосновывал тем обстоятельством, что петровская реорганизация армии «совпала с новой полосой в эволюции военного дела», стимулом для которой явились «количественные и качественные сдвиги в производстве оружия всех видов, особенно огнестрельного, в последние десятилетия XVII века»⁶⁵. Более сдержанную позицию занимали большинство специалистов по истории вооруженных сил России XVIII столетия. В частности, М. Д. Рабинович, используя собранные им данные о судьбе войск «нового строя», а также стрелецких полков, показал, что именно эти соединения на первых порах послужили основой для строительства регулярной армии в Петровскую эпоху⁶⁶. Да и описывая ход первых рекрутских наборов, предпринятых Петром в процессе подготовки к войне со Швецией, он отмечал практически те же характерные черты и особенности, что были свойственны проводившимся на протяжении второй половины XVII в. наборам «даточных людей» в состав полков «нового строя».

⁶² См., напр.: Елифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII — первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969; Он же. Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 234–264; Каралов В. В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Воен.-ист. журн. 1986. № 12. С. 61–67.

⁶³ Елифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела... С. 14.

⁶⁴ Там же. С. 13.

⁶⁵ См.: Там же. С. 14.

⁶⁶ См.: Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 221–233; Он же. Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справ. М., 1977.

Впрочем, для большинства исследователей эти вопросы считались, в общем, уже закрытыми.

Только в последние 15 лет вновь возрос интерес к данной проблематике и появились обобщающие труды, монографии и статьи по конкретным сюжетам, а также исследования теоретического характера, зачастую по-новому переосмысливающие и интерпретирующие уже известные данные. Правда, в большинстве коллективных обобщающих работ по истории русской армии событиям XVII в. уделяется не так уж много внимания, а соответствующие разделы посвящены, как правило, описанию военных кампаний⁶⁷. Значительно больший интерес вызывают у современных военных историков эпоха Петра Великого и XVIII столетие в целом, что вполне понятно, поскольку именно это время ознаменовалось наивысшими успехами русского оружия, прославившегося на полях сражений в Европе⁶⁸. В связи с данной проблематикой рассматривается и вопрос о времени окончательного перевода русской армии на регулярную основу⁶⁹.

Впрочем, следует отметить, что имеется также ряд публикаций, непосредственно либо косвенно затрагивающих интересующий нас феномен – войска «нового строя». Процесс формирования первых соединений подобного рода освещен в соответствующей главе монографии В. А. Волкова, собравшего огромный объем фактического материала⁷⁰. Проблеме заимствования и творческого использования опыта западноевропейского военного строительства в России на протяжении XVII–XVIII вв. посвящен ряд статей, а также докторская диссертация В. В. Пенского⁷¹. О военных ре-

⁶⁷ См., напр.: *Военная история Отечества с древних времен до наших дней*: В 3 т. М., 1995. Т. 1; *Военная история России*. М., 2001; *История русской армии*. М.; СПб., 2004.

⁶⁸ См., напр.: *На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху Петра Великого*. СПб., 2002; *На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов*. СПб., 2003; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение*. М., 1995; *Волкова И. В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России* // *Вопр. истории*. 2006. № 3. С. 35–51; и др.

⁶⁹ См.: *Копылов И. А. От регулярных войск к регулярной армии. О дате создания Российской Армии* // *Воен.-ист. журн.* 1999. № 1. С. 63–67; *Регулярная армия России. История создания и становления*. М., 2002. Кстати, этот вопрос был поставлен в свое время еще русским военным историком-эмигрантом А. А. Керсновским (см.: *Керсновский А. А. История русской армии*: В 4 т. М., 1999. Т. 1: *От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг.*).

⁷⁰ *Волков В. А. Войны и войска Московского государства*. М., 2004. С. 391–407.

⁷¹ *Пенской В. В. Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития* // *Вопр. истории*. 2001. № 7. С. 119–137; *Он же. Попытка военных реформ в России начала XVII века* // *Вопр. истории*. 2003. № 11. С. 127–138; *Он же. Восная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии*. М., 2004.

формах, предпринимавшихся в правление царя Алексея Михайловича, упоминается в публикациях С. А. Нефедова⁷². Об иностранцах в России XVII в., в том числе о несении ими военной службы в полках «нового строя», писал С. П. Орленко⁷³. Наконец, А. В. Малов и О. А. Курбатов, опираясь на ранее не введенные в научный оборот архивные материалы из фондов РГАДА, постарались дать полную картину истории существования этих соединений на территории европейской части страны⁷⁴. Особо хотелось бы выделить чрезвычайно содержательную монографию А. В. Малова по истории московских солдатских полков второй половины XVII в.⁷⁵

Таким образом, именно на последние несколько лет приходится своего рода всплеск активности – появление значительного числа публикаций отечественных специалистов, в которых рассматриваются те или иные аспекты истории войск «нового строя» в России. Почти все они имеют единую концептуальную основу, которая представляется нам вполне убедительной и соответствующей накопленным к настоящему времени фактам. К ним примыкают по своему идейно-теоретическому содержанию труды зарубежных исследователей, посвященные данной проблематике⁷⁶. Большинство из них, считая возникновение полков «нового строя» первым шагом на пути к формированию русской регулярной армии, пытаются установить, на модели каких именно государств эпохи Нового времени ориентировались первые Романовы, приступая к реорганизации собственных

⁷² *Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века* // *Вопр. истории*. 2004. № 4. С. 33–52; *Он же. Еще раз о спорных вопросах русской военной истории середины XVII века* // *Вопр. истории*. 2005. № 8. С. 174–175.

⁷³ *Орленко С. П. Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII в.* // *Вопр. истории*. 2000. № 6. С. 137–141; *Он же. «Немцы» и московское правительство в XVII веке* // *Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры*. М., 2001. Вып. 4. С. 15–26; *Он же. Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение)*. М., 2004. С. 184–195.

⁷⁴ *Малов А. В. Государев выборный полк Аггея Шепелева: Первое солдатское служилое платье* // *Цейхгауз*. 2002. № 4. С. 10–13; *Он же. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы* // *Отеч. история*. 2006. № 1. С. 118–131; *Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650–1660-х гг.*: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁷⁵ *Малов А. В. Московские выборные полки...*

⁷⁶ См., напр.: *Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, 1971; *Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*. Oxford, 1985; *Davies B. Village into Garrison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy* // *Russ. Rev.* 1992. Vol. 51, pt 4. P. 481–501; *Stevens C. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. DeKalb, 1995; *Taylor B. Politics and the Russian Army: Civil-military Relations, 1689–2000*. Cambridge, 2003.

вооруженных сил⁷⁷. Господствующая в современной историографии точка зрения по интересующим нас вопросам заключается в следующем.

На протяжении всего XVII в. полки «нового строя» в России сосуществовали со старой поместной конницей, хотя во второй половине века наметилась устойчивая тенденция к вытеснению ими последней и завоеванию преобладающих позиций в составе русской армии. Исследователи расходятся во мнениях относительно степени этого преобладания, а также того, чем мог бы в итоге завершиться этот долгий процесс, не будь он резко ускорен петровскими преобразованиями. Однако к моменту введения военных округов (разрядов) в 1680 г. и проведения всеобщего «разбора ратных людей» в 1681 г. такое преобладание было уже налицо. До конца XVII в. значительную роль в этом процессе играли иностранные специалисты, офицеры и генералы, однако среди высшего и особенно среднего командного состава были и русские люди, причем их доля постоянно росла. Служба рядовых в этих войсках имела характер скорее рекрутской повинности (наборы «даточных людей» по одному человеку с определенного количества дворов, а также обязательная запись «в службу» детей боярских), чем добровольного найма, принятого в армиях государств Западной Европы того времени. Тем не менее своими боевыми качествами эти войска заметно превосходили дворянскую конницу, так что у московского правительства не оставалось иного выбора, кроме как продолжать их организацию и комплектование. Таким образом была подготовлена почва для военной реформы Петра I и созданы необходимые условия для начала процесса перевода русской армии на регулярную основу в XVIII в.

Во второй части обзора, представленной ниже, охарактеризованы работы по истории Сибири, посвященные некоторым проблемам, связанным с темой нашего исследования.

Дореволюционная историография, к сожалению, не содержит достаточного объема материалов по интересующим нас вопросам. Следует заметить, что даже к началу XX в. разработка основных проблем сибирской истории: процесс колонизации, роль в нем различных общественных и национальных групп (в том числе западноевропейских), межэтнические контакты и культурные связи пришельцев с местным населением и т. д. — на-

⁷⁷ См.: *Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988; Ralston D. Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990; Reger W. European Mercenary Officers and the Reception of Military Reform in the 17th Century Russian Army // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17th Century Russia / Ed. by Jarmo T. Kotilaine, Marshall T. Poe. London; New York, 2004. P. 223–245; Stevens C. Modernizing the Military: Peter the Great and Military Reform // Ibid. P. 247–262.*

ходила лишь на начальной стадии⁷⁸. Например, при изучении истории сибирской ссылки исследователями XIX – начала XX вв. была поставлена проблема присутствия в Сибири значительного числа иностранцев. П. А. Словцов считал, что «иноземцы», особенно европейцы, быстро заразили население Сибири всеми «пороками» своего времени⁷⁹, но эта крайняя точка зрения в дальнейшем поддержки не получила. П. Н. Буцинский в своей работе связывал появление в Сибири «иноземцев» с правительственной политикой, направленной на скорейшее заселение и освоение недавно присоединенной территории⁸⁰. Напротив, Н. М. Ядринцев утверждал, что Сибирь чуть ли не изначально рассматривалась московским правительством как место ссылки, и речь здесь может идти лишь о результатах репрессивной государственной политики⁸¹. Более сдержанную позицию занимал Н. Н. Оглоблин, считая ссылку лишь одной из форм административной колонизации Сибири. Иностранцы, по его мнению, вносили «более или менее в сибирскую жизнь те или другие зачатки европейской культуры того времени»⁸². Во многом сходную с ним позицию занимал С. А. Белокуров. В его работе о Юрии Крижаниче (а именно в главе, посвященной пребыванию последнего в Сибири) можно обнаружить и некоторые факты, непосредственно относящиеся к истории сибирских войск «нового строя». Так, в ней приводятся данные за 1667 г. о численности воинских соединений, дислоцированных в Тобольске, а также именные списки людей, сосланных в Сибирь в 1660-е гг., многие из которых позднее оказались на службе в сибирских полках⁸³. Не проходили мимо факта существования этих войск на территории Сибири и авторы трудов более общего характера⁸⁴.

⁷⁸ Подробнее об этом см.: *Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 295–387.*

⁷⁹ «К удивлению, первые семена ложной жизни... были заброшены в Сибирь литвою, служившею в рядах с казаками, не замедлившими тому же научиться» (см.: *Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 108.*)

⁸⁰ *Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 193–204.*

⁸¹ *Ядринцев Н. М. Сибирь как колония // Соч.: В 2 т. Тюмень, 2000. Т. 1. С. 134–227. См. также: Он же. Исторические очерки русской ссылки // Дело. 1870. № 10; Он же. Колонизационное значение русской ссылки // Дело. 1870. № 12.*

⁸² *Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4 ч. М., 1900. Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центром. С. 60.*

⁸³ *Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901. С. 109–113; Приложение № 5. С. 39–75.*

⁸⁴ См.: *Щеголов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 83–84; Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 159.*

Н. Н. Оглоблин первым приступил к разработке архивных материалов, связанных с военной службой попадавших в Сибирь «иноземцев». Его перу принадлежит ряд работ, посвященных различным эпизодам сибирской истории, связанным с деятельностью служилого населения⁸⁵. А в своем «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» он выделил столбец № 100 – «Дело об устройстве в Сибири рейтар, драгун и беломестных казаков, 1671–1695 гг.» – и дал краткую его аннотацию⁸⁶. Данную публикацию можно считать одной из важнейших для изучаемой темы, поскольку именно материалы, содержащиеся в этом деле, являются ключом к ее разработке. В частности, Н. Н. Оглоблин дал характеристику основных документов, представленных в данном столбце: доклад 1677 г., посвященный предшествующей истории сибирских полков, именные росписи рядовых рейтар и драгун, а также офицерского состава за разные годы и т. д. Таким образом, эта публикация означала постановку проблемы и намечала пути ее возможной разработки. К сожалению, в последующие десятилетия она перестала привлекать внимание исследователей.

Первым из советских историков значительное внимание роли служилых людей в освоении Сибири уделил С. В. Бахрушин. Не касаясь всей его многогранной исследовательской деятельности, остановимся только на одной из его статей, которая имеет непосредственное отношение к нашей теме, поскольку в ней, среди прочего, анализируется деятельность стольника П. И. Годунова, бывшего в 1667–1669 гг. тобольским воеводой⁸⁷. С. В. Бахрушин довольно подробно описал реформу сибирских полков «нового строя», предпринятую П. И. Годуновым (не касаясь, правда, ее результатов), а также бунт против воеводы тобольских служилых людей в 1668 г., в котором активно участвовали и офицеры из этих полков. По сути, данная статья стала первой работой в советской историографии, в которой был непосредственно затронут один из фрагментов рассматриваемой нами темы.

Однако в дальнейшем проблема реорганизации сибирского «войска» вновь «выпала» из поля зрения советских историков, которые вслед за В. И. Шунковым переключились на изучение процессов земледельческой колонизации края и истории сибирского крестьянства, включая иногда в состав последнего даже служилых людей. Тем не менее отдельные сюжеты нашей темы, так или иначе, фигурировали в ряде исследований. В одной из

⁸⁵ См., напр.: Оглоблин Н. Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8; Он же. Томский бунт 1637–1638 гг. // Ист. вестн. 1901. № 7. С. 229–250; Он же. К истории Томского бунта 1648 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1903. Кн. 3. С. 3–30; и др.

⁸⁶ Оглоблин Н. Н. Обзорение... Ч. 3. С. 266–267.

⁸⁷ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 252–296.

монографий того же В. И. Шункова упоминалось о размещении по крестьянским слободам Тобольского уезда отрядов сибирских войск «нового строя» при воеводе П. И. Годунове⁸⁸. В работах А. А. Кондрашенкова и А. А. Преображенского встречаются сведения о взаимоотношениях крестьян и расквартированных по слободам драгун⁸⁹. В одной из статей Н. В. Устюгова довольно подробно описана роль, которую сыграли части полков «нового строя» в ходе подавления антирусского восстания башкир в 60-х гг. XVII в.⁹⁰

С начала 1960-х гг. появляется ряд исследований, специально посвященных сибирским служилым людям, их занятиям и роли в процессе колонизации Сибири. Для нас представляют интерес работы В. А. Александрова, А. А. Люцидарской, А. Д. Колесникова, В. Н. Курилова, Н. Ф. Емельянова и др. Так, В. А. Александров показал роль крестьян, служилых и промышленных людей в ходе колонизации русскими Восточной Сибири⁹¹. А. А. Люцидарская и Н. Ф. Емельянов уделили внимание повседневной жизни и занятиям томских служилых⁹². В. Н. Курилов проанализировал сословную структуру населения Тюмени⁹³. А. Д. Колесников и Н. А. Миненко продемонстрировали на материалах Западной Сибири динамику численности и эволюцию сословной структуры русского населения в этом регионе на протяжении XVIII–XIX вв.⁹⁴ Г. Ф. Быкопя проделал аналогичную работу на материалах Восточной Сибири⁹⁵. Правда, в перечисленных публикациях речь идет прежде всего об участии слу-

⁸⁸ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.; Л., 1946. С. 146–150.

⁸⁹ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. Челябинск, 1969. Ч. 2. С. 171–172; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. М., 1972. С. 347–349.

⁹⁰ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Ист. зап. 1947. Вып. 24. С. 30–110.

⁹¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

⁹² Люцидарская А. А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 5–14; Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980–1982. Ч. 1, 2.

⁹³ Курилов В. Н. Социальная структура населения сибирского города XVII в. (по материалам Тюмени) // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976. С. 28–39.

⁹⁴ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; Миненко Н. А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 245–263.

⁹⁵ Быкопя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985.

жилых людей в торговой и промышленной деятельности, а большинство аспектов военной службы затронуты слабо. Исключение составляет лишь монография В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, в которой этим аспектам уделено немало внимания⁹⁶.

Данные вопросы начали активно разрабатываться только в последние 10–15 лет вследствие резко возросшего интереса к истории сибирского казачества. Конечно, обращались к этой тематике и исследователи XIX – начала XX вв., достаточно вспомнить в этой связи работы Г. Е. Катанаева⁹⁷. Однако советская историография практически не уделяла внимания казачьему сословию. По справедливому замечанию Н. А. Миненко, «немного можно назвать книг, вышедших в свет после 1917 г. и специально посвященных казачеству»⁹⁸. Впрочем, эта ситуация вполне объяснима, поскольку «в подавляющей своей массе казачество было отнесено к лагерю эксплуататоров, “врагов трудового народа” – тех, кого советским людям полагалось ненавидеть, уничтожать»⁹⁹. Зато зарубежные исследователи считали своим долгом подробно останавливаться на темах, имеющих отношение к казакам и представителям иных групп русского служилого населения на сибирских землях, что вполне понятно и логично, поскольку большинство из них придерживались концепции «завоевания», а не мирного «присоединения» Сибири к Русскому государству¹⁰⁰. Некоторые отечественные специалисты также считают возможным сравнивать утверждение русской власти в Сибири с продвижением западноевропейских колонистов

⁹⁶ См.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75–107.

⁹⁷ См., напр.: Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1: Конец XVI – начало XVII столетий; *Он же*. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. Омск, 1908; и др.

⁹⁸ Миненко Н. А. Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 6.

⁹⁹ Там же. С. 7.

¹⁰⁰ См., напр.: Gröpper C. Die Geschichte der Kosaken. Der Wilde Osten (1500–1700). München, 1976. Из общих работ по сибирской истории можно выделить следующие: Lantzeff G. Siberia in the 17th century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943; Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, 1971; Lincoln W. The Conquest of a Continent. Siberia and the Russians. London, 1994; и др. Обзор зарубежной историографии по данной тематике см.: Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1581–1700: A Historiographic Review // *Siberica. A Journal of North Pacific Studies*. Summer, 1990. Vol. 1, pt 1. P. 4–37.

на земли североамериканского континента, сопровождавшимся активными боевыми действиями против коренного населения¹⁰¹.

В современной российской исторической науке данная проблематика пользуется достаточной популярностью. Отметим, в первую очередь, обобщающую монографию по истории казачества Сибири и Дальнего Востока¹⁰². Перу известного сибироведа Н. И. Никитина принадлежит популярный очерк, посвященный начальному этапу образования казачьего сословия в Сибири¹⁰³. Ю. Г. Недбай в своих очерках изложил накопленный им фактический материал о жизни и службе казаков Западной Сибири в XVII–XVIII вв.¹⁰⁴ Среди работ, выполненных на региональном уровне, в качестве примера можно отметить публикацию А. Л. Михащенко¹⁰⁵. Наконец, вносят свой вклад в изучение этой тематики и сибирские краеведы¹⁰⁶. Однако не только казаки составляли русское служилое население Сибири в интересующий нас период. Службу в сибирских полках «нового строя» несли не только представители казачества, но и выходцы из других групп сибирского служилого люда. В связи с этим особого внимания заслуживают труды Г. А. Леонтьевой и Н. И. Никитина, посвятивших свою научную деятельность анализу различных сторон жизни и занятий сибирских служилых людей: внутренней организации и способов комплектования сибирского служилого сословия, правового статуса, обязанностей и материального обеспечения служилых, их сельскохозяйственных и торгово-промышленных занятий. Г. А. Леонтьева на материалах Восточной Сибири продемонстрировала место служилого населения в экономической жизни региона, а также уделила внимание некоторым деталям повседневной жизни «воинских людей»¹⁰⁷. Публикации Н. И. Никитина позволили

¹⁰¹ Ламин В. А., Резун Д. Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 17–24; Резун Д. Я. Быть тут острогу и слободе: Фронт в истории Сибири и Северной Америки // Родина. 2000. № 5. С. 76–78.

¹⁰² История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. См. также: Казаки Урала и Сибири...

¹⁰³ Никитин Н. И. Начало казачества Сибири. М., 1996.

¹⁰⁴ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири, 1582–1808 гг.: Краткие очерки: В 4 ч. Омск, 1996.

¹⁰⁵ Михащенко А. Л. Казачество Южного Зауралья. Курган, 2000.

¹⁰⁶ Фабрика Ю. А. Сибирский шит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001.

¹⁰⁷ Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Она же*. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 94–105; *Она же*. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII – первой четвер-

осветить многие аспекты материально-правового статуса русских служилых людей на территории Сибири, особенности несения ими военной службы и характер официальных задач, возложенных на них государственной властью¹⁰⁸. Работы указанных авторов представляют для нас заметную ценность.

В своей известной монографии Н. И. Никитин упомянул о «разборе» служилых людей в городах Тобольского разряда, проводившемся в 1659–1660 гг. тобольским воеводой князем И. А. Хилковым. Этим «разбором» как раз сопровождался набор служилых людей в организовывавшиеся воеводой войска «нового строя»¹⁰⁹. Собранные и проанализированные Н. И. Никитиным данные позволяют нам проводить сравнения между сибирскими полками «нового строя» и остальными формированиями «ратных людей» для определения места и роли сибирских полков в общей структуре русских вооруженных сил на территории Сибири, их статуса, материального положения и т. д. Кроме того, данная монография представляет собой редкий по качеству пример обобщения на высоком теоретическом уровне накопленных в большом количестве исторических фактов, вследствие чего она дает читателю целостную картину существования различных групп служилого населения в условиях Сибири XVII в.

В перечисленных выше работах можно найти довольно много упоминаний о сибирских войсках «нового строя», однако почти все они, к сожалению, довольно фрагментарны. Самостоятельного значения интересующим нас войскам авторы, как правило, не отводили. И лишь в последние 15 лет появился ряд исследований, посвященных прежде всего истории Зауралья, в которых войска «нового строя» выделяются в качестве специального объекта изучения либо рассматриваются как весьма значимый элемент военно-оборонительной системы Русского государства на данной

ти XVIII в. (историография) // *Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в.* Новосибирск, 1984. С. 100–124; *Она же.* Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // *Земледельческое и промышленное освоение Сибири XVII – начала XX века.* Новосибирск, 1985. С. 3–18.

¹⁰⁸ *Никитин Н. И.* Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // *История СССР.* 1980. № 2. С. 161–173; *Она же.* Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // *Общественно-политическое развитие феодальной России.* М., 1985. С. 51–70; *Она же.* О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // *Аграрный строй в феодальной России.* XV – начало XVIII в. М., 1986. С. 153–173; *Она же.* О практике управления сибирскими гарнизонами в XVII в. // *Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в.* М., 1987. С. 103–115.

¹⁰⁹ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 73–75.

территории¹¹⁰. В этих публикациях представлен довольно значительный по объему блок сведений, относящихся непосредственно к существованию в этом регионе войск «нового строя», прежде всего драгунских соединений. Наиболее ценны в этом отношении работы В. Д. Пузанова¹¹¹. Им введен в научный оборот целый корпус данных по истории сибирских драгун, а также проанализирован процесс перевода их в конце 80-х гг. XVII в. в ряды беломестных казаков. О том же, как проходили на территории Сибири преобразования Петра I и как они отразились, в частности, на положении сибирского служилого населения, писали М. О. Акишин и Ю. Г. Недбай¹¹². Таким образом, имеются основания утверждать, что интересующее нас явление нуждается в комплексном и всестороннем изучении.

Следует отметить, что в исследовательской литературе второй половины XX в. периодически затрагивалась проблема роли и участия «иноземцев» (европейцев) в процессе освоения Сибири. Однако при этом основное внимание историков было сосредоточено на так называемой «литве»¹¹³ (т. е. выходцах с территории Речи Посполитой). О роли этих людей в жизни г. Томска, например, писали в свое время З. Я. Бояршинова и Н. Ф. Емельянов¹¹⁴. Интересные биографические данные о «литовских

¹¹⁰ *Менциков В. В.* Особенности заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // *Земля Курганская: прошлое и настоящее.* Курган, 1992. Вып. 3. С. 56–61; *Она же.* Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // *История Курганской области.* Курган, 1995. Т. 1. С. 103–194; *Шлепенков Е. В.* Военно-оборонительная система Зауралья в XVII–XIX веках (по литературе) // *Земля Курганская: прошлое и настоящее.* Курган, 1996. Вып. 17. С. 3–36; *Вершинин Е. В.* Неверность «бродячих царевичей»: Зауральское степное пограничье в XVII в. // *Родина.* 1998. № 1. С. 60–63.

¹¹¹ *См.: Пузанов В. Д.* Зауралье в XVII веке. Русские и кочевники // *Земля Курганская: прошлое и настоящее.* Шадринск, 1994. Вып. 7. С. 73–78; *Она же.* Условия формирования военно-административной системы в Зауралье (XVI–XVII вв.) // *Итоги и задачи регионального краеведения.* Курган, 1997. С. 68–76; *Она же.* Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999; *Она же.* Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // *Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр.* Курган, 2000. С. 50–75.

¹¹² *См.: Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; *Недбай Ю. Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998.

¹¹³ «Литва» – собирательное название для обозначения попадавших в Сибирь выходцев с территории Речи Посполитой, в дальнейшем использовалось также в качестве наименования специальной категории служилого населения («литовский список»), которую они составляли.

¹¹⁴ *См.: Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // *Тр. Томск. гос. ун-та. Сер. Ист.-филол. науки.* Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210; *Емельянов Н. Ф.* Томские служилые люди «литва» в XVII – первой четверти XVIII вв. // *Проблемы исторической демографии СССР.* Томск, 1982. Вып. 2. С. 34–42.

людях», попадавших в Тобольск, приводятся в очерке Н. И. Никитина¹¹⁵. Польско-литовским служилым Кузнецка посвятил одну из своих публикаций Д. Я. Резун¹¹⁶. На материалах сразу нескольких сибирских городов выполнены кандидатская диссертация и недавно изданная монография И. Р. Соколовского¹¹⁷.

Вопросы же, связанные с пребыванием в Сибири «немцев», как называли тогда прежде всего представителей западноевропейских государств, только начинают исследоваться, хотя уже сейчас имеется несколько работ, посвященных жизни и служебной деятельности европейцев в Сибири XVII в.¹¹⁸ В масштабах всей страны это явление также привлекает внимание исследователей¹¹⁹. Кроме того, в одной из статей А. С. Зуева затронут сюжет, связанный с проблемой укомплектования сибирских войск «нового строя» офицерскими кадрами¹²⁰. Нельзя также не упомянуть и о «банке данных» по сибирским «иноземцам» XVII столетия, над составлением которого на протяжении уже почти 15 лет ведется работа в Институте истории СО РАН под руководством Д. Я. Резуна¹²¹.

¹¹⁵ Никитин Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 47–73.

¹¹⁶ Резун Д. Я. «Литва» Кузнецкого острога XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 37–45.

¹¹⁷ Соколовский И. Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; *Он же*. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.

¹¹⁸ См.: Резун Д. Я. Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 125–130; *Rezun D., Zuev A.* «Nemcy» im Staatsdienst in Sibirien Ende des 16. bis Ende des 17. Jahrhunderts // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Sibirien: Kolonie – Region. 1996. N 2. S. 55–73; *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований*. Новосибирск, 1999–2002. Вып. 1–3; *Лютеране в Сибири*. Омск, 2000; и др.

¹¹⁹ См., напр.: *Лебедев А. Л.* Служилые «иноземцы» в России XVII века (1613–1689 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Филюшкин А. И.* В Россию – жить и служить: Иноземцы в пределах государства российского // Родина. 2001. № 10. С. 53–57; *Скобелкин О. В.* Странствующие искатели приключений // Родина. 2003. № 5/6. С. 18–21; *Орленко С. П.* «Шкотские немцы» в Московии // Родина. 2004. № 11. С. 39–45.

¹²⁰ *Зуев А. С.* Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660–х гг. полков «нового строя») // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Бахрушинские чтения 1996 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 11–20.

¹²¹ См.: *Резун Д. Я.* Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований*. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 67–77.

Таким образом, обзор литературы показывает, что при всем многообразии исследований по отдельным сюжетам, связанным с нашей темой, существует лишь небольшое количество работ, посвященных непосредственно интересующим нас проблемам. Максимум же, на что можно рассчитывать при анализе остальных работ, – это получение необходимой информации по более общим вопросам.

Источниковую базу исследования составляют, главным образом, документы из фонда Сибирского приказа (ф. 214), а также ряда других фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва). Наряду с архивными материалами нами были использованы и опубликованные источники.

В изученных нами архивных делах, а также сборниках опубликованных документов собраны различные материалы, которые можно разделить на два вида письменных источников: *документальные* и *нарративные*. Первый из них представлен двумя разновидностями *документов*, а именно *законодательными актами* и *делопроизводственной документацией*.

К законодательным актам относятся *указы* и *грамоты*, исходившие от верховной власти (непосредственно или от ее имени). Адресованные воеводам западносибирских городов (Тобольска, Верхотурья, Тюмени и т. д.), они рассылались из Сибирского приказа, когда требовалось решать те или иные вопросы, связанные с существованием сибирских войск «нового строя». Конечно, по ним нельзя составить полную картину происходившего, так как даже царские именные указы в Сибири часто вообще не исполнялись, для чего, однако, всегда находились оправдательные причины. Тем не менее по данным указам и грамотам можно проследить все изменения правительственной политики в отношении этих войск и сделать выводы об определенных тенденциях, доминировавших в ней в тот или иной период времени.

Переходя к делопроизводственной документации, следует заметить, что мы имеем дело с документами государственного делопроизводства обоих уровней: как *общего* («сношения конкретного учреждения с вышестоящими органами власти, равными себе и нижестоящими учреждениями»), так и *специального* («результат специфической деятельности каждого государственного учреждения») характера¹²². На основе анализа формуляров (структур текста), присущих отдельным разновидностям документов, нами выделены *отписки*, *памяти*, *выписки*, *доклады*, *челобитные*, *ростписи* и *окладные книги жалованья*.

Документы приказного делопроизводства XVII в. обладают известной спецификой, без учета которой невозможны их правильная оценка и использование. Решение этой задачи облегчается тем обстоятельством, что в

¹²² *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 119.

исследовательской литературе уже существуют соответствующие источниковедческие наработки, дающие достаточно полное представление о специфике документальных материалов XVII в., относящихся к сибирской истории¹²³.

Относительно информативности и степени достоверности перечисленных выше разновидностей делопроизводственной документации можно сказать следующее. Пожалуй, в наименьшей степени тенденциозное изложение характерно для различных росписей, а также выписок. Не упоминаем здесь именные списки и окладные книги, так как их проверка возможна только при условии привлечения значительного количества однотипных источников. Что касается названных выше видов документов, то, конечно, и в них можно встретить неверную информацию, но чаще всего она бывает результатом элементарной небрежности или некритического использования имеющихся данных (иногда недостоверных), на основе которых строится данный документ. Говорить же о какой-либо тенденциозности, на наш взгляд, здесь неуместно. До некоторой степени она характерна для воеводских отписок, особенно когда речь идет о чем-либо, уже сделанном воеводой, после чего тот задним числом оправдывает свои действия либо испрашивает царского указа для проведения желаемых мер, подбирая соответствующие факты для обоснования этого. Тем не менее отпискам воевод, равно как и царским указам, вполне можно доверять, не забывая, конечно, о необходимости проверки содержащихся в них сведений.

С большей осторожностью следует относиться к информации, содержащейся в челобитных служилых людей, в которых отражаются в основном субъективные интересы жалобщиков. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что последние могли (в своих интересах) прибегать к ложной информации. Установлено, что сибирские служилые люди, подавая челобитные на имя царя, были склонны преувеличивать свои нужды и тяготы, чтобы побольше получить за свои страдания¹²⁴. Так что именно при изучении этих источников наиболее высока вероятность столкнуться с тенденциозной и недостоверной информацией, но это, естественно, не дает нам основания отказываться от их использования. В каждом случае необ-

¹²³ См., напр.: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век; *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981; *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; *Покровский Н. Н.* Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 13–18.

¹²⁴ В частности, Н. А. Миненко писала: «Проверка показывает, что в целях получения от властей решения в свою пользу составители прошений могли завышать степень своих бедствий, давать заведомо ложную информацию...» (*Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири... С. 47). То же отмечал и Н. Н. Покровский (*Покровский Н. Н.* Указ. соч. С. 13–18).

ходимо проводить соответствующее «расследование», по результатам которого и можно оценивать данный документ. В конце концов, это одна из немногих разновидностей источников, дающих возможность «увидеть» повседневную жизнь разных групп населения, так сказать, изнутри, «с другой стороны», а не только с официальной, государственной точки зрения.

К *нарративным* источникам относятся памятники летописания, а также произведения *мемуарного* характера – записки современников, в основном иностранцев, имевших какое-либо отношение к военной службе, написанные во время их пребывания в Русском государстве.

Летописные известия, среди которых встречаются упоминания об интересующем нас предмете, сохранились как в различных сводах сибирских летописей, так и в первых изданиях, посвященных истории Сибири и созданных на их основе, например, в «Древней Российской Вивлиофике», издававшейся во второй половине XVIII столетия Н. И. Новиковым. Скажем, известие о начале формирования в Сибири полков «нового строя» содержится в Есиповской летописи и в Сибирском летописном своде¹²⁵. Почти без изменений оно воспроизводится в «Записках, к сибирской истории служащих» – одном из выпусков «Древней Российской Вивлиофики»¹²⁶. Правда, все эти упоминания довольно фрагментарны, к тому же зачастую нуждаются в корректировке.

Записки иностранных наблюдателей также содержат иногда весьма интересные и ценные сведения об организации войск «нового строя», равно как и об условиях жизни и службы в России XVII в. вообще. В этой связи можно только приветствовать осуществленное за последние годы переиздание дневника шотландца П. Гордона, прошедшего много лет на русской военной службе именно в полках «нового строя»¹²⁷. Многочисленные бытовые подробности, зарисовки из повседневной жизни делают его повествование чрезвычайно познавательным, давая читателю возможность погружаться в атмосферу российской действительности второй половины XVII в.

Бесспорно, основополагающим для изучения темы является уже упоминавшийся столбец № 100 из фонда Сибирского приказа в РГАДА¹²⁸. Именно в нем содержится в концентрированном виде наиболее значимая информация о сибирских полках «нового строя». Открывается он докладом, составленным в 1677 г., в котором описываются все организационные

¹²⁵ См.: *Полное собрание русских летописей.* М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Далее: ПСРЛ.

¹²⁶ *Древняя Российская Вивлиофика.* СПб., 1895. Т. 3, ч. 5, 6. Далее: ДРВ.

¹²⁷ *Гордон П.* Дневник. М., 2002. Ч. 2: 1659–1667 гг.; М., 2005. Ч. 3: 1677–1678 гг.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100.

изменения, происходившие с сибирскими войсками с момента начала их формирования в 1659 г. Далее следуют именные росписи офицерского и рядового состава этих полков по состоянию на 1670 г. с указанием их денежных окладов, челобитные служивших там людей, царские грамоты и воеводские отписки, посвященные тем или иным организационным преобразованиям. Заканчивается данное дело документами о драгунах Исетских острогов, переведенных на некоторое время в ряды беломестных казаков.

Кроме того, следует отметить находящуюся в «Портфелях Г.-Ф. Миллера» в РГАДА окладную книгу, в которой собраны данные о тобольских служилых людях, поверстанных¹²⁹ на службу в «выбылые» оклады¹³⁰ за период с 1663 по 1678 г.¹³¹ Книга содержит несколько подробных именных списков: тобольских служилых людей, ранее служивших в рейтарах; рейтар, набранных в 1660 г., с указанием, из каких категорий служилого населения они были взяты, и т. д. Данная информация тем более ценна, поскольку это чуть ли не единственные сохранившиеся именные списки рядового состава сибирских полков. При наборе солдат и рейтар подобные списки, по-видимому, не составлялись вообще, и только намного позднее их пытались воссоздать на основе обрывочных данных. В связи с этим следует отметить, например, книгу № 607 из фонда Сибирского приказа, в которой содержится именной список отставных солдат, проживавших в Тобольске в 1676 г.¹³² В большинстве же изученных нами документов Сибирского приказа, касающихся этого вопроса, стоит одна стандартная фраза: «А книг именных тем людям ис Тобольска к Москве не присылывано», — так что приходится довольствоваться теми данными, которые оказались в нашем распоряжении. Среди просмотренных нами дел из фонда Сибирского приказа можно отметить еще несколько книг, содержащих именные списки беломестных казаков, а также именную книгу Тобольского драгунского полка, составленную уже в 1700 г.¹³³

Помимо указанных выше нами был изучен еще ряд дел из фонда Сибирского приказа, которые в той или иной мере содержат документы, относящиеся к избранной теме. Часть из них посвящена пребыванию в Сибири иностранных военных специалистов, а также ссыльных «иноземцев»¹³⁴, другие характеризуют те или иные аспекты деятельности сибирских воевод

¹²⁹ Верстание — зачисление человека на военную службу с одновременным назначением ему жалованья.

¹³⁰ «Выбылый» оклад — оклад денежного, хлебного и соляного жалованья, временно оказывавшийся никому не принадлежавшим после смерти, отставки или перевода в другую служебную категорию того человека, которому он был назначен.

¹³¹ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1.

¹³² Там же. Ф. 214, оп. 1, кн. 607.

¹³³ Там же. Кн. 1044, 1104, 1248.

¹³⁴ Там же. Оп. 3, стб. 575, 577, 630, 783, 820, 827.

за интересующий нас период, в частности преобразования тобольского воеводы П. И. Годунова (1667–1669 гг.)¹³⁵. Путем сплошного просмотра нами изучены все сохранившиеся городовые и разрядные сметы вооруженных сил Тобольска, относящиеся ко второй половине XVII в.¹³⁶ Наконец, отдельные документы по сибирским войскам «нового строя» обнаруживаются и в фонде Верхотурской приказной избы в РГАДА¹³⁷. В целом же нами задействовано более 60 архивных дел, как по объему, так и по содержанию вполне удовлетворяющих сформулированным выше задачам настоящей работы.

Стоит отметить, что некоторые из указанных дел уже использовались исследователями. Так, материалы многих столбцов Сибирского приказа были внимательно изучены и частично даже опубликованы С. А. Белокуровым в упоминавшейся выше работе о Юрии Крижаниче. С. В. Бахрушин, описывая деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова, также во многом опирался на данные привлеченных нами дел. Столбцы, содержащие материалы о ссыльных «иноземцах», тщательно изучены И. Р. Соколовским¹³⁸.

Характеристика опубликованных источников затруднена тем обстоятельством, что большинство из них представляют собой лишь отдельные документы, в которых упоминания об интересующем нас предмете имеют случайный и разрозненный характер. Впрочем, это легкообъяснимо, поскольку данные публикации велись бессистемно, в рамках общих сборников документов XVII в., подготовленных и изданных в XIX в.

Первое упоминание о сибирских войсках «нового строя» относится к концу XVIII в. и содержится в «Древней Российской Вивлиофике». Базировалось оно на известиях сибирских летописей. Под 1661 годом в них сообщалось о приезде в Сибирь «офицеров высоких чинов»: Вилима Филиппова (В. Ф. фон Зейца), Якова Меиля (Я. Мейна), Василия Плалки (В. Бланка), Д. И. Полуехтова, И. С. Волкова, а также о появлении в Тобольске новых воинских соединений, где они стали командирами: 1 000 рейтар, 1 000 солдат и 4 000 стрельцов¹³⁹.

Некоторые материалы из архива Сибирского приказа опубликованы в многотомных изданиях «Актов Исторических» и «Дополнений...» к ним. Правда, документов, непосредственно связанных с нашей темой, среди них

¹³⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 367, 511; оп. 3, стб. 679, 801, 866, 1575.

¹³⁶ Там же. Оп. 1, кн. 568, 641, 659, 772, 839, 887.

¹³⁷ Там же. Ф. 1111, оп. 1, стб. 96 (ч. 1), 124 (ч. 1), 128 (ч. 2), 150 (ч. 1), 157 (ч. 4), 160 (ч. 1).

¹³⁸ См.: Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России... С. 105–158; Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 273–296; Соколовский И. Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения... С. 12–15.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. С. 100, 161, 205, 270–271, 326, 349, 373; ДРВ. Т. 3, ч. 5, 6: Записки, к сибирской истории служащие. С. 136–137.

немного. В основном это царские грамоты и воеводские отписки, касающиеся действий как полков «нового строя», так и вообще сибирских служилых людей, а также набегов кочевников и стычек с ними русских отрядов¹⁴⁰. Документы аналогичного содержания, относящиеся к более позднему периоду, можно найти в «Памятниках сибирской истории XVIII века»¹⁴¹.

Несколько больше информации можно извлечь из сборников, посвященных истории первых городов Сибири и издававшихся в конце XIX – начале XX в.¹⁴² Особый интерес для нас представляет сборник материалов по истории Тобольска, при подготовке которого проводился специальный отбор различных документов, как правило, довольно значительного объема. В частности, здесь находится отрывок из крестоприходной книги от 1682 г., где упоминаются отставные офицеры сибирских полков, а также полный текст окладной книги жалования тобольских служилых людей за 1696 г. Последняя содержит списки бывших рейтар, раскассированных по разным категориям служилых людей (конные казаки, казаки «литовского списка» и т. д.)¹⁴³. Нельзя не отметить и публикации документов в трудах В. Н. Шишонко и А. А. Дмитриева по истории Зауралья, в частности Верхотурского края¹⁴⁴.

Кроме того, следует выделить записки иностранных офицеров, состоявших на русской военной службе. Некоторые из них имели отношение к сибирским войскам «нового строя»¹⁴⁵. Наконец, невозможно обойти вниманием публикации, которые были осуществлены за последние 10–15 лет в рамках целой серии, посвященной изданию первоисточников по истории Сибири¹⁴⁶. Среди их богатого и многообразного содержания также можно

¹⁴⁰ См., напр.: *Акты Исторические*. СПб., 1842. Т. 5. № 47. С. 70–72. Далее: АИ; *Дополнения к Актам Историческим*. СПб., 1851. Т. 4, № 124. С. 295–296; № 145. С. 384–386; 1853. Т. 5, № 3. С. 38–39. Далее: ДАИ.

¹⁴¹ *Памятники сибирской истории XVIII века*. СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713 гг. № 35. С. 144–167; № 71. С. 289–301. Далее: ПСИ.

¹⁴² *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890; *Тюмень в XVII столетии*. Собрание материалов для истории города. М., 1903; *Томск в XVII веке: Материалы для истории города*. СПб., 1912.

¹⁴³ *Тобольск*. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 49–51.

¹⁴⁴ См.: *Шишонко В. Н.* Пермская летопись, 1263–1881. Пермь, 1884. Т. 3, 4; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7.

¹⁴⁵ См., напр.: *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Ч. 1; *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Новосибирск, 2006.

¹⁴⁶ *Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копияных книг*. Новосибирск, 1993. Т. 1; *Первое столетие сибирских городов. XVII век*. Новосибирск, 1996; *Первое столетие освоения Сиби-*

обнаружить некоторые документы, ранее не введенные в научный оборот и имеющие непосредственное отношение к интересующей нас теме.

Использованные нами источники в большей или меньшей степени охватывают практически все аспекты избранной темы. Немногочисленны среди них, к сожалению, наиболее информативные документы: именные списки и окладные книги жалования. Кроме того, с большими затруднениями мы столкнулись из-за отсутствия даже краткого сводного перечня боевых действий, в которых сибирские войска «нового строя» принимали участие в течение всего рассматриваемого периода. Наконец, различные этапы существования сибирских полков обеспечены источниками в различной степени: наибольшее количество материалов приходится на 60-е гг. XVII в., по следующим десятилетиям их уже меньше. Причиной этого может являться как меньшая насыщенность событиями, характерная для данного промежутка времени, так и то обстоятельство, что центральная власть перестала уделять сибирским войскам значительное внимание. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют дать оценку положения сибирских полков по основным параметрам: численности, личному составу, местам дислокации, а также отметить все организационные изменения, имевшие место в течение всего периода их существования.

ри русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета. Томск, 1999.

Глава I

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

«НОВОГО СТРОЯ» В СИБИРИ

1. Войска «нового строя» в России середины XVII столетия: причины появления и способы формирования

В российской истории XVII в. ознаменовался активным вовлечением России в общеевропейские военно-политические блоки и союзы. Возраставшая роль страны на международной арене настоятельно диктовала правительству царя Михаила Федоровича необходимость заимствования и освоения достижений западноевропейцев в военной сфере. К этому подталкивали и печальные итоги Смутного времени, когда выяснилось, что русские войска значительно уступают в своей боеспособности армиям ближайших соседей: Речи Посполитой и Швеции. Симптоматично, что первая попытка создания в русской армии подразделений, обученных по европейским военным образцам, была предпринята еще в 1609 г., т. е. в разгар Смуты, талантливейшим молодым полководцем кн. М. В. Скопиным-Шуйским¹. Однако его преждевременная смерть погубила это начинание. В последующие же годы спровоцированная Смутой волна ксенофобии, подозрительно-враждебного отношения ко всему иноземному, конечно, не способствовала усвоению европейских военных навыков. Однако по возвращении из польского плена патриарха Филарета, ставшего фактическим правителем страны в царствование его сына Михаила Романова, было решено форсировать подготовку к новой войне за возвращение западно-русских земель, отторгнутых Речью Посполитой по условиям Деулинского перемирия 1618 г.

XVII столетие в Европе было временем расцвета наемных армий, когда на полях сражений Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. под знаменами французского короля, германского императора и других активных участников боевых действий выступали целые соединения, состоявшие из наемников самых разных национальностей. Это были воины-профессионалы, для которых война стала источником существования, дорого ценившие свою жизнь и потому вынужденные овладеть навыками эффективных действий в бою в рядах правильным образом построенных шеренг

¹ См. об этом: Пенской В. В. Попытка военных реформ в России начала XVII века // Вопр. истории. 2003. № 11. С. 127–138.

и колонн. В определенной мере оказалась подверженной подобной тенденции и Россия, поставленная перед необходимостью реформирования своих вооруженных сил на европейский лад. Для достижения этой цели правительство Михаила Федоровича решает обратиться за помощью к непосредственным носителям столь нужных в Москве знаний и умений – боевым офицерам из армий разных стран, профессиональным воякам, призванным в качестве инструкторов передать свой опыт русским ратникам. В перспективе это означало формирование значительного контингента войск, способных действовать на поле боя принципиально иным образом, нежели дворянское ополчение, стрельцы или казаки: вести прицельный огонь, действовать сомкнутым строем, выполнять сложные маневры в ходе сражения и т. д. Со временем эти соединения стали называть полками «нового строя» или, как предпочитали именовать их современники, войсками «иноземного строя», дабы подчеркнуть их кардинальное отличие от других частей в составе вооруженных сил Русского государства.

К моменту появления войск «нового строя» на территории Сибири процесс их формирования в европейской части страны продолжался уже на протяжении нескольких десятилетий. Охарактеризуем его по нескольким основным параметрам, чтобы показать более или менее цельную картину того, что представляли собой войска «нового строя» в России во второй трети XVII столетия. Итак, под этим термином в отечественной исторической науке, как мы уже упоминали, понимаются воинские соединения, устроенные по образцу армий западноевропейских государств и качественно отличавшиеся от других частей в составе русской армии на протяжении большей части XVII в. Они «имели определенную базу комплектования и правильное устройство», что дает нам право говорить о том, что войска «нового строя» «были организованы на новых началах и коренным образом отличались от старого дворянско-поместного ополчения»².

Однако первый опыт формирования войск «нового строя» был не вполне успешным. Еще перед началом Смоленской войны, в 1630–1632 гг., московским правительством были сформированы путем отчасти найма за границей (миссии полковников А. Лесли и Г. ван Дамма), отчасти набора внутри страны (как добровольного, так и принудительного) шесть солдатских полков, участвовавших затем в осаде Смоленска. Каждый из них насчитывал 1 600 рядовых и 176 «начальных» людей, подразделяясь на 8 рот³. В сущности, данные соединения должны были составить ударную группировку армии М. Б. Шеина, наступавшей на Смоленск. Однако к осени 1633 г. ход войны принял неблагоприятный для Москвы оборот: русские войска были окружены армией польского короля Владислава IV и

² См.: Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 43–44.

³ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 393.

вынуждены капитулировать. Заметим, впрочем, что большая часть солдатских пехотных полков до конца сохраняла боеспособность и весной 1634 г. организованно отступила из-под Смоленска.

Помимо пехоты русское правительство озаботилось также формированием конницы «нового строя». В 1632 г. организован первый в России рейтарский полк численностью 2 тыс. нижних чинов под командованием француза Ш. де Эберта⁴. Судя по всему, образцом послужили немецкие «черные рейтары» второй половины XVI столетия. В Европе регулярно организованная и обученная конница действовала на поле боя, как правило, огнестрельным оружием против сомкнутых построений рядов противника. Не следует забывать и о том, что главную ударную силу польско-литовских войск составляла именно тяжеловооруженная конница, ударов которой, как показали события Смутного времени, зачастую не выдерживала русская пехота. Наконец, к 1633 г. относится формирование первого в России драгунского полка под командой А. Гордона численностью 1 600 человек, хотя относить его к кавалерийским соединениям в чистом виде, пожалуй, затруднительно⁵.

Несмотря на неудачный исход Смоленской войны, можно говорить о том, что идея формирования пехотных и кавалерийских соединений, организованных и обученных регулярным образом, доказала свою жизнеспособность и в российских условиях. Однако, как справедливо отмечал исследовавший этот первый опыт Е. Д. Сташевский, «заимствовав эту идею с Запада, московское правительство упустило ее конечную цель – создание постоянного регулярного войска; новые русские полки были не постоянными, а временными, только для нужд Смоленской войны созданными»⁶. После окончания боевых действий большинство из них были распущены, а иностранные офицеры вернулись в Европу. Однако некоторые все же остались в России, доказательством чему является служба на южной границе европейской части страны солдатских полков А. Крафтера и В. Росформа. Командный состав этих полков ежегодно отправлялся из Москвы в пограничные города, где на летнее время призывались в строй проживавшие там рядовые солдаты. Вооружением их, как правило, снабжала казна⁷.

Однако уже с конца 1630-х гг. в связи с масштабными мероприятиями по укреплению обороны южных границ Русского государства от крымских татар были возобновлены наборы в формируемые там драгунские и солдатские полки. В 1637 г., когда захват донскими казаками Азова резко обо-

⁴ См.: Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отеч. история. 2006. № 1. С. 121–122.

⁵ Там же. С. 118; Волков В. А. Указ. соч. С. 295–296.

⁶ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 143.

⁷ Волков В. А. Указ. соч. С. 394.

стрил отношения Москвы с Турцией и Крымом, в южные пограничные города были направлены солдаты и драгуны под началом кн. И. Б. Черкасского и кн. С. В. Прозоровского. А в 1638 г. в связи с масштабными работами по восстановлению и укреплению засечных черт на южную границу были направлены 5 тыс. драгун и около 8,5 тыс. солдат. К началу зимы все они были распущены по домам, однако весной 1639 г. этот набор был повторен. Подобные призывы драгун и солдат на сезонную пограничную службу практиковались и в последующие годы⁸. Таким образом старались поддерживать постоянную численность контингента войск «нового строя», предназначенных для охраны южных границ Европейской России. Как видим, служба в этих частях поначалу имела сезонный характер. Но вскоре правительству стало ясно, что ежегодные наборы на временную службу не дают положительных результатов. Содержание ратных людей обходилось очень дорого, поскольку все издержки «подъема» на службу принимала на себя казна, фактически снаряжавшая и солдат, и драгун. Уровень их боевой подготовки был невысок, на временную службу нередко попадали люди случайные, не обладавшие необходимыми знаниями и навыками.

Тогда в 1642–1648 гг. на драгунскую службу были записаны крестьяне ряда сел и деревень Воронежского, Севского и других южных уездов. За ними были сохранены их земельные наделы, так что они не требовали почти никаких материальных затрат на свое содержание. Казна снабжала их оружием, а также направляла для обучения их драгунскому строю русских «начальных людей». Для несения сторожевой пограничной службы подобным образом были сформированы три драгунских полка⁹. Пожалуй, справедливо мнение одного из современных исследователей о том, что эти «поселенные драгуны» отличались от прежних «кормовых» хорошей выучкой и, будучи кровно заинтересованы в обороне своих родных мест проживания, представляли собой достаточно надежную вооруженную силу¹⁰. Позднее аналогичным способом были организованы еще три солдатских полка на северо-западной границе.

Одновременно создавались рейтарские полки, куда зачислялись на службу дворяне и дети боярские, особенно те из них, кто только достигал призывного возраста. Эта практика была законодательно закреплена Соборным Уложением 1649 г.¹¹ По свидетельству Г. К. Котошихина, именно рейтарская служба имела наиболее почетный характер, так что при зачислении в рейтары недостатка в добровольцах не ощущалось: туда шли «из жильцов, из дворян городовых и из дворянских детей недорослей, и из де-

⁸ Волков В. А. Указ. соч. С. 400–401.

⁹ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 137–140.

¹⁰ Волков В. А. Указ. соч. С. 402.

¹¹ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 60.

тей боярских, которые малопоместные и беспоместные и царским жалованием, денежным и поместным, не верстаны»¹². Правительство воспользовалось этим для того, чтобы превратить рейтарские полки, особенно дислоцированные в столице, в своеобразную «школу» подготовки русских командных кадров для войск «нового строя». Еще в 1647 г. в Москву прибыл майор И. ван Бокховен, голландец по происхождению, вступивший здесь в рейтарскую службу и тут же получивший чин полковника. Он стал командиром рейтарского полка в составе 2 тыс. человек. Под его руководством проходили обучение и конному, и пешему строю дворяне и дети боярские, которых в дальнейшем рассылали по формируемым драгунским и солдатским полкам уже в офицерских чинах¹³. Одновременно было переведено на русский язык и напечатано тиражом более 1 тыс. экз. известное сочинение датчанина И. Я. Вальгаузена «Военное искусство пехоты», в русском варианте получившее название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»¹⁴.

Таким образом, уже в первой половине XVII в. в России достаточно активно шел процесс организации войск «нового строя». Впрочем, пока он имел скорее локальный размах, подчиняясь решению тех или иных конкретных задач и не имея характера целенаправленной государственной политики. Положение изменилось с началом войны с Речью Посполитой за Украину в 1654 г. Именно в ходе этого затяжного конфликта, осложненного в дальнейшем войной со Швецией, в составе вооруженных сил Русского государства произошли качественные изменения, в результате которых войска «нового строя» получили преимущество над поместным ополчением и стрелецким войском как в численном отношении, так и по своему статусу в структуре действующей армии. На практике это выразилось в проведении трех масштабных наборов «даточных людей» в солдатскую службу на протяжении 1658–1660 гг. По данным А. В. Чернова, они охватили почти всю территорию страны и позволили увеличить численность действующей армии более чем на 50 тыс. человек¹⁵. Точные цифры по каждому из этих наборов приводятся в работе В. А. Волкова: в ноябре 1658 г. первый набор в солдатскую службу дал 18 тыс. человек; в июле 1659 г. удалось собрать 15,5 тыс. человек; наконец, в декабре 1660 г. был объявлен третий набор, давший в итоге почти 17,5 тыс. человек¹⁶. Кроме того, «значительная часть ратных людей была поглощена полками нового строя. В результате иноземцы полностью исчезли из войска, почти полностью ис-

¹² Цит. по: Волков В. А. Указ. соч. С. 404.

¹³ См.: Малов А. В. Конница нового строя... С. 119–120.

¹⁴ Волков В. А. Указ. соч. С. 469.

¹⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 144. По одному человеку должны были выставить каждые 25 тяглых дворов (в 1660 г. – 20 дворов).

¹⁶ Волков В. А. Указ. соч. С. 396–397.

чезли и татары; резко сократилось в войске и число дворян, детей боярских и казаков»¹⁷. Все это позволяет говорить о том, что в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XVII в. в масштабе всего Русского государства были осуществлены радикальные преобразования вооруженных сил страны с целью создать «вполне современную и национальную по своему составу армию с твердой основой ее комплектования»¹⁸. Именно в ходе этих преобразований началось формирование сибирских войск «нового строя».

В 1659 г. новый тобольский воевода князь Иван Андреевич Хилков, отправляясь в «сибирскую столицу», получил царский наказ, в котором наряду с набором стандартных наставлений содержалось указание сформировать из служилых людей городов Тобольского разряда два полка: рейтарский и солдатский. В докладе 1677 г. дьяка Сибирского приказа Л. Ермолаева, посвященном истории служб «регулярных» войск, об этом событии упоминалось следующим образом: «Велено в Тоболску и Тобольского розряду в городех... устроить из детей боярских и из литвы полк рейтар тысячу человек, да ис казачьих детей и из вольных гулящих людей прибрать полк салдат тысячу ж человек»¹⁹. Но для чего и в связи с чем это было необходимо, в докладе ничего не сказано. Возможно, ничего не было сказано об этом и в тексте самого наказа. Впрочем, это обстоятельство не может считаться очень необычным, если учесть тот факт, что для выполнения каких-либо конкретных поручений воеводам, их помощникам или приказчикам, как правило, из соответствующих приказов выдавались специальные «наказные памяти». Скорее всего, так было сделано и в этом случае.

Поскольку мы не располагаем текстом соответствующей памяти, нам остается проанализировать царский указ с точки зрения обусловленности его рядом возможных факторов, действовавших как в масштабах страны в целом, так и на территории Сибири. На первый взгляд логично связать данное мероприятие с военно-политической ситуацией в Западной Сибири, сложившейся на тот момент, в первую очередь на южных границах русских владений. Однако то, что представляется очевидным с первого взгляда, не выдерживает проверки фактами.

Новые войска начали формироваться в Тобольске и его окрестностях. Но в середине XVII в. эта территория представляла собой (на фоне остальной Сибири) сравнительно «мирный» уголок. Вооруженное сопротивление

¹⁷ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 169.

¹⁸ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 70.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1. На эту информацию ссылаются все авторы, упоминающие о формировании в Сибири войск «нового строя» (см., напр.: ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 100, 161, 205, 270–271, 326, 349, 373; ДРВ. СПб., 1895. Т. 3, ч. 5, 6. С. 136–137; Шишонко В. Н. Пермская летопись, 1263–1881. Пермь, 1884. Т. 3. С. 488; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 83; Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 159).

местных племен было давно подавлено. И хотя антирусские настроения среди них еще имели место, реальной угрозы для русской власти это уже не представляло²⁰. Обстановка на границе со степью также была относительно спокойной. Столкновения с «немирными» кочевниками происходили в то время в основном восточнее – на Алтае и в районе Красноярска, где русским активно противодействовали киргизы и поддерживавшие их джунгары²¹.

Конечно, ситуация на юге Западной Сибири в то время не была совершенно спокойной. Случались набеги калмыков, переселявшихся в 1640–1650-х гг. из Западной Монголии на Волгу, да и лояльность покоренных в прежнее столетие татар и башкир вызывала сомнения²². Однако обстановка на этом участке границы стала накаляться только с 1660-х гг., достигнув пика в 80–90-е гг., когда пришлось вести борьбу с поднимавшими восстания башкирами и с появившимся новым противником – казахами (киргиз-кайсаками)²³.

²⁰ С. В. Бахрушин в связи с этим отмечал: «Еще в 60-х гг. XVII в. мысль о реставрации царства Кучума... была очень популярна среди части березовских хантов, изъявлявших готовность платить ясак Кучумову царевичу» (см.: *Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.* // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 114. См. также: *Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в.* // Там же. С. 153–175; *Соколова З. П. Общественный строй обских утров в XVII–XIX вв.* // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 220–231; *Емельянов Н. Ф. Томские «костяки» в XVII – первой половине XIX вв.* // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 105–117; *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура.* Новосибирск, 1996. С. 25–39).

²¹ *Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758).* М., 1964. С. 162–232; *Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках.* Новосибирск, 1980. С. 61–136; *Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в.* М., 1983. С. 16–55; *Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы.* М., 1989. Кн. 1. С. 129–178; *Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.).* Алма-Ата, 1991. С. 31–54.

²² О контактах калмыков и башкир с Кучумовичами см.: *Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг.* // Ист. зап. 1947. Вып. 24. С. 45–56. См. также: *Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.* М., 1960. С. 20–27, 34–63; *Пузанов В. Д. Зауралье в XVII веке. Русские и кочевники* // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Шадринск, 1994. Вып. 7. С. 73–78; *Вершинин Е. В. Неверность «бродячих царевичей»: Зауральское степное пограничье в XVII в.* // Родина. 1998. № 1. С. 60–63.

²³ *Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.* // Науч. тр.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 195–214; *Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Казахстан в системе внешней политики Российской империи.* Алма-Ата, 1971. С. 74–120; *Томилов Н. А. Казахи Западной Сибири в конце XVI – первой четверти XIX вв.* // Этногенез и этническая история народов Сибири и сопредель-

Таким образом, военно-политическая ситуация, сложившаяся в Западной Сибири к середине XVII в., не могла послужить толчком для формирования здесь войск «нового строя». Соответственно причины его, на наш взгляд, следует искать скорее в факторах общероссийского масштаба, к числу которых можно отнести, во-первых, процессы модернизации и «европеизации» страны, которые и ранее периодически проявлялись в разных сферах, а к середине века уже вполне оформились и набрали силу, и, во-вторых, централизацию власти и укрепление порядка в стране после серии социально-политических взрывов и волнений первой половины века. Оба эти фактора непосредственно обуславливали необходимость реформы армии. Неустойчивым в политическом отношении служилым людям верховная власть искала замену. Неслучайно упразднение Земских соборов, на которых служилые люди играли видную роль, совпало с усиленным реформированием армии. К тому же ее реорганизация была значительно ускорена в связи с войнами, которые вела Россия во второй трети XVII в. с более «продвинутыми» в военно-техническом отношении странами (Речью Посполитой и Швецией). Справедливым представляется нам утверждение о том, что «до середины века правительство еще пыталось поднять боеспособность конницы старого строя... Но боеспособность поместной конницы не улучшалась. Тогда правительство, в период подготовки и ведения войн с Польшей и Швецией, стало в принудительном порядке и в массовом масштабе записывать дворян, детей боярских и казаков в рейтары и солдаты»²⁴.

Уже к середине 50-х гг., особенно с началом войны с Речью Посполитой за Украину, полки «нового строя» перестали быть непонятной экзотикой в составе русской армии, как, например, это было ранее, в 1630-е гг. А. В. Чернов отмечал, что процесс формирования таких полков в европейской части страны интенсивно происходил еще в 40-е гг. XVII в. На северо-западных и южных границах Европейской России в 1642–1649 гг. активно формировались полки солдат и драгун, частью из служилых людей, частью из крестьян. Наборы в солдаты «даточных людей» проводились на всем протяжении 50-х гг., а с началом войны (с 1654 г.) начали организовываться рейтарские полки, превратившиеся со временем в дворянскую конницу «нового строя». В то же время в ходе войны за Украину практически перестало существовать как преобладающая структура армии поместное ополчение, а его место заняли именно войска «нового строя»²⁵.

ных территорий. Омск, 1983. С. 68–86; *Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740.* М., 1995. С. 55–81.

²⁴ *Чернов А. В. Вооруженные силы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955. С. 447.

²⁵ См.: *Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства...* С. 139–145. Другой точки зрения придерживается П. П. Епифанов (см.: *Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века.* М., 1979. Ч. 1. С. 244–250). «Обязатель-

Судя по темпам реорганизации армии, к концу 1650-х гг. правительство твердо встало на путь ее «европеизации». Начав с южных и западных границ страны, оно пошло на географическое расширение военной реформы, распространив ее на территорию Сибири. Именно поэтому, на наш взгляд, войска «нового строя» сначала появились в Западной Сибири, а не на наиболее напряженных участках границы, на юге Восточной Сибири. В данном случае правительство действовало исходя не из внутрисибирских потребностей (обороны границ), а по так называемому «географическому» принципу: с запада на восток. Можно предположить, что, начав с Тобольска, оно собиралось в случае успеха «эксперимента» и наличия соответствующих финансовых ресурсов распространить его далее на восток, на другие сибирские территории. Выбор же именно Тобольска объясняется только его статусом административного центра всей Сибири того времени²⁶.

Следует сказать также о состоянии русских вооруженных сил на территории Западной Сибири в описываемое время, об их количественном и качественном составе. Это поможет составить более четкое представление об обороноспособности данного региона, а также окончательно выяснить, было ли продиктовано формирование здесь войск «нового строя» военными нуждами. Итак, согласно данным, приводимым подробно исследовавшим эти вопросы Н. И. Никитиным, на 1650 г. численность военно-служилого населения всех городов Тобольского разряда составляла более 3 тыс. человек. Однако большинство из них были сосредоточены лишь в трех его главных городах: в самом Тобольске (1 199 человек), а также в Тюмени и Таре (808 и 717 человек соответственно)²⁷. Такие контингенты, несомненно, должны были обеспечивать надежную защиту этим городам как от выступлений ранее покоренных сибирских народов, так и от набегов степных кочевников, отряды которых редко насчитывали более 1 000 воинов. Однако следует учесть, что далеко не все люди, составлявшие гарнизон города, в момент тревоги могли оказаться на своих местах с оружием в руках. Н. И. Никитин отмечает «загруженность служилых людей всякого рода “посылками”» (т. е. поручениями, для выполнения которых требовалось на определенное время покидать свои места службы. — А. Д.), которая

ная воинская повинность и регламентация условий службы придавали определенные черты постоянного войска и поместно-дворянской коннице...» (Там же. С. 262).

²⁶ «Тобольск с самого начала своего существования сделался начальным городом Сибири...» (Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 107). «Тобольский воевода является главнокомандующим сибирскими военными силами. На нем лежит забота о военной безопасности страны» (Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 255).

²⁷ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.

«резко снижала обороноспособность сибирских городов и уездов»²⁸. Приняв во внимание эти обстоятельства, можно сказать, что и с точки зрения военной целесообразности формирование на этих территориях войск «нового строя» представляется вполне оправданным шагом.

Заметим, что попытки создать нечто вроде полков «иноземного строя» на восточной окраине Русского государства, возможно, предпринимались и ранее. Так, в 1635 г. в Тару из Нижнего Новгорода была переведена сотня «иноземцев и литвы и черкас», в дальнейшем именованная «райтарской ротой». Хотя считать этот изолированный контингент полноценным соединением рейтар довольно сложно, тарские «иноземцы» все же имели на вооружении латы, шишаки, шпаги, пищали²⁹. Имеются упоминания об использовании нескольких рот копейщиков, для которых из Москвы было специально доставлено соответствующее вооружение, в походе Я. Тухачевского на киргизов в 1639 г.³⁰ Конечно, это были лишь отдельные эпизоды, не определявшие общей картины. До 1659 г. говорить о существовании за Уралом войск «нового строя» не представляется возможным.

Немаловажным является еще одно обстоятельство. В Западной Сибири, как и на пограничных территориях европейской части страны, наиболее многочисленной категорией служилого населения в то время были стрельцы и пехотные казаки. С середины XVII в. именно они, наряду с войсками «нового строя», составляли в Европейской России основную часть вооруженных сил, которыми располагало там Московское государство³¹. Поэтому вполне логично предположение о том, что центральное правительство собиралось привести к относительному единообразию состав русских вооруженных сил в Сибири и на всей остальной территории страны именно путем прибавления к уже существующим категориям сибирских служилых людей полков «нового строя». На это указывает, как мы увидим в дальнейшем, и перечисление тех групп служилого населения Сибири, из которых предполагалось набирать личный состав формируемых войск. Ни стрельцы, ни пехотные казаки в этом списке не фигурируют, более того, в отношении первых подчеркивалась необходимость их сохранения и укрепления: «Да к тобольским прежним стрельцом ко 170 человеком в прибавку добрать, и устроить стрельцов полной приказ 500 человек»³². В свете вы сказанного нами предположения такое ограничение представляется вполне оправданным, позволяя судить о мотивах, которыми руководствовались царь Алексей Михайлович, его ближайшие советники и руководство Си-

²⁸ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 95.

²⁹ Там же. С. 38–39.

³⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 84, л. 12; стб. 886, л. 233.

³¹ См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 36; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 161–165.

³² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1.

бирского приказа, затеявая столь масштабную реорганизацию русских вооруженных сил на территории Западной Сибири.

Таким образом, относительно причин появления в Сибири войск «нового строя» можно резюмировать следующее. В 50-х гг. XVII в. тенденция к замене старой поместной конницы новыми войсками, устроенными по европейскому образцу, обусловленная как военной необходимостью, так и внутривластными изменениями, возобладала уже в масштабе всей страны. Рано или поздно она должна была охватить и территорию Сибири, для чего нужен был лишь соответствующий повод, который и представился при назначении в 1659 г. тобольским воеводой кн. И. А. Хилкова. В рамках проводившихся на протяжении 1658–1660 гг. общегосударственных наборов в войска «нового строя» ему было поручено сформировать на территории Тобольского разряда два полка: рейтарский и солдатский. Если бы этот опыт оказался удачным, то в дальнейшем можно было ожидать распространения его и на другие сибирские земли. Вопросы же чисто военной целесообразности играли, скорее всего, второстепенную роль, хотя полностью сбрасывать со счетов этот фактор было бы, как показано выше, также ошибочным.

Итак, созданию сибирских полков положил начало царский наказ князю И. А. Хилкову, назначенному в 1659 г. воеводой в Тобольск. Ему предписывалось, прибыв к месту назначения, «розобрать всяких чинов служилых людей», т. е. произвести своеобразную «чистку рядов» с целью удаления из среды служилых людей тех, кто оказался там самовольно, без «государева указа», либо не мог претендовать на занимаемое место в силу своего происхождения из крестьян или «гулящих людей». О проведении этого «разбора» упоминает также Н. И. Никитин³³, ставя его в один ряд с другими попытками центрального правительства отследить правильность верстаний в служилые чины в Сибири. Результаты «разбора» были документально зафиксированы и затем отосланы тобольским воеводой в Москву.

Очистив ряды служилых от «недостойных» элементов, И. А. Хилков, согласно тому же наказу, должен был «устроить из детей боярских и из литвы полк рейтар тысячу человек, да ис казачьих детей и из вольных гулящих людей прибрать полк салдат тысячу ж человек»³⁴. Численность людей в обоих полках вполне соответствовала принятому тогда «стандарту»: штаты одного полка «нового строя» в Европейской России как раз и составляли от 1 000 до 1 200 человек. Например, в 1649 г. под Старой Руссой из крестьян, проживавших в нескольких волостях, был сформирован полк солдат в 1 000 человек³⁵. На территории Белгородского разряда в 1660 г. кн. Г. Г. Ромодановским были организованы два рейтарских полка

³³ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 73–75.

³⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1.

³⁵ Волков В. А. Указ. соч. С. 395.

численностью 1 000 человек каждый³⁶. Кроме того, тем же наказом предполагалось создание двух рейтарских рот в Томске общей численностью 200 человек из местных служилых людей. Это дело поручалось томскому воеводе И. В. Бутурлину³⁷.

В царском наказе 1659 г., в котором сформулирована общая цель, не затронуты многие важные вопросы, в частности, даже такие, как штатное расписание, обеспечение квалифицированными офицерскими кадрами, размеры жалования, вооружение и обмундирование, без решения которых формирование войск было просто немыслимо. Видимо, не были оговорены все эти подробности и в тексте соответствующей «наказной памяти», выданной новому воеводе в Москве еще перед отъездом к месту службы. Поэтому И. А. Хилков, приступив к выполнению задачи и сообщая в Москву о первых результатах, запросил указаний по поводу окладов жалования новобранцев и обеспечения их вооружением, а также попросил прислать в Тобольск «начальных людей», знающих рейтарский и солдатский «строй»³⁸. Особенно актуальной была проблема выдачи жалования, ибо, по словам И. А. Хилкова, рейтары и солдаты, не получая денег, «на ученье не ходят и разбрелися по деревнишкам своим». Единственным выходом, который в сложившейся ситуации мог предложить тобольский воевода, была выдача новоприборным рейтарам и солдатам 3 тыс. руб., оставшихся в городской казне от тех сумм, что были выданы Ф. Байкову на «китайские посылки» (т. е. для отправления посольского каравана в Китай).

Отписка И. А. Хилкова поступила в Сибирский приказ 30 июня 1660 г., а 26 июля того же года ответным царским указом были установлены оклады жалования всем чинам и штатная численность обоих полков (табл. 1, 2)³⁹. Каждый полк насчитывал по штату 1 000 человек и делился на роты (от 7 до 10) под командованием ротмистров у рейтар и капитанов у солдат. Согласно данным А. В. Чернова для всех войск «нового строя» такая структура законодательно была закреплена царским указом именно в 1660 г.⁴⁰ Приводимое в статье А. В. Малова штатное расписание тысячного полка рейтар включало полковника, подполковника, майора, 7 ротмистров, капитан-поручика и 9–10 поручиков, 10 прапорщиков, а также полковых урядников – квартирмейстера, адъютанта и обозничего⁴¹. Таким образом, можно утверждать, что никаких поправок на специфику военной службы в Сибири при формировании «новых» полков не предусматривалось.

³⁶ Малов А. В. Конница нового строя... С. 122.

³⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1.

³⁸ Там же. Стб. 630, л. 1–2.

³⁹ Там же. Л. 3–11.

⁴⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 146.

⁴¹ Малов А. В. Конница нового строя... С. 122.

Таблица 1

Штатная численность и денежные оклады служащих рейтарского полка (1660 г.) *

Чин	Численность, человек	Жалованье на одного человека, руб.	
		в месяц	в год
Полковник	1	35	420
Майор	1	14	168
Ротмистр	7	13	156
Капитан-поручик	1	9	108
Поручик	10	8	96
Прапорщик	10	7	84
Адьютант	1	6	72
Квартирмейстер	1	5	60
Обозный	1	5	60
Рядовой	1 000	—	15
Всего	1 033	—	18 672

*Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 12–13.

Таблица 2

Штатная численность и денежные оклады служащих солдатского полка (1660 г.) *

Чин	Численность, человек	Жалованье на одного человека, руб.	
		в месяц	в год
Полуполковник	1	15	180
Майор	1	13,5	162
Капитан	7	7	84
Поручик	10	5	60
Квартирмейстер	1	5	60
Прапорщик	10	3	36
Обозный	1	3	36
Рядовой	1 000	—	ок. 11 (по 6 денег ⁴² на день)
Всего	1 031	—	12 986

*Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 12–13.

⁴² Деньга – денежная единица, равная 0,5 коп.

Можно также отметить, что назначенные рядовым рейтарам и солдатам оклады денежного жалованья по сибирским меркам были очень высокими, значительно выше, чем у большинства сибирских служилых людей (для сравнения: рядовой казак тобольского гарнизона получал в год 6–8 руб., сын боярский – 10–12 руб.). Однако в отличие от последних «регулярные» чины не имели хлебного и соляного довольствия, а также должны были полностью обеспечивать себя вооружением и обмундированием, не считывая на помощь казны. Данная схема хорошо зарекомендовала себя в отношении, например, рейтарских полков, дислоцировавшихся в Европейской России, поскольку они состояли в основном из дворян, имевших возможность жить за счет своих поместий. А поскольку сибирские войска «нового строя» как раз и должны были комплектоваться в основном из служилых людей, а также их детей, то неудивительно, что правительство рассчитывало решить проблемы материального снабжения этих соединений испытанными способами.

Тем не менее служба в полках «нового строя» изначально оплачивалась значительно выше службы стрельцов, казаков и пушкарей. В некоторых соединениях рейтар и копейщиков годовое жалованье рядовым ратникам доходило до 30 руб. в год! А оклады рядовых солдат и драгун, с одной стороны, и стрельцов и казаков – с другой, различались не менее чем в 2–2,5 раза. «Начальные люди» получали намного больше своих подчиненных. Определяя размер месячного жалованья полковых командиров и офицеров в середине XVII в., В. А. Волков приводит следующие цифры: у полковников – 25–50 руб., у подполковников – 15–18 руб., у майоров – 14–16 руб., у ротмистров – 13 руб., у поручиков – 5–8 руб. и т. д. ⁴³ Оклады рейтарских офицеров были выше, чем у их сослуживцев из солдатских и драгунских частей. Сравнивая эти данные с приведенными в табл. 1, 2, не обнаруживаем между ними никаких различий.

Однако все это были лишь предписания, выполнение которых на практике вскрыло большое количество трудноразрешимых, а иногда и вообще неразрешимых проблем.

2. Источники комплектования и личный состав сибирских полков «нового строя»

В результате предпринятых И. А. Хилковым усилий к весне 1660 г. в войсках насчитывалось 600 рейтар и 615 солдат, т. е. менее двух третей штатной численности обоих полков ⁴⁴. Планы оказались невыполненными. В чем заключалась причина этого?

⁴³ См.: Волков В. А. Указ. соч. С. 463–464.⁴⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 3.

В наказе воеводе было четко обозначено, кого именно следует брать на службу: «Устроить из детей боярских и из литвы полк рейтар... да из казачьих детей и из вольных гулящих людей прибрать полк салдат...»⁴⁵ Таким образом, значительной части служилого населения Тобольска набор вообще не должен был коснуться. Прежде всего, это относилось к казакам, как конным, так и пешим (брать собирались только их детей), стрельцам и служилым татарам. Однако результаты первого набора показали, что указанные ограничения слишком сузили его возможности, поскольку отмеченные в наказе категории тобольских служилых людей не были настолько многочисленны.

Разумеется, указанные ограничения имели свои причины. Рейтары XVII в. были кавалеристами. В России того времени такие части армии автоматически получали статус привилегированных. В Сибири, особенно на ее южных границах, где постоянно приходилось вести борьбу с соседствующими кочевыми племенами, именно кавалерия приобретала первостепенное значение. Поэтому неудивительно, что в рейтары набирали лишь из детей боярских и из «литвы», так как представители именно этих категорий сибирских служилых людей занимали высшие позиции в иерархии местных гарнизонов как по своему социальному статусу, так и по размерам окладов жалованья⁴⁶. Н. И. Никитин отмечал, что в западносибирских служилых гарнизонах «высокооплачиваемую категорию представляли дети боярские и “начальные люди”. “Литва”, новокрещены⁴⁷ и конные казаки составляли среднеоплачиваемую группу»⁴⁸. Правительство применило здесь старый способ, действовавший еще в отношении поместной дворянской конницы, а именно: кавалеристы обеспечивают себя лошадьми, боевыми доспехами и оружием самостоятельно на те деньги, которые они получают из государственной казны. Поэтому в кавалерию могли попасть только те служилые люди, которые были вполне обеспечены деньгами. В Сибири соответственно претендовать на это могли только представители двух вышеупомянутых категорий.

Однако эффективным такой подход оказался лишь теоретически. Такого количества детей боярских и «литвы», чтобы составить из них полк рейтар, не было даже во всех городах на территории Тобольского разряда. В 1650 г. общая численность гарнизона служилых людей Тобольска составляла 1 199 человек⁴⁹ и вряд ли могла значительно возрасти за истекшие 8–10 лет. Конечно, можно возразить, что набор должен был охватить и

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1.

⁴⁶ См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 110–113.

⁴⁷ Новокрещен – выходец из-за границы или представитель аборигенного населения Сибири, поступавший на русскую службу и переходивший в православную веру.

⁴⁸ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 104.

⁴⁹ Там же. С. 29.

другие города на территории Тобольского разряда (Тюмень, Тару, Туринск), но даже при этом пришлось бы переводить в рейтары из местных служилых людей практически всех представителей этих довольно немногочисленных групп населения. Да и численность казаков, как конных, так и пеших, не позволяла набрать солдатский полк из одних лишь казачьих детей, даже с привлечением «вольных гулящих людей». Здесь, видимо, сыграла свою роль неосведомленность правительства о реальном положении дел в Тобольске, что и привело к преувеличенной оценке им людских ресурсов местного служилого населения.

Впрочем, и на территории Европейской России установленные правительством принципы комплектования войск «нового строя» соблюдались далеко не всегда. Например, рейтарские полки изначально комплектовались из дворян, детей боярских и служилых иноземцев, получавших за свою службу в этих войсках поместное и денежное жалованье. Для исправного несения службы к ним приписывались так называемые подъемщики. Подъемщик «обязан был обрабатывать землю, оставшуюся за рейтаром, и поднимать его на службу, т. е. оказывать помощь деньгами, продовольствием, снаряжением и т. п.»⁵⁰, позволяя, таким образом, рейтару нести постоянную службу как в военное, так и в мирное время. С этим связано еще одно обстоятельство, отмеченное А. В. Маловым: «С середины XVII в. правительство следило, чтобы в рейтары не попадали, с одной стороны, “добропоместные” служилые землевладельцы, а с другой – стрельцкие и пушкарские дети и представители неслужилых сословных групп русского общества»⁵¹.

Однако военные потребности заставляли отступать от принятых правил. В годы русско-польской войны в рейтары начали верстать также казаков, даточных людей и др. По данным А. В. Чернова, например, «в северо-западных городах три четверти рейтар было укомплектовано из тяглых и приборных служилых людей»⁵². В разгар войны рейтарские полки комплектовались казачьими детьми, казаками и даже даточными людьми из монастырских слуг, так что со временем среди рейтар большинство начали составлять представители низших, наиболее бедных слоев служилых «по отечеству» и некоторые группы казаков⁵³. Кроме того, именно в эти годы перевод из состава конных сотен полковой службы в рейтары, особенно на южной границе европейской части страны, приобрел массовый характер. Так, в 1659–1660 гг. в рейтары были записаны более 2 тыс. дворян и детей боярских из городов, расположенных по Белгородской черте укреплений

⁵⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 147.

⁵¹ Малов А. В. Конница нового строя... С. 123.

⁵² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 146.

⁵³ Малов А. В. Конница нового строя... С. 123.

ний⁵⁴. Таким образом, процедура записи в полк сибирских рейтар не имела принципиальных отличий от аналогичных мероприятий, осуществлявшихся в то же время в других регионах страны.

Несколько иная картина наблюдается в отношении комплектования солдатских полков. Прежде всего, необходимо отметить, что в ходе этого процесса применялись как минимум два способа. На северо-западных границах России наборы в эти войска проводились с определенного числа крестьянских дворов или количества тяглого населения. Еще в 1649 г. появляется царский указ о строительстве г. Олонца силами записанных в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников из всех заонежских и лопских погостов. Каждый крестьянский двор должен был выставить по одному человеку в возрасте от 20 до 50 лет. Всего в службу были записаны почти 8 тыс. человек, из которых сформировали два солдатских полка⁵⁵. В мирное время часть солдат распускалась по домам, а часть оставалась на пограничной службе. Солдатам, находившимся на службе постоянно, правительство выдавало денежное (так называемые кормовые деньги, по 6–7 денег на день) и хлебное жалованье или же поселяло их на землю⁵⁶. В последнем случае за крестьянами сохранялись их земельные участки, а взамен денежного жалованья они освобождались от податей. Здесь мы наблюдаем прообраз наборов «даточных людей» в солдатскую службу, проводившихся в общегосударственном масштабе в 1658–1660 гг.

Однако в южных пограничных городах дело обстояло иначе. Там солдатские полки комплектовались представителями местного служилого населения, но не теми из них, кто уже находился на военной службе, а их детьми, братьями и другими родственниками мужского пола, годными «к службе и к солдатскому учению». Первый подобный набор был проведен еще в 1653 г., причем нормы для него были установлены высокие – 50 % общего количества не находящихся на службе мужчин. По итогам набора в Белгороде и его окрестностях были сформированы 4 солдатских полка общей численностью чуть менее 7 тыс. человек. Эти солдаты не наделялись землей, а вместо жалованья получали лишь «кормовые деньги». Никаких ограничений срока службы для них не устанавливалось⁵⁷. В последующие годы эти полки в составе армии В. Б. Шереметева были отправлены на Украину и участвовали в сражениях с польской армией. Впрочем, этот случай представлял собой скорее исключение, нежели правило, поэтому нельзя не согласиться с выводом о том, что «наборы в солдатскую службу... были местным мероприятием, связанным, прежде всего, с обороной границ»⁵⁸.

⁵⁴ Об этом см.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 153–157.

⁵⁵ Волков В. А. Указ. соч. С. 394–395.

⁵⁶ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 143–144.

⁵⁷ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 145–147.

⁵⁸ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 144.

Таким образом, именно этот второй способ правительство было намерено использовать для комплектования солдатского полка в Тобольске.

После получения Сибирским приказом информации о медленном комплектовании полков в упомянутом выше царском указе от 26 июля 1660 г. появилось новое требование: продолжать «верстание», распространив при этом набор уже на все категории служилых людей и их детей, годных к рейтарской и солдатской службе. Тобольским воеводам было велено набирать «по их рассмотренью» всех тех, «кому б рейтарская и салдатская служба была за обычаем»⁵⁹. Судя по всему, правительство осознало, что людские ресурсы отдельных категорий служилого населения Тобольского разряда не столь многочисленны и для успешного завершения комплектования рядового состава новых войск придется отказаться от любых ограничений.

Помимо проблемы нехватки людей И. А. Хилков сформулировал перед Москвой еще одну проблему, возникшую с самого начала формирования полков. Речь шла о нехватке в Тобольске денег для выдачи жалованья только что набранным рейтарам и солдатам. Воевода сообщал, что рейтары «бьют челом великому государю о денежном жалованье, а салдаты о поденном корму и о ружье», а им, воеводам, «государева жалованья тем рейтаром и салдатом дать нечево»⁶⁰. И воевода, скорее всего, не лукавил. Как известно, в Сибири XVII в. нехватка «живых» денег была «хронической болезнью». Кроме того, исследователями отмечается, что «в Сибири нередко полагавшееся служилому человеку жалованье отличалось от получаемого им в действительности», поскольку «задача обеспечения сибирских гарнизонов... оказывалась временами непосильной для слабых финансов Русского государства»⁶¹. Понятно, что такая финансовая ситуация не способствовала росту числа желающих записываться в полки. Тем не менее правительство настаивало на доведении численности каждого полка до положенного штата.

Результаты дополнительных усилий тобольских воевод И. А. Хилкова и его «товарища» Д. Яковлева по комплектованию полков отражены в их отписке от 25 сентября 1661 г. Согласно ей за истекший год численность рейтар удалось довести до 786 человек, солдат – до 900 человек⁶². Забегая

⁵⁹ «В рейтары и в салдаты ис таких же тоболских и Тобольского розряду городов из детей боярских и ис конных казаков и новокрешенов и в салдаты изо всяких волных людей прибрать же и учинить рейтар и салдат по тысяче человек» (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 5; стб. 630, л. 9–10).

⁶⁰ Там же. Стб. 100, л. 2; стб. 630, л. 1–2.

⁶¹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 115. Об этом см. также: Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 51–70.

⁶² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 7–8.

вперед, заметим, что это был тот максимум, который в последующие годы так и не удалось превзойти. Правда, в той же отписке воеводы обнадеживали, что «достальных рейтар и салдат прибирают», но на самом деле после 1661 г. наборы были, видимо, прекращены по причине истощения людских ресурсов. По крайней мере, к 1667 г. численность войск даже несколько сократилась: рейтар – до 696 человек, а солдат – до 844 человек⁶³. Свою роль сыграл и тот факт, что в 1662–1664 гг. сибирские полки активно участвовали в подавлении антирусского восстания башкир и, естественно, в ходе боев несли определенные потери.

Как отмечено выше, при комплектовании полков тобольские власти с самого начала не имели возможности выдержать «социальный» принцип, очень быстро отказалось от него и правительство (в указе от 26 июля 1660 г.). В результате социальный состав обоих полков неизбежно должен был получиться значительно более пестрым, чем предполагалось. Под термином «социальный состав» в данном случае подразумевается прежде всего то, представители каких категорий сибирских служилых людей преимущественно входили в состав рейтарского и солдатского полков. Сделать обстоятельные статистические выкладки на этот счет источники не дают возможности. Однако в нашем распоряжении имеется составленный в 1678 г. именной список тобольских рейтар, набранных в 1660 г., с указанием их происхождения, данные которого способны до некоторой степени прояснить картину набора⁶⁴.

Указанный список включает имена 163 человек. Большинство из них (126 человек) – дети «литвы», конных и «новокрещеных» казаков Тобольска. В данной рубрике перечислены многие представители известных служилых семей, связанных между собой узами близкого родства. Так, мы находим здесь ряд лиц, носящих следующие фамилии: Вакулин, Заев, Измайлов, Копылов, Урбанов, Ясырев и др. Всего здесь фигурируют представители 78 служилых семейств. Если принять во внимание, что по установившейся практике на освобождавшиеся вакансии «прежде всего могли претендовать сыновья выбывших, а затем (в нисходящем по степени родства порядке) прочие их родственники»⁶⁵, суммарная же численность упомянутых трех категорий служилого населения Тобольска в 1660 г. вряд ли превышала 300–350 человек, то 78 фамилий – это не так уж мало. Судя по всему, в рейтарскую службу записались представители более половины служилых фамилий из состава тобольской «литвы», казаков «новокрещеного списка» и конных казаков. Единственным исключением стал Иван

⁶³ Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901. С. 109.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 137–142.

⁶⁵ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 63.

Неворотов, числившийся среди «неверстаных» (т. е. еще не принятых официально на службу) детей боярских г. Тары.

Кроме того, в рассматриваемом списке присутствуют 14 отпрысков тобольских детей боярских, 11 детей пеших казаков и даже 9 детей пашенных крестьян! Здесь мы находим и Гаврилу Вайгачева, отец которого был атаманом конных казаков Тобольска, сына стрелешского сотника Луку Почекунина и двоих сыновей казачьих пятидесятников (Иван Крик и Константин Фомин). Все они являются выходцами из семейств, принадлежавших в описываемое время к тобольской служилой верхушке. Однако тут же, рядом с ними, указаны подьяческий сын Иван Воронцов, поповский отпрыск Яков Балыков и Григорий Евдокимов, отец которого числился воротником. Таким образом, в рядах сибирских рейтар вместе могли служить представители различных сословных групп российского общества XVII столетия. Из людей, уже несших службу до поступления в рейтары, здесь названы лишь трое казаков «литовского списка»: Иван Афанасьев, Иван Жемотин и Григорий Тарлышев.

Разумеется, следует учитывать, что данный список представляет собой только часть, а отнюдь не целое, и по нему нельзя составить полной картины наборов. Однако сведения, содержащиеся в списке, на наш взгляд, достаточно показательны и свидетельствуют о существенных отступлениях от первоначальных планов, на которые вынуждены были пойти в процессе формирования новых войск сибирские власти. Впрочем, было бы ошибочным утверждать и то, что в ходе этого процесса вообще не придерживались каких-либо критериев. В частности, это подтверждают данные другого списка, в котором перечислены служилые люди Тюмени, в 1660 г. поверстанные на службу в оба тобольских полка⁶⁶. Здесь мы находим троих детей боярских, а также 76 конных (включая пятерых десятников) и 15 пеших (включая двоих десятников) казаков. С учетом того что общая численность тюменского гарнизона в то время составляла, как можно предполагать, более 800 человек, приходим к выводу, что в рейтары и солдаты записался едва ли не каждый девятый. Распределены они были также в соответствии со своей прежней службой: дети боярские и конные казаки оказались записанными в рейтары, а пешие казаки – в солдаты. Таким образом, утверждать, что от первоначальных ограничений в процессе наборов отказались совершенно, было бы неправомерным.

Отдельные сведения о наборах 1660 г. можно встретить также на страницах окладных книг последующих десятилетий, где фиксировались сведения из «сказок» самих служилых, посвященных их происхождению и различным эпизодам военной карьеры. В качестве примера укажем на окладную книгу, составленную в 1678 г. и содержащую сведения о ряде лиц,

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 794, л. 77–79.

ранее числившихся в рейтарском строю⁶⁷. Здесь мы находим имена еще 47 человек, зачисленных в полк рейтар именно в 1660 г. Происхождение их весьма разнообразно. Так, среди них мы обнаруживаем 28 детей боярских, из них 12 человек к этому моменту уже официально получали жалованье по соответствующим окладам, а 16 человек оставались «неверстаными». Следует отметить, что значительная часть из них довольно быстро получили унтер-офицерские звания (см. приложение). Еще 4 человека отнесены к казакам «литовского списка», столько же – к конным казакам, 5 человек записаны казаками «новокрещеного списка». Упомянуты также казачьи дети (3 человека), атаманский сын Алексей Выходцов и взятый в рейтары «из недорослей» Федор Рукин.

К сожалению, значительно меньшим объемом сведений мы располагаем применительно к составу солдатского полка. Тем не менее можно утверждать, что и там помимо казачьих детей присутствовали дети других служилых людей, а также стрельцов, крестьян и посадских. Еще с 1630-х гг., когда численность служилого населения Сибири достигла нескольких тысяч человек, во всех царских указах и грамотах строго подчеркивалась недопустимость верстания на службу выходцев «из тягла», а от воевод требовалось неослабное внимание к тому, чтобы этот принцип строго соблюдался. Однако вплоть до 1680-х гг. сибирские воеводы не слишком заботились об этом, поскольку потребности сибирских городов в военной силе постоянно оставались выше, чем возможность их удовлетворения без помощи «тяглых людей». Поэтому достаточно обычной практикой была запись «в службу» детей пашенных и оброчных крестьян, ямских охотников, посадских людей. Проводившиеся время от времени разборы и розыски ситуации не меняли. Только с 80-х гг. XVII в. положение меняется и состав служилого населения Сибири действительно начинают очищать от выходцев «из тягла»⁶⁸.

В нашем распоряжении имеется лишь один список, да и то включающий лишь имена бывших солдат, на момент составления (1676 г.) проживавших в Тобольске⁶⁹. Всего здесь фигурируют имена 165 человек, по фамилии же мы можем насчитать представителей 123 семей. Причем случаи, когда выходцы из одного служилого семейства оказывались и в рейтарском, и в солдатском полках, довольно редки: при сравнении данного списка с упомянутым выше реестром тобольских рейтар выясняем, что совпадают в них не более 20 фамилий. К сожалению, ничего не сказано здесь о происхождении тобольских солдат, так что мы можем только гадать, до какой степени пришлось местным воеводам расширять рамки, первоначально установленные для процедуры набора.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 6 об. – 106 об., 116–134.

⁶⁸ См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 75–76.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 607, л. 122–128.

Впрочем, в исследованной нами окладной книге 1678 г. кратко изложены биографии 14 человек, записанных в солдатскую службу в 1660 г.⁷⁰ Среди них мы находим 6 сыновей конных казаков, 2 сыновей пеших казаков, а также сына пономаря Тимофея Артемьева, сына «толмача» (т. е. переводчика) Афанасия Толмачева, «гулящего человека» Осипа Иванова, «прихожего человека» Савву Скобельцына и др. Очевидно, если при комплектовании полка сибирских рейтар тобольские воеводы еще старались соблюдать хотя бы минимальные сословные ограничения, то в солдаты могли зачислять практически всех желающих, не обращая внимания даже на то, что военная служба могла быть им совершенно незнакома. Однако перед лицом поставленной центральным правительством задачи – довести численность обоих полков если не до положенной по штату (1 000 человек), то, по крайней мере, до максимально возможной – местная администрация была готова закрывать глаза на все нарушения процедуры набора.

В целом на основании всех известных данных мы можем констатировать, что набор в рейтары охватил детей боярских, «литву», конных казаков и их собратьев «новокрещеного списка», а также их детей и родственников. В солдаты же попала часть пеших казаков и их детей, дети конных казаков и стрельцов (их отцы продолжали службу в своем прежнем статусе), крестьян и посадских, а также «вольные гулящие люди». В принципе соединения обоих тобольских полков по своему составу почти не отличались от аналогичных формирований на границах европейской части страны (см. выше). Впрочем, это не вызывает удивления, поскольку для подобных соединений на всей территории Русского государства в те годы применялись одни и те же способы организации, справедливо охарактеризованные Ф. И. Калинычевым как «местные периодические наборы, проводившиеся на своеобразных началах. Это была территориальная система комплектования»⁷¹. Одна особенность все же заслуживает внимания: если в других регионах страны некоторую часть рейтар и солдат составляли дворяне, то в Сибири «единственной социальной группой служилого населения становилось приборное войско... Приборным служилым людям с их социальной организацией местная администрация не могла противопоставить никакой иной вооруженной силы»⁷².

Необходимо сказать несколько слов и об отношении вновь сформированных соединений к остальным группам военно-служилого населения Западной Сибири того времени. Новые войска формировались, на наш

⁷⁰ См.: РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 127, 128, 145–170 об.

⁷¹ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 69. Далее Ф. И. Калинычев отмечал, что «полки нового строя... примерно на той же основе начали формироваться в это время также в Сибири».

⁷² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 19–20.

взгляд, отнюдь не для того, чтобы полностью заменить все ранее существовавшие здесь русские вооруженные силы. По нашему мнению, наиболее реалистичной является гипотеза о том, что создавались они в первую очередь в качестве элитных подразделений в составе гарнизона «сибирской столицы» Тобольска. Это косвенно подтверждают и те ограничения, которые были сначала установлены для процедуры набора в них. Так, в царском наказе воеводе И. А. Хилкову ничего не говорилось о записи в эти полки казаков, как конных, так и пеших (к этой мере пришлось прибегнуть уже по ходу дела, изначально же предполагалось брать туда только их детей), а в отношении контингента стрельцов прямо было сказано о необходимости его сохранения и укрепления: «Да к тобольским прежним стрельцом ко 170 человеком в прибавку добрать и устроить стрельцов полной приказ 500 человек»⁷³. Следует отметить, что еще летом 1660 г. воевода рапортовал в Москву об успешном выполнении последней задачи: из стрельческих «детей и братья» было вновь набрано 482 человека⁷⁴. Разумеется, сохраняли свой статус и юртовские служилые татары. Таким образом, неизбежно напрашивается вывод о том, что войска «нового строя» должны были стать лишь частью вооруженных сил Русского государства на территории Западной Сибири, а не заменить полностью все ранее существовавшие здесь категории военно-служилого населения. Впрочем, и в европейской части страны эти новые соединения сосуществовали, скажем, со стрельческими полками, так что ничего необычного в подобной ситуации нет⁷⁵.

Для иллюстрации данного вывода можно обратиться к данным Н. И. Никитина о динамике изменения численности различных категорий служилого населения Сибири по некоторым городам, в том числе по Тобольску. Согласно его данным общая численность служилых людей Тобольска в 1663 г. (т. е. спустя год после окончания процесса формирования новых войск) составляла 1 645 человек⁷⁶. При этом необходимо учесть, что в это число не входят рейтары и солдаты, а также офицеры. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям за 1662 г. общая численность рядовых рейтар и солдат составляла 1 686 человек. Пожалуй, эту же цифру можно принять и для 1663 г., хотя она могла и несколько уменьшиться в результате активного участия сибирских полков в боях с восставшими башкирами. Тем не менее мы можем считать вполне достоверным то об-

⁷³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1.

⁷⁴ Там же. Стб. 630, л. 4.

⁷⁵ Это обстоятельство отмечено многими исследователями. В частности, Джон Киип писал: «Дворянское ополчение, стрельцы и другие традиционные войска продолжали сосуществовать с более современными полками "нового строя", появившимися как раз в это же время» (см.: *Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874.* Oxford, 1985. P. 80).

⁷⁶ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 33.

стоятельство, что в 1663 г. численное соотношение между войсками «нового строя» и остальным гарнизоном Тобольска было примерно одинаковым.

Анализ данных Н. И. Никитина показывает, что проведенные наборы оказали непосредственное влияние на численность различных категорий тобольских служилых людей. В 1663 г. среди них преобладали пешие казаки (560 человек) и стрельцы (499 человек), тогда как к «литовскому списку» отнесены всего 106 человек, а конных казаков насчитывалось и вовсе лишь 97 человек. Более того, если сравнить эти цифры с аналогичными данными по Тобольску за 1630 или 1650 г., то выясняется, что доля двух последних категорий служилых резко упала (6,4 и 5,8 % в 1663 г. против 15,3 и 9,5 % в 1630 г. соответственно), тогда как в других городах (Тюмени или Таре) подобного явления не наблюдалось⁷⁷. Это обусловлено набором в рейтары и солдаты тобольских служилых людей. Именно туда ушла большая часть служилых «литовского списка» и конных казаков (преимущественно в рейтары). За счет этого и удалось довести численность рейтар и солдат до указанных выше цифр. Однако стрельцов, например, туда не брали вообще, а пеших казаков в состав новых войск попало крайне мало.

О национальной принадлежности рейтар и солдат мы не располагаем точными данными. На основании сохранившихся именных списков личного состава сибирских полков по этому поводу можно строить лишь предположения. Так, среди них вряд ли встречались представители коренных сибирских этносов, по крайней мере, нам неизвестен ни один случай подобного верстания даже из среды юртовских служилых татар. Зато выходцев из Литвы, Беларуси и Украины среди них было немало, поскольку их доля среди сибирских служилых людей в середине XVII в. была довольно значительной (следует напомнить, что шла русско-польская война, и многие военнопленные «литвины» и «черкасы» оказывались в сибирской ссылке). Во всяком случае, такие фамилии, как Рачковский, Жулжевский, Заболоцкий, Крушинский и т. п., встречающиеся в упомянутом выше списке рейтар и ряде других, свидетельствуют в пользу западнославянского происхождения их носителей. Следует отметить, что это обстоятельство было характерно лишь для сибирских войск, поскольку в Европейской России из таких людей, как правило, формировались отдельные соединения⁷⁸. Возможно, были среди них также выходцы из стран Западной Европы, но утверждать это с полной уверенностью невозможно, поскольку при поступлении на службу в Сибири такие люди чаще всего переходили в

⁷⁷ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 33.

⁷⁸ Например, из украинских казаков, переселившихся с середины XVII в. на территорию Русского государства, формировались особые «черкасские» полки, сохранявшие ту же военную организацию, которая существовала у казачества (см. об этом: *Калинычев Ф. И.* Указ. соч. С. 49–50; *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства... С. 165–167).

православную веру, меняя при этом свои имена. Однако в целом, несомненно, большинство рейтар и солдат составляли представители русского населения Сибири во втором-третьем поколении. В пользу этого предположения свидетельствуют как данные сохранившихся именных списков рядового состава новых войск, так и то, представители каких групп сибирского населения оказались зачисленными на службу в них.

Перейдем к рассмотрению социального и национального состава офицерского корпуса обоих полков. О многих его представителях мы располагаем довольно подробными сведениями биографического характера, на основании которых можем дать практически исчерпывающую характеристику данной группы.

Центральная власть уделила особое внимание комплектованию офицерских кадров, поскольку было очевидно, что без них сформировать полноценные войска не удастся. К решению этой проблемы приступили одновременно с началом формирования полков, и уже в 1659 г. в Тобольске оказались трое рейтарских офицеров: полуполковник «иноземец» Василий Васильевич Бланк (Бламкон Гагон), ротмистр Дмитрий Ильич Полуехтов и прапорщик Яков Дохтуров⁷⁹. Вскоре туда прибыла другая партия в составе полковника Якуба Мейна, капитана Отто фон Менкина и поручиков Альбрехта Дабина, Ленерта Бондода и Христофора Рихтера. Все они, кроме первого, были отправлены дальше, в Томск, а Я. Мейн оставлен в Тобольске и определен к солдатам, поскольку он заявил воеводам, что «рейтарской де строй ему не за обычай»⁸⁰. Названные офицеры занялись обучением рейтар и солдат, набранных к лету 1660 г., а затем были определены к ним в «начальные люди».

Вероятно, одновременно с указом от 26 июля 1660 г. о продолжении наборов в полки было решено послать в Тобольск вторую партию офицеров для окончательного укомплектования их командного состава. Эта партия оказалась наиболее многочисленной и представительной, поэтому рассмотрим ее состав более подробно.

Партия была сформирована в Иноземном приказе по «памяти», полученной из Сибирского приказа 12 июня 1660 г., а 20 августа того же года после получения офицерами первой части назначения им жалованья «на подъем для дальнего пути» (единовременно каждому из них было выдано по три четверти их годовых окладов), отправилась в Сибирь⁸¹. Из ее состава в Тобольск в «начальные люди» к рейтарам определялись полковник Виллим (вероятно, Вильгельм) Филипп фон Зейц, майор Иван Волков, капитан Иван Вестов (который выполнял также функции переводчика при В. Ф. фон Зейце), ротмистры Петр Стангер и Альбрехт Банцин, к солда-

⁷⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 10–11.

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Там же. Стб. 630, л. 72–81.

там – полуполковник Андрей Банк⁸². С ними также должен был ехать майор Ефрем Нелидов, но уже перед самым отъездом он был заменен Ульрихом Сниттером, срочно произведенным из капитанов в майоры. Перед самой поездкой получил повышение в звании и Альбрехт Банцин, произведенный из поручиков в ротмистры⁸³. Вместе с прибывшими ранее они и заполнили вакансии чинов штаб-офицеров в обоих полках, составив костяк инструкторов «рейтарского и солдатского строя». Такой «расклад» сохранялся и в дальнейшем. Двое офицеров из этой партии почти сразу были откомандированы из Тобольска с отрядами рейтар в другие города: ротмистр Андрей Пенс – в Тару, а майор Ульрих Сниттер (Ундрик Шниттер) – в Тюмень (о его службе там упоминалось уже в 1662 г.)⁸⁴. Полный список всех известных нам офицеров, попавших на службу в сибирские полки, содержится в приложении.

Из всех перечисленных офицеров русским был, видимо, только Д. И. Полуехтов, 12 человек были выходцами из стран Западной Европы, судя по фамилиям – немцами и голландцами, различными путями попавшими на русскую службу. Относительно Я. Дохтурова, И. Волкова и И. Вестова трудно сказать что-либо определенное. Исходя из того что до отправки в Сибирь они состояли в ведении Иноземного приказа, можно предположить, что и они, скорее всего, были «немцами», только принявшими православную веру. Следует отметить, что столь заметное преобладание иноземцев на командных должностях было нехарактерным явлением для второй половины XVII в., во всяком случае, для войск «нового строя» в европейской части страны. Исследователями уже неоднократно отмечалось, что русское правительство не слишком доверяло иностранным офицерам, стараясь заменять их русскими «начальными людьми»⁸⁵. Однако в Сибири, где «местного дворянства... почти не было»⁸⁶, подобная задача оказывалась трудновыполнимой. Поэтому правительство было вынуждено направлять сюда довольно многочисленные партии иностранных офицеров-инструкторов, что, в свою очередь, приводило к необходимости решать проблемы адаптации европейских норм организации и функционирования воинских соединений на сибирской почве. Как показано ниже, данная проблема решалась не слишком успешно.

⁸² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 5, 12.

⁸³ Там же. Стб. 630, л. 227–228.

⁸⁴ Там же. Стб. 100, л. 5, 12.

⁸⁵ «Наряду с иноземцами-офицерами правительство назначало второй комплект русских начальных людей...» (Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 116). «В 1662–1663 гг. среди капитанов и ниже большинство начальных людей были русские...» (Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 150).

⁸⁶ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 19. О составе сибирского служилого населения см.: Там же. С. 83–92.

Впрочем, даже в указанный период штаб- и обер-офицерские должности занимали в основном иностранцы. В частности, В. А. Волков приводит следующие цифры: «В 60-х гг. XVII в. из 277 полковников и майоров русскими являлись лишь 18 человек, из 1 921 офицера, служивших в чине капитана, ротмистра, поручика и прапорщика, – 648 человек»⁸⁷. В 1658 г., незадолго до описываемых событий, для найма военных специалистов в Западную Европу ездил возглавлявший тогда Иноземный приказ боярин И. Д. Милославский. Хотя вряд ли можно отрицать факты превосходства иностранного офицерства в уровне военной подготовки над русскими командирами, современные исследователи справедливо отмечают, что «и у русских людей были веские основания подозревать иноземцев в некомпетентности», поскольку среди прибывавших в Россию иностранцев всегда было немало «авантюристов, никогда не служивших офицерами, с помощью поддельных свидетельств, обманом присвоивших себе военные должности»⁸⁸. Во избежание подобных эксцессов каждый иностранец, желавший поступить на царскую службу, «должен был предъявить “свидетельный лист” (патент) – увольнительный билет или отпускную грамоту с рекомендацией бывших начальников. Сведения, содержащиеся в них, обязательно проверялись в беседе... и подтверждались показаниями “знатцев” – иноземцев, выехавших в Россию раньше»⁸⁹. Впрочем, в годы войны с Речью Посполитой за Украину обычным стал и переход на царскую службу военнопленных.

В 1661 г. в Тобольск прибыли еще двое иностранцев: поручик Эбергорт Нагель и прапорщик Георг Дидрих Геронт. Оба они служили в польской армии, попали в плен в сражении под Бреславлем, после чего поступили на русскую службу и были отправлены в Сибирь, причем обоих значительно повысили в чинах: первый стал полуполковником, а второй – майором у тобольских рейтар⁹⁰. Это представляется необычным, поскольку все квоты, отведенные правительством для штаб-офицеров (чинов не ниже майора), в обоих тобольских полках были уже заполнены. Впрочем, в Тобольске они не задержались, покинув Сибирь в 1663 г. в ходе производившегося тогда размена пленных между Россией и Польско-Литовским государством.

В 1662 г. в Томск были направлены полковник Яган (Иоганн) фон дер Гейден и его родственники – сын Петр, двоюродный брат Индрик (видимо, Генрих) Людerson и зять Юлиус Циммерман (все трое – в чине поручика).

⁸⁷ Волков В. А. Указ. соч. С. 407.

⁸⁸ Орленко С. П. Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 191.

⁸⁹ Волков В. А. Указ. соч. С. 406.

⁹⁰ Никитин Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 56.

О цели их пребывания там в соответствующих документах сообщалось лишь в общих чертах, как правило, речь шла о том, что «велено им быть у рейтарского строя». Судя по всему, правительство готовило распространение эксперимента по созданию войск «нового строя» и на другие главные города разрядов на территории Сибири. Известно, что в 1663 г. томскому воеводе И. В. Бутурлину была послана царская грамота, содержащая повторное предписание о наборе 200 рейтар, командиром которых должен был стать полковник И. фон дер Гейден⁹¹. Однако о выполнении этого предписания никаких сведений до нас не дошло. Наконец, в 1665 г. в Тобольск была отправлена еще одна партия офицеров во главе с полковником Г. фон Эгератом.

Полковник Генрих фон Эгерат, уроженец г. Любека и подданный датской короны, поступил на русскую службу в 1662 г. и попал в рейтарский полк генерал-поручика Н. Баумана⁹². Согласно царскому указу от 23 сентября 1665 г. он и еще несколько десятков его сослуживцев и подчиненных (всего 54 человека) направлялись в Тобольск для обучения сибирских служилых людей рейтарскому и солдатскому строю⁹³. Все эти офицеры были иностранцами, большую часть из них составляли, вероятно, скандинавы (скорее всего, датчане), меньшую – немцы. Они прибыли в Тобольск 2 марта 1666 г., а 2 февраля 1667 г. туда приехал и задержанный в Москве полковник Г. фон Эгерат. Причиной задержки послужило обвинение полковника в каком-то совершенном им преступлении⁹⁴. Впрочем, подобные эпизоды не были редкостью: С. П. Орленко приводит целый ряд проступков и нарушений закона, совершенных иноземцами, иногда весьма пренебрежительно относившимися к русским порядкам⁹⁵.

В результате разбирательства полковник прибыл в Сибирь уже в качестве ссыльного, сохраняя, впрочем, прежний чин и полномочия командира своей партии. Подобная мера довольно часто практиковалась московским правительством, и за время правления царя Алексея Михайловича отмечено немало случаев ссылки в Сибирь служилых иноземцев. Следует отме-

⁹¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 13.

⁹² Там же. Ф. 61, оп. 1, л. 35, л. 36–46. О генерале Н. Баумане см., напр.: Лобин А. «Против недругов стоял и бился мужественно...» Датский офицер на службе у русского царя // Родина. 2006. № 11. С. 90–93.

⁹³ См.: Зуев А. С. Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков «нового строя») // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Бахрушинские чтения 1996 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 11–20. В свое время был опубликован путевый дневник одного из участников этой партии (см.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Новосибирск, 2006. С. 268–304).

⁹⁴ Зуев А. С. Дело о полке Эгерата... С. 15.

⁹⁵ См.: Орленко С. П. Выходцы из стран Западной Европы... С. 195–199.

тить, что поводом иногда служило желание уехать из России⁹⁶. Возможно, эта перемена в судьбе Г. фон Эгерата и обусловила дальнейший ход событий. Тобольские воеводы, князь А. А. Голицын и Г. Ф. Бутурлин, заранее получили царскую грамоту от 30 ноября 1665 г., которая извещала их о посылке в Тобольск этой группы офицеров. Кроме того, в ней говорилось о скором прибытии к ним еще одного царского указа, где будут конкретно оговорены распределения и назначения по службе для каждого из вновь прибывших. Но этот указ так и не был отправлен в Тобольск. Более того, воеводы не получили ответа и на свои запросы в Сибирском приказе относительно судьбы присланных офицеров. Никто из них так и не был определен «в службу».

Возникает вопрос: для чего было нужно посылать такую большую партию иностранных инструкторов? Ведь в это время (в 1665 г.) в офицерских штатах обоих тобольских полков вакансий уже не было, по крайней мере, среди чинов штаб- и обер-офицеров. Цель такой присылки можно, на наш взгляд, сформулировать двояко: либо это попытка практически полной замены всего личного состава офицерского корпуса сибирских войск «нового строя», либо это было сделано с прицелом на формирование здесь новых подобных соединений. Какая из этих версий ближе к реальности, сказать сложно, поскольку в сохранившихся документах по этому делу мы не находим точного определения тех задач, которые были поставлены перед полковником Г. фон Эгератом и его «полком». Поэтому нам вновь придется прибегнуть к логическим рассуждениям, чтобы уяснить суть данного дела, а также мотивы, которыми руководствовалась Москва. С одной стороны, еще в начале 1665 г. в Москву пришла отписка тобольского воеводы кн. А. А. Голицына, в которой сообщалось о поданном полковником В. Ф. фон Зейцем прошении об отставке⁹⁷. В конце того же года последовал царский указ об отправке в Тобольск полковника Г. фон Эгерата и его людей. Возможно, между этими событиями существует прямая связь, что свидетельствует в пользу первой версии. Поскольку большая часть уже служивших в Тобольске офицеров прибыли в Сибирь вместе с В. Ф. фон Зейцем (по некоторым данным, они были его подчиненными), можно предположить, что и покинуть сибирскую службу они должны были вместе со своим командиром, так что на их место следовало бы прислать новых инструкторов. В таком контексте направление в Сибирь отряда Г. фон Эгерата представляется вполне обоснованным.

Однако с учетом известных нам документов предпочтительнее вторая гипотеза, хотя и здесь возникает ряд вопросов. Если правительство действительно намеревалось в 1665 г. создать еще один полк «нового строя» (или даже несколько?) на территории Сибири, то подобное намерение

⁹⁶ См.: Орленко С. П. Выходцы из стран Западной Европы... С. 112–116.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 820, л. 150–158.

можно объяснить лишь полной неосведомленностью о сложившейся в Тобольске к тому моменту ситуации, поскольку намерение это было невыполнимо по целому ряду причин начиная от отсутствия потенциальных кандидатов на такую службу как в Тобольске, так и в городах Тобольского разряда и кончая исчерпанием местной казны, к которому неизбежно должна была привести необходимость содержать еще большее число высокооплачиваемых рейтар, солдат и офицеров (о материальном положении сибирских войск см. ниже). Как отмечено выше, в намерения правительства не входила полная замена вновь сформированными войсками гарнизонов Тобольска и других русских городов на территории Западной Сибири. Однако дальнейший рост их численности неизбежно привел бы к сокращению до критической отметки (и даже ниже ее) количества здесь русских служивых людей большинства «иррегулярных» категорий (ср. с данными Н. И. Никитина по 1663 г.). Впрочем, все это в основном лишь предположения, поскольку конкретная цель прибытия этой партии офицеров в Тобольск, судя по всему, так и не была определена.

Оклады большинства офицеров в обоих полках точно соответствовали размерам, установленным правительством (см. табл. 1, 2). Однако были и исключения. Например, полковник Якуб Мейн получал 40 руб. в месяц (480 руб. в год), но это может объясняться тем обстоятельством, что он прибыл сюда вместе с женой и детьми, тогда как о других офицерах подобные сведения отсутствуют. Полуполковник Андрей Банк получал 18 руб. в месяц (216 руб. в год) вместо 15, а майор Ульрих Сниттер – 16 руб. (192 руб. в год) вместо 14, как равный ему по званию майор Иван Волков⁹⁸. Скорее всего, это объясняется тем, что «иноземцу» платили несколько больше, чем русскому, служившему в том же звании⁹⁹, либо это было связано с особенностями заключенных данными офицерами контрактов с московским правительством при их поступлении на службу. Последнее предположение представляется наиболее вероятным, но при этом следует учитывать, что далеко не все офицеры попадали в Сибирь по собственному желанию. Так, упоминавшиеся ранее Э. Нагель и Г. Д. Геронт, будучи полуполковником и майором, получали по 16 и 15 руб. в месяц соответственно (192 и 180 руб. в год). Их оклады не соответствовали официально установленным для этих чинов в сибирских войсках, но в этом случае говорить о заключении контрактов, по-видимому, не следует, поскольку

⁹⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 3–4, 12–13.

⁹⁹ Об этом писал, хотя, возможно, и преувеличивая, Джон Киип: «Оклады иностранцев были в среднем на 60 % выше, чем у русских» (см.: Кеер J. Op. cit. P. 84). Однако в целом оклады, установленные «начальным людям» в сибирских войсках «нового строя», были практически идентичны общепринятым (ср.: Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 124).

ку попали они сюда на службу в статусе военнопленных, да и покинули Сибирь благодаря ему же.

Относительно служебного статуса перечисленных выше офицеров можно сказать следующее. Полуполковник В. Бланк, Д. Полуехтов и Я. Дохтуров были откомандированы в Тобольск уже к началу формирования там войск «нового строя», остальные отправились туда позднее согласно подписанным ими контрактам о несении воинской службы. Об этом свидетельствуют документы из дела по челобитной полковника В. Ф. фон Зейца о выдаче ему денег для поездки в Сибирь, в ходе рассмотрения которого упоминалось об аналогичных назначениях, полученных полковниками Иоганном Крафертом и Германом фон Штаденем, отправленными тогда же соответственно в Казань и Астрахань¹⁰⁰. Это также является подтверждением унифицированного характера процесса формирования сибирских полков. Таким образом, имеются основания утверждать, что большинство названных выше офицеров служили в Сибири именно на контрактной основе.

Единственным офицером из ссыльных, с самого начала привлеченным к службе в войсках «нового строя» в Тобольске, был полковник Якуб Мейн. Тобольским властям было приказано наблюдать, чтобы Я. Мейн из Тобольска никуда «не ушел» и переписки не вел. В 1661 г. была послана царская грамота, в которой его было велено «взять за пристава и беречь накрепко»¹⁰¹. Но он был лишь инструктором, а на действительной военной службе, по-видимому, не состоял. Кроме того, можно назвать также уже упоминавшихся Э. Нагеля и Г. Д. Геронта, но они недолго задержались на сибирской службе. Судя по всему, правительство старалось привлекать к службе в тобольских полках как можно меньше ссыльных, видимо, не доверяя им. По крайней мере, это касается всех штаб- и обер-офицеров. Такое же впечатление складывается при изучении списка ссыльных, прошедших через Тобольск в 1659–1661 гг., в котором перечислено большое количество людей, носивших воинские звания, принятые именно в войсках «нового строя». Тем не менее никто из них не был оставлен в Тобольске для привлечения на службу в формировавшихся там полках. Так, 12 ноября 1659 г. из Тобольска в Сургут были отправлены полковник Ян Эренк и майор Томас Брон, а несколько раньше, 5 октября, в Томск отправился драгунский капитан Ян Форбе (шотландец). Кроме того, следует упомянуть группу рейтарских и драгунских поручиков и прапорщиков в составе 17 человек во главе с Павлом Ежовским (прибыли в 1659 г.), а также еще

¹⁰⁰ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 72–77.

¹⁰¹ Там же. Стб. 820, л. 132–145.

одну партию рейтар из 12 человек во главе с прапорщиком Юрием Эрголом (1661 г.)¹⁰².

Никто из перечисленных выше людей не был поверстан на службу в новые войска, наоборот, многих отправляли дальше, в другие сибирские города, от Тары до Енисейска. Тех же, кто оставался в Тобольске, записывали обычно в казаки «литовского списка» либо в конные или пешие казаки. Ни в рядовые, ни в унтер- или обер-офицерские чины обоих полков ссыльных «иноземцев» не верстали. С чем это было связано, можно только предполагать. Возможно, унтер-офицеров старались подбирать из местных служилых людей, дабы сделать их связующим звеном между командирами этих войск (преимущественно иностранцами) и «русскоговорящими» рядовыми. На это указывает и факт прибытия сюда нескольких «толмачей» (переводчиков). Так, сосланный в Тобольск еще в 1658 г. прапорщик Михаил Клосинов был прикомандирован к полуполковнику А. Банку, а капитан Иван Вестов – к полковнику В. Ф. фон Зейцу¹⁰³.

Практически то же можно сказать и о русских людях, сосланных сюда в эти годы. Единственный известный нам пример верстания на службу в сибирские полки из русских ссыльных людей – это солдатский капитан Петр Аншутин, сосланный в Сибирь за участие в московском восстании 1662 г.¹⁰⁴ Однако в этом случае, скорее всего, причина состоит в том, что среди таких ссыльных практически не было людей, имевших отношение к службе в «иноземных полках». Капитан Аншутин скорее исключение, чем правило, да и количество таких людей среди ссыльных было очень невелико. Можно привести лишь еще один пример такого рода – верстание сокольника Федора Кошелева сразу в солдатские капитаны, причем с очень интересной мотивировкой: «Потому что в ыных во всех чинех начальные люди написаны»¹⁰⁵. Поэтому число ссыльных людей, как русских, так и иностранцев, получивших офицерские чины в войсках «нового строя», было крайне незначительным. Да и в составе рядовых таких людей насчитывались, по-видимому, единицы. Данное обстоятельство заметно отличает эти полки от остальных частей «сибирского войска», в которые попадало на службу множество ссыльных¹⁰⁶. Объясняется это прежде всего теми ограничениями, которые действовали при наборе в войска «нового строя» как в Европейской России, так и на территории Сибири (см. выше).

Необходимо также сказать несколько слов о перемещениях по службе перечисленных офицеров. Прежде всего следует отметить быстрое про-

¹⁰² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 577, л. 30–33, 62–70. См. также: Белокуров С. А. Указ. соч. Приложение № 5. С. 39–75.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 12; стб. 630, л. 230. См. также: Никитин Н. И. Тобольская «литва»... С. 56.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 93.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 87–89.

движение по службе Д. И. Полуехтова, прибывшего в Сибирь в чине рейтарского ротмистра, а в 1662 г. ставшего уже полковником. Он был определен в командиры к тобольским солдатам вместо полуполковника А. Банка, который нерадиво относился к своим обязанностям. Правда, последний сохранил свое звание и оставался в Тобольске вплоть до 1668 г.¹⁰⁷ Остальные штаб- и обер-офицеры, служившие в обоих тобольских полках, по-видимому, не получали повышений в званиях до 1667 г. Сведения о судьбе большинства из них довольно скудны, так что единственное, о чем еще можно упомянуть здесь, — это время и обстоятельства их возвращения из Тобольска в Москву. Так, о полковнике В. Ф. фон Зейце тобольский воевода кн. А. А. Голицын еще в январе 1665 г. писал в Москву, что тот «хром и увечен, и впредь государевы рейтарские степные службы служить не может»¹⁰⁸. Сибирский приказ удовлетворил его прошение об отставке, и в декабре 1666 г. В. Ф. фон Зейц уехал в Москву.

Царским указом от 12 ноября 1667 г. были возвращены в Москву все офицеры «полка» Г. фон Эгерата. Одновременно с этим новому тобольскому воеводе П. И. Годунову было велено «рассмотреть», без кого из находившихся тогда в Тобольске офицеров-иностранцев можно будет обойтись в дальнейшем, и отправить в Москву тех, кого он сочтет нужным¹⁰⁹. Несколько человек все же поначалу остались в Тобольске и уехали оттуда позднее остальных, а полуполковник Иоганн Ремес вернулся сюда «на вечную службу» в 1671 г. уже в звании полковника.

Отъезд отряда офицеров во главе с Г. фон Эгератом повлек за собой отъезд большей части тех, кто уже давно служил в обоих тобольских полках. Отсутствуют упоминания о Василии Бланке и Якове Дохтурове, относящиеся ко второй половине 60-х гг., хотя в 1667–1676 гг. в Тобольске служил в звании рейтарского полуполковника Петр Дохтуров, возможно, родственник последнего. Якуб Мейн оставался в Тобольске до 1671 г., а затем был отпущен в Москву. Ротмистры А. Банцин и П. Стангер вернулись в Москву вместе с полуполковником А. Банком в 1668 г., а ротмистр Андрей Пенс — еще раньше, в 1665 г. Дмитрий Полуехтов покинул Сибирь в 1667 г., а Ульрих Сниттер и Иван Вестов — в 1669 г.¹¹⁰ Единственным исключением из этого правила стал Иван Волков, упоминавшийся в 1671 г. в чине драгунского полуполковника. Судя по всему, из всех офицеров, приехавших в Сибирь в 1659–1661 гг., он оказался единственным, кто предпочел остаться служить в Тобольске¹¹¹.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 783, л. 181–185, 193–194; стб. 820, л. 132–145.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 820, л. 150–158.

¹⁰⁹ Зуев А. С. Дело о полке Эгерата... С. 18–19.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 783, л. 178–194, 204–220; стб. 820, л. 132–145.

¹¹¹ Там же. Стб. 100, л. 38, 41.

Для того чтобы завершить изучение офицерского корпуса, нам остается рассмотреть вопрос о младших чинах обер-офицерского состава сибирских войск. Сложность его состоит в том, что мы не располагаем полными именными списками всех офицеров этих чинов — поручиков и прапорщиков. Применительно к 1660–1667 гг. известны имена 24 человек, в разное время служивших в этих чинах (подробнее см. в приложении). Среди них указано значительное количество выходцев из тобольских детей боярских, сначала записанных в рядовые рейтары, но довольно быстро получивших офицерские чины. Так, уже в 1662 г. среди поручиков и прапорщиков рейтарского полка числятся Борис Грозин, Дмитрий Свидаерский, Василий Тутолмин, Алексей Фефилов и Дмитрий Чередов. В солдатском полку в тех же чинах служили тогда Иван Аршинский, Алексей Выходцов, Андрей Камынин, Федор Мокринский, Степан Поляков, Герасим Черкасов. Разумеется, это далеко не полный перечень, достаточно вспомнить хотя бы, какое число обер-офицеров предполагалось набирать по приведенным выше штатам 1660 г. И, судя по всему, набор в эти чины был завершен полностью, тем более что при верстании Федора Кошелева было отмечено, что в других чинах вакансий уже нет (1663 г.). Кроме того, можно предположить, что здесь наблюдалась довольно частая смена кадров, так как именно эти офицеры непосредственно участвовали в боевых действиях сибирских войск наравне с рядовыми. Так, в столкновениях с башкирами в 1663–1664 гг. погибли рейтарский поручик Петр Галасеин и прапорщик Иван Албычев, солдатский прапорщик Михаил Кюсинов¹¹². Поэтому список имен, приведенный нами в приложении, конечно же, неполон. Некоторые тобольские офицеры успевали послужить и в рейтарском, и в солдатском строю, например, поручик Иван Иевлев начал службу в рейтарском полку, а затем перешел в солдатский¹¹³. Таким образом, принадлежность к тому или иному роду войск часто оказывалась формальностью, чем, кстати, и воспользовался тобольский воевода П. И. Годунов, обосновывая свою идею о создании здесь драгунского полка.

3. Функции войск «нового строя» в Сибири в 60-х гг. XVII в.

Итак, к концу 1661 г. были завершены набор рядовых в оба полка, а также формирование их офицерского корпуса. Теперь эти войска могли приступить к несению службы, имевшей, по нашему мнению, постоянный характер. Необходимо отметить, что существует две точки зрения о характере службы в войсках «нового строя». Например, П. П. Епифанов, ссылаясь на свидетельство Г. Котошихина, утверждал, что «не имея возможно-

¹¹² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 178.

¹¹³ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 18 об. — 20.

сти содержать новые полки под ружьем в мирное время, правительство распускало солдат, драгун и рейтар после очередной военной кампании... по домам до нового призыва, оставляя на службе только часть офицеров...»¹¹⁴ Подобного взгляда придерживались С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

Однако более аргументированной нам представляется точка зрения специально изучавших данную проблему А. В. Чернова и Ф. И. Калинычева, которые считали службу в этих войсках постоянной. Ф. И. Калинычев, например, полагал, что «в распоряжении правительства в рассматриваемый период всегда находились значительные постоянные вооруженные силы». По его подсчетам, «если в военное время Русское государство имело в распоряжении 55 солдатских полков с численностью 50–60 тысяч человек, то 20–25 этих полков численностью 25–30 тысяч человек сохранялось на службе и в мирное время»¹¹⁵. Это объяснялось, прежде всего, способами комплектования и составом новых войск. Совершенно справедливо, на наш взгляд, положение А. В. Чернова о том, что «обязательная служба... населения стала основой комплектования полков нового строя». Отсюда вполне логично следует, что «служба солдат, рейтар и т. д. считалась пожизненной. В этом не было ничего нового, такой же пожизненной была и служба дворянской конницы, стрельцов, казаков и пушкарей... В мирное время численность полков нового строя сокращалась. Часть ратных людей распускали по домам... Одновременно значительное количество ратных людей продолжало находиться на службе, которая в мирное время состояла в охране и обороне границ»¹¹⁶. Именно такую службу несли оба полка, сформированные в Тобольске.

На постоянный характер рейтарской и солдатской службы в Сибири указывают также факты направления сюда нескольких партий иностранных офицеров, призванных выполнять роль военных инструкторов и обучать «премудростям» регулярного строя местных служилых людей, зачисленных в оба полка. Аналогичные меры предпринимались московским правительством в отношении солдатских и драгунских частей, формировавшихся на южных и северо-западных границах Европейской России. Так, в Заонежские погосты «для драгунского и салдатцкого ученья» направили более сотни офицеров, от полковников до сержантов и барабанщиков, а в Севск «для драгунского учения» прибыли более 60 иноземных инструкторов разных чинов¹¹⁷. Если бы служба в полках «нового строя» имела периодический характер, необходимости в подобных мероприятиях не воз-

¹¹⁴ Етифанов П. П. Войско. С. 245.

¹¹⁵ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 77–78. Эти же цифры приводятся современными исследователями (см.: Волков В. А. Указ. соч. С. 397).

¹¹⁶ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 153–154.

¹¹⁷ Волков В. А. Указ. соч. С. 468.

никало бы, поскольку для дворян и детей боярских, казаков и приборных служилых, особенно жителей пограничных уездов, ратное дело и так было «за обычай». Однако для того, чтобы научить их действовать на поле боя «правильным строем», обучение следовало вести систематически и непрерывно. Особенно это касалось навыков меткой стрельбы, поскольку огнестрельное оружие уже в XVII в. зачастую решало исход боя, оставаясь, впрочем, достаточно тяжелым и сложным в обращении. Для этого и рассылались из Москвы по всей стране партии иностранных офицеров, одновременно и обучавших своих новых подчиненных, и командовавших сформированными из них подразделениями.

Несколько слов о структуре получившихся соединений. Каждый полк делился на роты, численность которых колебалась от 100 до 120 человек. Роты возглавляли младшие обер-офицеры – поручики и прапорщики, что не соответствовало принятым для войск «нового строя» стандартам. По данным обстоятельно изучавшего их Ф. И. Калинычева, «во главе роты в пехоте был капитан, в коннице – ротмистр. Помощником их являлся поручик. Младший офицер в роте – прапорщик»¹¹⁸. Однако такая мера была вызвана тем обстоятельством, что обер-офицеров, имевших звания ротмистра или капитана, насчитывалось в Сибири лишь несколько человек, и все они были присланы сюда из Москвы. Местных же служилых людей в эти чины, судя по всему, не записывали. По крайней мере, нам не известно ни одного подобного случая. Поэтому под командованием ротмистра или капитана могли объединяться сразу несколько рот. У рейтар подобные формирования именовались «шквадронами» (т. е. эскадронами)¹¹⁹. Полки возглавляли: рейтарский – полковник В. Ф. фон Зейц, солдатский – полковник Д. И. Полуехтов.

Большинство рейтар и солдат сразу после завершения наборов были направлены в различные остроги и слободы на территории Тобольского уезда: Исетский, Катайский, Невьянский остроги, Киргинскую, Арамашевскую и другие слободы, которые им предписывалось оберегать от «воинских людей». Несколько рот были оставлены в составе гарнизона Тобольска, там же большую часть времени находились и все штаб-офицеры. Правда, в некоторых случаях, когда того требовала оперативная обстановка, они лично отправлялись в те или иные остроги и слободы для непосредственного руководства боевыми действиями. Так, в документах Тобольской приказной избы за 1662–1663 гг., посвященных столкновениям с башкирскими повстанцами на территории Тобольского и Верхотурского

¹¹⁸ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 83.

¹¹⁹ «Шквадрона – организационное и тактическое подразделение, занимающее промежуточное положение между полком и ротой, обычно в составе от 3 до 5 рот... Являлась аналогом и предшественником позднейших батальонов» (Малов А. В. Конница нового строя... С. 122).

уездов, довольно часто встречаются упоминания о том, что обороной отдельных русских поселений здесь руководил один из штаб-офицеров сибирских войск «нового строя». Например, в 1662 г. в Исетский острог с несколькими ротами рейтар и солдат из Тобольска были направлены полковник В. Бланк и майор И. Волков, а из Тюмени – майор У. Сниттер. Непосредственное участие в боях в том же 1662 г. принимал и полковник Д. Полуехтов. Эти же офицеры руководили предпринявшимися в 1663 г. походами в степь для разгрома башкирских кочевий¹²⁰.

О ситуации в Томске мы не располагаем сколько-нибудь надежными данными. Известно, что в 1660 г. туда были посланы «для учения салдатского строю» капитан О. фон Менкин и трое его подчиненных, а в 1662 г. там же оказался полковник И. фон дер Гейден со своими родственниками. Пробыли они там не очень долго, и в 1667 г. томским воеводам из Сибирского приказа была направлена грамота о возвращении их всех в Москву, видимо, по той причине, что в Томске так и не удалось сформировать хотя бы несколько рот, входивших в состав войск «нового строя»¹²¹. В самой грамоте было лишь сказано, что они «живут за полками». О положении дел в других городах Тобольского разряда (Тюмень, Тара) сведений значительно больше. В частности, известно, что еще в ходе наборов в формировавшиеся в Тобольске войска были записаны 230 человек из служилых людей Тюмени. Сохранился даже именной список части из них¹²², в котором большинство составляют конные казаки, зачисленные в полк рейтар. Кроме того, вплоть до начала 1670-х гг. в Тюмени постоянно находились части тобольских рейтар и солдат, несших там караульную службу. Возглавляли этот отдельный контингент (190 рейтар и 130 солдат) сначала майор У. Сниттер, а после его перевода в Тобольск в конце 1660-х гг. – майор Лев Горчаков¹²³.

Подобная ситуация сложилась и в Таре. Местных служилых людей также коснулись наборы 1660–1661 гг., а в царском указе 1661 г. по их поводу было сказано следующее: «И тех людей, выуча рейтарскому и салдатскому строю... отпустить на Тару, и быть им на Таре для того, что город украинной, да на государеву службу по вестям... им быти готовым. А годовое денежное жалованье и кормовые деньги посылать на них ис Тобольска, а в Тобольск тех рейтар и салдат... не имать»¹²⁴. Всего для этой цели было задействовано 110 рейтар и 60 солдат, которые были набраны из тарских служилых людей. Они прошли подготовку в Тобольске у полуполковника В. Бланка и полковника Д. Полуехтова, а затем были отправлены

¹²⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 179–180.

¹²¹ Там же. Стб. 783, л. 168–169.

¹²² Там же. Стб. 794, л. 77–79.

¹²³ Там же. Стб. 100, л. 32–33, 35.

¹²⁴ Там же. Л. 5, 17.

обратно нести гарнизонную службу. Командовали ими рейтарский ротмистр А. Пенс и солдатский поручик А. Камынин¹²⁵.

Как отмечено выше, основным функциональным назначением сибирских частей «иноземного строя» была охрана и оборона южных границ русских владений в Западной Сибири от набегов «немирных иноземцев». Как раз на 60-е гг. XVII в. приходится резкое обострение обстановки на этом участке русской границы, вызванное восстанием зауральских башкир, которых поддержала часть сибирских татар, продолжавших признавать власть потомков хана Кучума и кочевавших в степях¹²⁶. Поэтому первый этап существования полков оказался и наиболее насыщенным столкновениями с «воинскими людьми», когда только-только сформированным подразделениям пришлось продемонстрировать, на что они способны в бою. Эти события представляют для нас тем больший интерес, поскольку на протяжении последующих десятилетий подобных эпизодов в истории существования войск «нового строя» в Сибири мы уже не находим.

Взаимоотношения русских переселенцев и представителей государственной власти с аборигенами Поволжья и Сибири были далеки от идеальных, что нередко провоцировало вооруженные конфликты между обеими сторонами. Кроме того, как справедливо замечено исследователями, даже в том случае, когда те или иные народы признавали себя подданными московского царя (в нашем случае – зауральские башкиры), их понимание объема прав и обязанностей, связанных с этим статусом, могло разительно отличаться от сформулированного в «государеве жалованном слове»¹²⁷. Восстание 1662–1664 гг. имело ряд причин, под влиянием которых, как справедливо заметил Н. В. Устюгов, башкиры, «недовольные своим московским сюзереном... решили поискать себе другого»¹²⁸.

Перейдем к рассмотрению тех боевых действий, в которых сибирские войска «нового строя» принимали непосредственное участие. Наряду с восстановлением фактической картины событий следует проанализировать то, каким образом складывалась оперативная обстановка в ходе каждой кампании. Результаты действий этих войск необходимо оценить по степе-

¹²⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 32, 35. См. также: *Первое столетие сибирских городов. XVII век.* Новосибирск, 1996. С. 13–14.

¹²⁶ Об антирусском восстании башкир в 1662–1664 гг. см.: *Материалы по истории Башкирской АССР.* М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 159–198; *Устюгов Н. В.* Указ. соч.; *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 1978. С. 27–43; *Он же.* Восстание 1662–1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии // *Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XIX вв.* Уфа, 1981. С. 45–67; *Он же.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 66–78; *Доннелли А. С.* Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740. М., 1995. С. 55–81.

¹²⁷ См.: *Уманский А. П.* Указ. соч. С. 17–23.

¹²⁸ *Устюгов Н. В.* Указ. соч. С. 67.

ни эффективности, с которой выполнялись возлагавшиеся на них задачи. Представляет интерес также сравнение данных событий с обстановкой на южной границе Европейской России, где в 50–70-х гг. XVII в. дислоцировавшиеся по Белгородской черте укрепления рейтарские, солдатские и драгунские полки противодействовали нападениям крымских татар и поддерживавших их турецких войск. В свое время эти вопросы были хорошо изучены В. П. Загоровским¹²⁹.

Боевое крещение сибирские полки получили в конце лета 1662 г. В июле – августе последовали первые нападения на слободы и остроги Верхотурского и Тобольского уездов башкир и уфимских татар, «изменивших великому государю»¹³⁰. Осаде подверглись Далматов монастырь, Катайский острог, Мурзинская, Белослудская, Усть-Ирбитская и ряд других слобод; часть из них были выжжены и разорены. Для отражения башкирских набегов из Тюмени и Тобольска не позднее 28 августа были высланы отряды рейтар и солдат под командованием У. Сниттера, В. Бланка и И. Волкова. Примерно через месяц (6 октября) против восставших был отправлен отряд Д. Полуехтова, к которому позднее были прикомандированы отряды И. Волкова и У. Сниттера. Майору У. Сниттеру удалось захватить в плен двоих уфимских татар, «в роспросе и с пытки» давших подробные показания о численности и местонахождении отрядов восставших. Используя эти сведения, еще до конца года полковник Д. Полуехтов со товарищи успели совершить удачную вылазку в направлении оз. Иртяш: «В степь к Иретьяшу озеру на изменники ходили и у Иретьяша озера учинили с ратными людьми с изменники бой»¹³¹. В бою были отбиты 5 плененных «изменниками» ранее крестьян Мурзинской слободы.

С учетом того, что в последующие годы большинство штаб-офицеров со своими отрядами постоянно находились в пограничных острогах и слободах Тобольского и Верхотурского уездов, мы можем предположить, что именно осенью 1662 г. как минимум половина всех соединений, входивших в состав сибирских войск «нового строя», были переведены в эти районы, ставшие местом их постоянной дислокации. Впрочем, из текста царской грамоты, полученной тобольскими воеводами зимой 1662/63 г., становится ясно, что власти еще не теряли надежды кончить дело миром. В частности, упор был сделан на возможность завязать переговоры с восставшими: кн. И. А. Хилкову предписывалось посылать к ним «тоболских русских добрых людей и татар, ково пригоже и кому мочно верить... уговаривать всякими обычаями, чтоб они, башкирцы и сибирские тотаровья, о ви-

¹²⁹ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 278–287; Он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 81–85, 91–106.

¹³⁰ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4, № 124. С. 282–293; Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 76–77.

¹³¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 60–62; стб. 663, л. 6–10. См. также: Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 78–80.

нах своих нам, великому государю, добили челом и от воровства своего и от измены отстали»¹³². И лишь в случае неудачного исхода переговоров с «изменниками» от воеводы требовалось посылать из Тобольска отряды служилых людей «над ними всякими обычаями промышлять, сколко милосердый Бог помочи подаст, чтоб над ними поиск учинить, а себя б от них уберечь»¹³³.

Весной 1663 г. в Тобольске было получено известие о том, что «с башкирцы же де по договору кочюет сибирской царевич Кучюмов внук (на самом деле – правнук. – А. Д.) Кучюк, а с ним людей ево с полтораста человек, около Сарыкуля озера и хотел итти под Тюмень и на слободы войною, а в розборе де башкирцов и царевичевых людей с тысячу человек»¹³⁴. В связи с этим тобольскими воеводами было принято решение о подчинении всех полевых отрядов из состава обоих полков Д. Полуехтову, перед которым была поставлена задача оборонять пограничные слободы и остроги от возможных нападений башкир и войск царевича.

И действительно, уже в начале июля отряды башкир подступили к Арамашевой слободе. Находившийся здесь поручик Ф. Мокринский, получив от крестьян с. Покровского известия о приходе «изменников», сообщил об этом майору У. Сниттеру и капитану М. Галасеину, которые стояли тогда с ротой рейтар и ротой солдат в Невьянском остроге. У. Сниттер и М. Галасеин отбили башкир от слободы, но во время преследования их отряд (около 200 человек) был окружен превосходящими силами противника (возможно, до 1 000 человек). Судя по всему, кочевники применили хорошо известный еще со времен монголов прием – притворное отступление с последующим внезапным переходом в атаку, окружением и разгромом врага. Вот как описывал этот бой впоследствии тобольский воевода кн. И. А. Хилков: «Изменники башкирцы от Арамашевы слободы пошли в степь за реку Реж, и оне де, маеор и капитан, с райтары и с салдаты, из Арамашевские слободы пошли за теми изменники на реку Реж к броду. И как де оне пришли на реку Реж, и те де изменники башкирцы из-за реки Режу поворотили и ево, маеора Ундрика, и капитана Макарья с ратными людьми у реки Режу от Арамашевы слободы в четырех верстах осадили»¹³⁵. От разгрома их спас полковник Д. Полуехтов, совершив с четырьмя ротами солдат марш-бросок из Киргинской слободы. Башкиры, узнав о его приближении, отступили в степи. Д. Полуехтов, объединив свои силы с отрядом У. Сниттера и М. Галасеина, бросился за ними в погоню, но девяти-

¹³² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 128.

¹³³ Там же. Л. 129.

¹³⁴ Там же. Стб. 100, л. 64; Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 101.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 184.

дневное преследование оказалось безуспешным, поскольку у русских войск не хватило лошадей¹³⁶.

После столкновения было принято решение более равномерно распределить отряды рейтар и солдат на всем протяжении южной границы русских владений в Зауралье и Западной Сибири. В частности, полковнику Д. Полуехтову было приказано постоянно находиться в Невьянском остроге, полуполковнику В. Бланку – в Исетском остроге, майору У. Сниттеру и капитану М. Галасеину – в Арамашевской слободе¹³⁷. Таким способом тобольские воеводы рассчитывали перекрыть все пути для возможных набегов из степей. Однако ожидаемого эффекта эта мера не дала, поскольку «многие рейтары и салдаты оставлены были... во многих слободах Тобольского и Верхотурского уездов для обереганья от изменников, а у иных у многих рейтар лошади попадали, а иные... рейтары же многие... из слобод от большие скудости розбежались»¹³⁸. Да и перекрыть полностью весь этот участок южной границы русских владений в Западной Сибири немногочисленные отряды тобольских рейтар и солдат были, по нашему мнению, не в состоянии.

Для доказательства достаточно сравнить описанную выше ситуацию с положением дел на территории Белгородского разряда, где находилась черта укреплений протяженностью 800 км, включавшая 25 городов-крепостей. Численность же задействованных там русских войск в 60-х гг. XVII в. колебалась в пределах от 15 до 20 тыс. человек, причем большинство из них принадлежали именно к полкам «нового строя». Однако гарнизоны пограничных городов комплектовались не из рейтар и солдат, а из детей боярских, стрельцов, казаков и лишь иногда из драгун. Их отряды должны были нести сторожевую пограничную службу, а при необходимости своевременно извещать об опасности дислоцировавшиеся в самом Белгороде и его окрестностях соединения подвижной армии, составленной из полков «нового строя» и всегда готовой к выступлению в поход для упреждения удара противника¹³⁹. На территории же Тобольского разряда столь масштабных резервов вооруженных сил не было, так что расквартированные по острогам и слободам роты рейтар и солдат были вынуждены рассчитывать только на себя, не надеясь на помощь из Тобольска.

В октябре 1663 г. царевич Кучук подступил со своими людьми к Киргинской слободе Верхотурского уезда. Д. Полуехтов выступил ему навстречу с немногочисленным отрядом рейтар и солдат. Бой начался на

¹³⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 67. О ходе боевых действий в 1663 г. подробнее см.: Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 101–103.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 68–69.

¹³⁸ Там же. Л. 65; стб. 663, л. 179.

¹³⁹ Эта структура подробно описана В. П. Загоровским (см.: Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 153–243).

р. Березовке под дер. Зверевой неподалеку от слободы. В завязавшейся схватке русские понесли ощутимые потери, сам полковник был ранен: «И на том... бою ево, Дмитрея, ранили в трех местех, да рейтарского строя начальных людей, порутчика Петра Галасеина да прапорщика Ивана Албычева, да рейтар и салдат побили человек з дватцать, да шесть человек рейтар ранили, да Киргинские слободы... крестьян изменники побили и в полон поймали человек с тритцать з женами и з детми»¹⁴⁰. Правда, татар все же удалось отогнать в степь. Вместо вышедшего на время из строя Д. Полуехтова командиром «погранчастей» поначалу хотели отправить полковника В. Ф. фон Зейца, но тот отказался «за болезнью», и тогда полевые отряды возглавил полуполковник Василий Бланк¹⁴¹.

После не очень удачных боевых действий лета – осени 1663 г. тобольские власти решили на время снизить активность пограничных отрядов сибирских войск, чтобы лучше подготовиться к следующему «полевому сезону». Находившиеся уже полтора года на границе подразделения, боеспособность и материальное положение которых, согласно донесениям В. Бланка, оставляли желать лучшего, были отозваны на зиму в Тобольск. На смену им отправили несколько рот солдат под командованием полуполковника А. Банка, которому разрешалось действовать только против «небольших людей» и «не в дальних местех», походы же в степь на дальние кочевья «изменников» категорически запрещались¹⁴².

В самом Тобольске зимой 1663/64 г. развернулась активная подготовка к военным экспедициям на юг, планировавшимся на ближайшую весну. Войскам тобольские воеводы «велели быть в Тоболеск для того, чтоб им, начальным людям и рейтаром, к весне для походу в степь на изменников запасы свои изготовить и лошади кормить». Было решено перейти от пассивной обороны к контрнаступлению. К этому подталкивали все предыдущие неудачи, да и сами рейтары и солдаты постоянно подавали воеводам (если верить отпискам последних) челобитные с изъявлением желания «ити на тех изменников» в степь, чтобы добраться до их кочевий¹⁴³.

И действительно, в апреле 1664 г. соединенные отряды Д. Полуехтова и В. Бланка, углубившись в степь, дошли до башкирских кочевий на р. Миасс и полностью разгромили и разорили их: «Башкирцов многих побили и в полон поймали, и на кочевьях жон их и детей государевы ратные люди многих в полон поймали ж, а иных побили и кочевья их разорили»¹⁴⁴. Походу предшествовала тщательная подготовка, в частности сбор

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 178.

¹⁴¹ Там же. Л. 180.

¹⁴² Там же. Л. 189.

¹⁴³ Там же. Л. 245–246.

¹⁴⁴ Там же. Стб. 100, л. 75. Об этом походе см. также: Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 104–105.

разведывательной информации: командирам было приказано «разведать и роспросить подлинно, где кочуют ныне изменники башкирцы и сибирские ясачные татаровя». Не удалось лишь отбить русских пленников, поскольку их «изменники... послыша государевых ратных людей на себя приходу, всех побили». Несколько дней упорных боев принесли следующие результаты: «начального их (башкир. – А. Д.) лутчево человека, Урасламбека Бактыева, ратные люди убили, а другово их начальново человека, Бекшендеева сына Нибузу, взяли в языцах... а иные изменники царевичи побежали в степь». Русские потери исчислялись такими цифрами: «Дмитрея Полуехтова ранили в дву местех, да маера Ивана Волкова, да рейтарского строю ротмистра Албрехта Банцена, да тоболских и тюменских рейтар и конных казаков 12 человек, да татар 10 человек ранили ж, да одного человека, салдатцкого строю прапорщика Михайла Клосинова, убили до смерти»¹⁴⁵. В Тобольске, правда, не слишком обольщались этим успехом, и в ожидании новых набегов Д. Полуехтову и В. Бланку было приказано вновь встать на охрану пограничных слобод и острогов. Туда же отправили полковника В. Ф. фон Зейца¹⁴⁶.

Опасения властей оказались не напрасными. Летом – осенью 1664 г. произошло несколько набегов на слободы Верхотурского уезда, причем отвечавший за это направление В. Ф. фон Зейц оказался не в состоянии противодействовать им. Более профессионально «сработал» В. Бланк: его отряд догнал и перебил повстанцев-манси, участвовавших в набеге на Невьянский острог в августе 1664 г.¹⁴⁷

С осени 1664 г. активность восставших башкир, «сибирских ясачных татар» и примкнувших к ним отрядов степных царевичей пошла на убыль. Однако командовавший в это время сибирскими войсками полковник В. Ф. фон Зейц не мог, то ли из-за своей «болезни» (как он сам утверждал), то ли из-за отсутствия способностей, эффективно руководить их оперативными действиями. В отписке нового тобольского воеводы кн. А. А. Голицына упоминалось о том, как «оплошкою полковника Вилима изменники приходили на слободы безвестно, а для обереганья в монастыре и в деревнях ратных людей у полковника для посылки не было...»¹⁴⁸. А. А. Голицын был вынужден отозвать В. Ф. фон Зейца в Тобольск, а вместо него послать в слободы уже зарекомендовавшего себя в предыдущих боях полковника Дмитрия Полуехтова¹⁴⁹.

Последние из зафиксированных в документах стычек соединений сибирских войск «нового строя» с восставшими относятся к 1665 г., когда

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 75–76.

¹⁴⁶ Там же. Л. 71; стб. 663, л. 331.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 663, л. 337.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. Л. 337–340.

было подавлено выступление татар Тобольского уезда. Позднее, в сентябре, Д. Полуехтов нанес поражение отрядам царевича Кучука под Киргинской слободой в Верхотурском уезде¹⁵⁰. На этом, судя по известным нам материалам, боевые действия с их участием и завершились.

Как можно оценить результаты участия полков «нового строя» в боевых действиях на территории Западной Сибири?

Нетрудно заметить, что большая часть описанных выше столкновений укладывается в одну и ту же схему событий: отряды кочевников внезапно нападали на какую-либо слободу, подразделения тобольских полков, получив (как правило, с запозданием) известия об этом, выступали в поле, но «изменники» при первом же появлении русских войск начинали быстро отступать, избегая открытого боя, и в конечном счете уходили в степи, оторвавшись от преследования. Иногда, правда, русские отряды оказывались окруженными превосходящими силами противника, но до разгрома, насколько можно судить, дело не доходило ни разу. Под эту схему подпадают практически все перечисленные здесь бои и столкновения, как, впрочем, и происходившие ранее, на протяжении предшествующих десятилетий. Эти типологические особенности пограничных конфликтов на юге Западной Сибири в XVII в. уже отмечались исследователями, в частности Е. Вершининым: «Военные действия... велись по отработанному веками сценарию: кочевники совершали набеги летом, а русские отряды шли в степь ранней весной, когда кочевая сила была наиболее ослаблена и рассредоточена»¹⁵¹.

Правда, в начале 1664 г. было решено перейти к активным действиям с целью предупреждения новых набегов. Насколько можно судить, на тот момент эта цель была достигнута. После 1664 г. обстановка на южной границе русских владений в Западной Сибири постепенно нормализовалась, что, несомненно, отчасти было связано с удачными действиями тобольских полков. Потерпев чувствительные поражения, восставшие были вынуждены откочевывать подальше от русских границ. Те из них, кто отказывался сдаваться на милость царских воевод, чтобы обезопасить себя, уходили на юг, в степи, присоединяясь к тем племенам, которые еще не покорились русским (в первую очередь, к отрядам уцелевших «сибирских царевичей», а также калмыцких тайшей).

Следует отметить, что к той же тактике прибежали и расквартированные вдоль южной границы европейской части страны армейские соединения. Так, после прорыва отрядами крымских татар одного из участков Белгородской черты в 1673 г. было решено немедленно отправить значительный контингент русских войск (2 солдатских и 8 стрелцких полков, всего около 8 тыс. человек) в поход под Азов с целью лишить татар турецкой

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 378–381.

¹⁵¹ Вершинин Е. В. Неверность «бродячих царевичей»... С. 63.

поддержки, сковав там большую часть сил противника. Действительно, вплоть до начала вторжения турецкой армии на Украину в 1677 г. территория Белгородского разряда на протяжении нескольких лет практически не подвергалась опасности, поскольку находившиеся под Азовом русские войска «отвлекали на себя весьма значительные силы турок и татар»¹⁵². Этот пример далеко не единственный: еще в 1660 г. «выдвижение русских войск в низовья Дона... задержало на несколько летних месяцев в Приазовье основные силы крымских татар. Постоянная угроза Крыму... в начале 60-х годов удерживала часть татар от участия в набегах на Россию и Украину...»¹⁵³ Таким образом, тактика активного контрнаступления и превентивных ударов в борьбе с кочевыми противниками (крымскими татарами в Европейской России, сибирскими татарами, башкирами и калмыками на юге Западной Сибири) оказалась единственным эффективным средством для охраны границ.

Приведенные нами факты позволяют сделать еще один вывод: в мобильности передвижений отряды тобольских полков значительно уступали кочевникам. Отписки полковых командиров тобольским воеводам буквально пестрят сообщениями о том, что «у многих рейтар лошади попадали», в результате чего оказалось невозможным преследовать уходящих «изменников»¹⁵⁴. Вообще, в 60-х гг. XVII в. проблема покупки лошадей, наряду с выдачей жалованья, была, пожалуй, главной для служивших в тобольском полку рейтар, поскольку лошадьми, как и одеждой, рейтары должны были обеспечивать себя сами, используя для этого свое немалое денежное жалованье. Но это – в теории, на самом же деле деньги им доставались далеко не всегда. Кроме того, с их стороны были нередки жалобы на то, что крестьяне и «всяких чинов люди» отказывались продавать рейтарам лошадей и корм для них на медные деньги, а требовали в уплату серебро. Тобольский же воевода кн. И. А. Хилков занял принципиальную позицию и требовал от рейтар покупать лошадей именно на получаемое жалованье, не надеясь на поддержку казны. Однако в конце 1663 г. он все же оказался вынужден выдать «бесконным» рейтарам по 5 руб. серебром, чтобы вывести их из столь бедственного положения¹⁵⁵. В конечном счете, как видим, все определялось материальным достатком людей, служивших в этих соединениях, в том числе, естественно, и эффективность их действий, а также степень выполнения ими своих боевых задач.

Боевые задачи ставились сибирским полкам под влиянием конкретной военно-политической ситуации, меняясь под действием обстоятельств. Так, до конца 1663 г. приоритетной задачей считалась защита от набегов с

¹⁵² Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 81–86.

¹⁵³ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 282–283.

¹⁵⁴ См., напр.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 65–69; стб. 663, л. 172–190.

¹⁵⁵ Там же. Стб. 663, л. 172–173.

юга приграничных слобод и острогов. Однако нельзя сказать, чтобы эта задача удовлетворительно выполнялась. Прежде всего, конечно, следует отметить практически нулевой уровень координации действий между различными частями обоих полков, а также отсутствие разведки или даже какой-либо сигнальной системы, что позволяло бы заранее узнавать цели набегов или хотя бы оперативно на них реагировать. Значительно лучше в этом смысле была организована оборона южных границ Европейской России от крымских набегов. Там по всему рубежу протянулась плотная цепь караульных и сторожевых постов, а станичные разъезды вели постоянное наблюдение за степным пространством, оперативно извещая воевод о появлении врага¹⁵⁶. В Сибири же получалось так, что отряд рейтар, стоявший, например, в соседней слободе, прибывал к месту событий, когда кочевники уже успевали ограбить и захватить в плен местных крестьян и уйти в степь. Попытки преследования, как мы уже отмечали, заканчивались неудачей. В редких случаях удавалось настигнуть и уничтожить отдельную группу беглецов в несколько десятков человек. Но такие методы не помогали, а выполнить поставленную перед ними задачу не столь многочисленными (по сравнению с силами противника) отряды рейтар и солдат оказывались не в силах. Результатом такого положения была неизбежная смена тактики.

Экспедиции 1664 г. стали переломным моментом в ходе военных действий. Хотя эффект их проявился позднее, именно эти удачные походы сибирских войск «нового строя» во многом, на наш взгляд, предопределили поражение антирусского восстания башкир и татар на юге Западной Сибири в 1662–1664 гг.¹⁵⁷ На наш взгляд, имеются все основания утверждать, что соединения тобольских полков полностью выполнили новые боевые задачи, поставленные перед ними на 1664 г. Кроме того, следует отметить, что именно здесь сибирские войска «нового строя» добились первых очевидных успехов и стало заметно их преимущество перед отрядами кочевников. В 1665–1668 гг. отмечены лишь единичные набеги последних, не имевшие большого успеха. Теперь уже тобольские отряды навязывали «изменникам» бой в открытом поле и довольно легко побеждали их, даже отбивая взятых в плен крестьян и их семьи. Как видим, на этом этапе сибирские войска достаточно хорошо справлялись с поставленными перед ними задачами.

Таким образом, если в 1662–1663 гг. эффективность действий тобольских полков следует признать неудовлетворительной, то в последующие годы она становится уже достаточно высокой. На основании изученных

¹⁵⁶ См.: Волков В. А. Указ. соч. С. 482, 488.

¹⁵⁷ Хотя, разумеется, причины подобного исхода не исчерпывались лишь чисто военными факторами (подробнее об этом см.: Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 107–110; Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства... С. 75–78).

нами материалов можно сформулировать следующий вывод: боеспособность сибирских войск «нового строя» все это время находилась примерно на одном, скорее всего, не очень высоком (даже по сравнению с аналогичными войсками в Европейской России) уровне, а эффективность их действий зависела прежде всего от складывавшейся на тот или иной момент оперативной обстановки. Такая оценка представляется нам достаточно объективной и в наибольшей степени соответствующей всем данным, которые содержатся в известных нам источниках. Она не должна представляться заниженной, поскольку учитывает не только достижения, но и все проблемы, которыми сопровождалось даже повседневное существование тобольских полков.

4. Материальное снабжение и боевая подготовка

Переходя к вопросам материального снабжения и боевой подготовки, следует заметить, что они являются не менее, а, возможно, и более важными для оценки положения сибирских войск как на данном этапе в целом, так и с точки зрения их дальнейшей эволюции. Имущественное положение рейтар и солдат, их оклады жалованья, вооружение, дисциплина и боевая подготовка – все эти аспекты повседневного существования тобольских полков необходимо тщательно проанализировать, поскольку именно с ними оказались связаны преобразования, развернутые с 1667 г. тобольским воеводой П. И. Годуновым и сыгравшие важнейшую роль в судьбе этих войск.

Выше упоминалось, что у рейтар жалованье составляло 15 руб. в год, а у солдат – по 6 денег на день (около 11 руб. в год). Общая же сумма годового жалованья, полагавшаяся рейтарскому полку, составляла 19 тыс. руб., солдатскому – 13 тыс., таким образом, всего – 32 тыс. руб. Учитывая плачевное состояние тобольской казны, правительство взяло на себя снабжение сибирских войск. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку войска «нового строя» находились на государственном содержании. Так, с принятием в 1660 г. решения об отправке в Сибирь партии офицеров во главе с полковником В. Ф. фон Зейцем из Москвы в Тобольск для первой выплаты годовых окладов только что набранным воеводой И. А. Хилковым рейтарам и солдатам было отправлено 34 тыс. руб., правда, не серебром, а мелкими медными деньгами¹⁵⁸. Ответственным за доставку этой суммы к месту назначения был назначен тобольский сын боярский Кузьма Черницын. К сожалению, проследить весь путь «государевой казны» до сибирских земель нет возможности, известно лишь, что 17 декабря 1660 г. К. Черницын был отпущен с Верхотурья, а 26 декабря уже прибыл в То-

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 3–11.

больск¹⁵⁹. Деньги эти было предписано выдавать «всем начальным людям и рейтаром и салдатом... помесечно с нынешние посылки»¹⁶⁰. Этим, кстати, лишний раз подчеркивался особый статус сибирских полков «нового строя» на фоне прочих подразделений гарнизона Тобольска.

Как известно, сибирские служилые люди получали денежное жалование сразу в объеме годовых окладов, хотя выдавать их могли не одновременно, а в два-три приема. Как отмечал Н. И. Никитин, причиной этого могло служить опасение властей, что служилые люди, «взяв государево жалование, вдруг да заворуют» (пропьют его, проиграют или вообще сбегут из города)¹⁶¹. Ниже показано, что подобные случаи имели место и в войсках «нового строя». Все же общим правилом было то, что большинство окладов выдавалось в осенне-зимние месяцы, чаще всего в сентябре¹⁶². Причина этого вполне понятна, поскольку именно с 1 сентября начинался новый год согласно принятому тогда в России и сохранявшемуся вплоть до реформы Петра I календарю с летоисчислением «от сотворения мира».

В отношении же полков «нового строя» дело обстояло иначе. Рейтары и солдаты, а также «начальные люди» обоих полков должны были получать на руки причитающиеся им суммы каждый месяц. Обязанностью же воевод и дьяков тобольской приказной избы было решать, как распорядиться предназначенными для этих войск деньгами, чтобы сколько-нибудь равномерно распределять выплаты на протяжении года. Практиковалось подобное и в последующие годы, когда денежное жалование для полков доставлялось из Москвы тобольскими служилыми людьми. Однако высылалось оно, во-первых, крайне нерегулярно и, во-вторых, далеко не в положенном объеме. Негативную роль сыграла здесь и афера правительства царя Алексея Михайловича с введением в массовое обращение медных денег, спровоцировавшая мощное, хотя и скоротечное выступление жителей Москвы летом 1662 г. (Медный бунт). Ф. И. Калинычев отмечал, что выпуск медных денег особенно тяжело сказался на положении солдат и стрельцов, да и в войсках «нового строя» полковники и другие начальные люди открыто выражали свое неудовольствие данной мерой¹⁶³.

После провала аферы с медными деньгами и официального изъятия их из обращения выяснилось, что финансовые ресурсы казны не обеспечивают полноценного содержания резко выросшей за предшествующие годы в численном отношении русской армии. Разумеется, это не могло не сказаться и на материальном обеспечении русских вооруженных сил в Сибири.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 17, 21. Данные взяты из отписок верхотурского воеводы И. Камынина и тобольского воеводы кн. И. А. Хилкова.

¹⁶⁰ Там же. Л. 10.

¹⁶¹ Цит. по: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 125.

¹⁶² Там же. С. 123.

¹⁶³ См.: Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 125.

Например, 26 октября 1663 г. партия тобольских служилых во главе с солдатским поручиком Иваном Иевлевым привезла из Москвы в Тобольск 23 тыс. руб. серебром на уплату жалованья гарнизонам всех сибирских городов. Однако сумма эта не могла покрыть годовых потребностей всех категорий служилого населения Сибири, а тем более здешних войск «нового строя». Еще до приезда в Тобольск И. Иевлев со товарищи передали более 3 тыс. руб. в распоряжение воевод Верхотурья, Туринска и Тюмени. Из оставшейся суммы для нужд собственно тобольского гарнизона предназначалось 12,5 тыс. руб., причем указывалось, чтобы служилым людям «всяких чинов» (включая юртовских татар) и солдатам выдали только четверть их годовых окладов, а рейтарам и их «начальным людям» — треть. Еще 7–8 тыс. руб. подлежали отправке дальше на восток: в Томск, а оттуда на Енисей и Лену, в Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск и т. д.¹⁶⁴ О том же, когда поступают недостающие деньги, Сибирский приказ ничего определенного не сообщал. В царской грамоте содержалось лишь туманное обещание, что «государеве жалованье в додачу прислано будет от Архангелского города по зимнему пути»¹⁶⁵. В Тобольске добросовестно подсчитали, какая именно сумма потребуется для выплаты им жалованья полностью: «всяких чинов» служилым людям — более 10 тыс. руб., рейтарам — более 11 тыс. руб., солдатам — более 9 тыс. руб., наконец, «начальным людям» обоих полков — более 4 тыс. руб.¹⁶⁶ Понимая, что рассчитывать на скорое получение таких астрономических сумм в полном объеме не придется, местные власти предлагали свой выход из положения — пустить в оборот еще сохранившиеся с прошлых лет запасы медной монеты (только в тобольской казне ее было на 92 тыс. руб.!), и даже известили о своем намерении Сибирский приказ, но ответа оттуда, судя по всему, так и не поступило¹⁶⁷.

Вряд ли центр пытался перевести снабжение сибирских полков в круг обязанностей тобольской казны. Скорее всего, у него также элементарно не хватало средств, учитывая значительные размеры общего годового жалованья рейтар и солдат, а также то, что власти должны были думать также о снабжении других подразделений гарнизона Тобольска.

В результате возникла парадоксальная ситуация: имея формально значительные оклады, рейтары и солдаты постоянно жаловались на свое бедственное материальное положение. И дело, конечно, было не только в перебоях с выплатой жалованья, но и в том, что они, в отличие от остальных

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 137–140.

¹⁶⁵ Там же. Л. 139.

¹⁶⁶ Там же. Л. 140–141.

¹⁶⁷ Там же. Л. 141–142. Впрочем, как раз в 60-е гг. XVII в. практика неполной выдачи жалованья в Сибири стала, в сущности, нормой (Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 115; Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 201–203).

служилых людей, не получали провиантского довольствия, а должны были «кормиться» за свой счет, а рейтары к тому же — покупать на свои средства лошадей. Последние, например, жаловались в декабре 1663 г., что «и на полное жалованье, на пятнатцать рублей, лошадей купить и на себя платья не на што»¹⁶⁸.

Нельзя сказать, что власти не пытались исправить ситуацию. В 1662 г. правительство по просьбе тобольских рейтар увеличило их годовые оклады до 20 руб., однако сомнительно, чтобы эта мера дала какой-то эффект. В то же время, как отметил Ф. И. Калинычев, были увеличены и солдатские оклады: «Указом от 7 июня 1660 г. оклад солдатского кормового жалованья был удвоен. Но это мероприятие отнюдь не означало улучшения материального положения солдат, так как оно было вызвано общими мероприятиями правительства по введению медных денег...»¹⁶⁹ К 1667 г. тобольские рейтары снова получали по 15 руб. В 1665 г. тобольский воевода кн. А. А. Голицын пытался упорядочить продовольственное снабжение сибирских полков, указав крестьянам продавать рейтарам и солдатам хлеб по фиксированной цене¹⁷⁰. По данным А. А. Кондрашенкова, крестьян обязывали продавать продукты по следующим ценам: 2 алтына¹⁷¹ за пуд ржи, 10 денег за пуд овса, 10 копеек за пуд крупы¹⁷². Эта мера чаще всего применялась правительством для обеспечения провиантом походных войск. Впрочем, бывало и так, что «правительство вынуждено было собирать со всех без исключения категорий населения «служилые хлебные запасы» (рожь, муку, сухари, толокно, крупы и т. п.)»¹⁷³, причем безвозмездно, в качестве своего рода государственной подати. Ф. И. Калинычев справедливо отмечал, что «это были своего рода реквизиции и конфискации, проводившиеся, главным образом, за счет крестьянского населения»¹⁷⁴. Однако на территории Сибири, насколько можно судить, до этого дело не доходило. Да и сами рейтары и солдаты искали выход из сложившейся ситуации, обращаясь к заведению собственных пашен¹⁷⁵.

Не лучше было положение и большей части офицеров, особенно низших чинов. Вообще, по своим служебным обязанностям и размерам жалованья унтер-офицеры (и часть обер-офицеров) были ближе скорее к рядовым, чем к офицерам более высокого ранга (ротмистрам, капитанам и вы-

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 173.

¹⁶⁹ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 125.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 21; ф. 1111, оп. 2, стб. 781, л. 9, 12, 22.

¹⁷¹ Алтын — денежная единица, равная 3 коп.

¹⁷² Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. 2. С. 171–172.

¹⁷³ Волков В. А. Указ. соч. С. 464.

¹⁷⁴ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 126.

¹⁷⁵ «И ис тех де рейтар и салдат... многие люди пашни на себя пахали...» (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 18).

ше). Так, в одной из челобитных, адресованных царю, тобольские сержанты, подпрапорщики и каптенармусы (36 человек во главе с Кузьмой Красноярным) жаловались на то, что их денежное содержание ничем не отличается от сумм, выделяемых рядовым солдатам, в то время как «на Москве, государи, в салдацких полках нашей братье, сержантом и подпрапорщиком и копиярмисом (каптенармусам. — *А. Д.*), ваше, великих государей, жалованье и корм дают не против рядовых салдат»¹⁷⁶. Указав на подобную несправедливость, унтер-офицеры добивались ее исправления, мотивируя свою просьбу тем, что «в Тоболску и одежду и обувь купят самою болшую дорогою ценою, а мы, холопи ваши, людишки бедные и незаводные и... тем вашим, великих государей, жалованьем прокормитца з женишки и з детишки, и одежду и обувь купить нечем»¹⁷⁷.

Действительно, обращаясь к цифрам, установленным для годовых и месячных окладов в сибирских полках (см. табл. 1, 2), обнаруживаем, что даже формально годовое жалованье, скажем, солдатского прапорщика было лишь в 3,5–4 раза выше, чем у рядового, тогда как оклад, например, капитана превышал оклад рядового почти в 10 раз. Аналогичная картина наблюдалась и у рейтар: при окладе рядового 15 руб. (какое-то время — 20 руб.) прапорщик получал 84 руб., а ротмистр — 156 руб. Если учесть, что выплачивались эти суммы полностью далеко не всегда, а круг обязанностей для этих чинов был очень широк, то такая служба оказывалась не слишком приятной. В упомянутой выше челобитной встречаются жалобы и на то, что «на ваши, государи, караулы ходим мы, холопи ваши, перед своею братьею, перед рядовыми салдаты, по три и по четыре очереди против одной, и для всякаго полкового дела полковник спрашивает безпрестанно»¹⁷⁸. Конечно, нельзя исключать и некоторой доли преувеличения, что вообще характерно для челобитных XVII в., но сам факт ее появления свидетельствует о неблагоприятии сложившегося положения.

С вооружением, правда, дело обстояло не столь плачевно. Уже с первых лет появления в России полков «нового строя» «каждому роду войска стал соответствовать определенный комплект оружия»¹⁷⁹. Попробуем кратко охарактеризовать основные разновидности ручного огнестрельного и холодного оружия, а также защитных доспехов, наиболее распространенных в ту эпоху. Как отмечают специалисты по истории русской армии, «XVII столетие ознаменовалось... широким внедрением ручного огнестрельного оружия во всех родах и видах войск»¹⁸⁰. Пищали и «самопалы»

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 477.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 120.

¹⁸⁰ Елифанов П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 265. «Все полки нового строя были вооружены огнестрельным оружием. Тяжелые пищали постепенно заменялись более удобными и дальнобойными муш-

прежних времен быстро сменялись европейским вооружением — мушкетами, карабинами и пистолетами. Впрочем, далеко не все они принадлежали к новейшим типам, особенно это касается устройства замков. В России XVII в. благополучно сосуществовали все три типа известных в то время замков: фитильные, колесцовые и ударно-кремневые, действовавшие с разной степенью эффективности.

Ружья и мушкеты с фитильным замком, как правило, оказывались на вооружении у стрелецкой пехоты и солдат. Пороховой заряд в них воспламенялся с помощью медленно тлевшего фитиля, пропитанного селитрой. Хранились заряды в деревянных или жестяных трубках, подвешенных к специальной перевязи (португее), именовавшейся «банделерой» и носившейся надетой через левое плечо. Впоследствии фитильный замок был дополнен спуском «жагрой» в виде рычага, опускавшегося вместе с фитилем при нажатии и воспламенявшего пороховую затравку. Устройство это было громоздким и имело множество недостатков: фитили гасли от сырости и ветра, замки часто давали осечки и были опасны в обращении¹⁸¹. Однако, будучи самым дешевым из всех возможных, оно было распространено в России вплоть до конца XVII столетия.

Колесцовым замком снабжались в основном ружья и пистолеты. Здесь фитиль был заменен кремнем: при нажатии на спуск начинало вращаться стальное колесо, высекая из кремня снап искр, воспламенявших порох. Карабинами и пистолетами подобного устройства охотно вооружались русские кавалеристы, поскольку такое оружие не требовало постоянной заботы о фитиле. Однако высокая стоимость таких механизмов приводила к тому, что предпочтение стали отдавать ударно-кремневному замку, вдобавок повышавшему скорострельность ружья (до 1 выстрела за 2 мин). Следует отметить интересную особенность — если в европейских ружьях курок при выстреле двигался от дула к казне, то в русских, наоборот, от казны к дулу¹⁸². Именно карабины и пистолеты с кремневыми замками как европейского, так и русского производства получили широкое распространение в русской армии XVII в.

Наиболее популярным видом холодного оружия в России в то время оставалась сабля. Саблями пользовались в ближнем рукопашном бою как пехотинцы, так и кавалеристы. Заметим, что русские воины сражались саблями не европейского, а восточного образца с несколько искривленным лезвием. Изгиб его достигал 9 см, общая длина клинка составляла, как пра-

кетами (в пехоте) и карабинами (в коннице)...» (*Чернов А. В.* Вооруженные силы. С. 451).

¹⁸¹ См.: *Волков В. А.* Указ. соч. С. 441–442. Иллюстрации см.: *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие: История развития со времен возникновения до введения бездымных порохов. СПб., 1994. С. 66–75.

¹⁸² Ср.: *Маркевич В. Е.* Указ. соч. С. 78–84, 91–97; *Волков В. А.* Указ. соч. С. 443–444.

вило, около 1 м. При этом конники предпочитали легкие сабли (персидского типа), а пехотинцам выдавали более тяжелые и широкие сабли турецкого образца¹⁸³. В XVII в. на вооружении в русской армии появились также шпаги и пики. Шпагами пытались заменить в войсках «нового строя» сабли, однако они, по-видимому, оказывались недолговечными, поскольку имели широкий, но короткий прямой и плоский клинок, часто ломавшийся. В рукопашном бою солдаты использовали также пики двух размеров: «списы малые» и «долгие» – разновидность колющего оружия с узким граненным наконечником¹⁸⁴.

Вооружение рейтар состояло из карабинов, пары пистолетов в седельных кобурах («ольстрах») и холодного оружия – сабель или шпаг, причем, как правило, оно было их собственным. В крайнем случае оружие продавалось им из казны по себестоимости или даже за половину цены¹⁸⁵. Солдатам же полагалось выдавать из казны мушкеты, пики и бердыши¹⁸⁶. Не были забыты и защитные доспехи. Все военнотружущие полков «нового строя» должны были иметь единообразные стальные кирасы и шлемы («шишаки»). При этом конструкция их была такой, чтобы не мешать, например, солдату брать на плечо мушкет, целиться и стрелять из него¹⁸⁷. Правда, стоимость полного комплекта обычно оказывалась по карману далеко не каждому, тем более в Сибири. Так что тобольские рейтары и солдаты больше полагались на свое, проверенное временем оружие, а не на доспехи.

Как отмечено выше, еще в 1660 г., из Москвы в Тобольск было отправлено 1 000 мушкетов, да и в следующие годы поставки оружия продолжались регулярно. Конечно, и в этом деле встречались накладки. Так,

¹⁸³ См.: Волков В. А. Указ. соч. С. 448–450.

¹⁸⁴ Там же. С. 452.

¹⁸⁵ Малов А. В. Конница нового строя... С. 123. «Уже ко второй половине 60-х гг. минимально необходимая «рейтарская служба» свелась к обеспечению их названным огнестрельным оружием с боеприпасами и деньгами для покупки лошадей» (Там же).

¹⁸⁶ Так описывают этот набор большинство исследователей (см.: Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Ист. зап. 1938. Вып. 4. С. 278–281; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 142–148; Епифанов П. П. Оружие. С. 271–283).

Бердыш – рубящее холодное оружие, в виде топора с широким лезвием в форме полумесяца на длинном древке (*Термины* и понятия военной истории Руси, России IX – начала XX века. СПб., 1998. С. 6).

Мушкет – ручное огнестрельное дульно-зарядное оружие с фитильным замком (калибр до 23 мм, дальность стрельбы 250 м) (Там же. С. 31).

Карабин – облегченная и укороченная разновидность мушкета, приспособленная для использования в конном строю (см.: Богоявленский С. К. Вооружение русских войск... С. 278–280).

¹⁸⁷ Волков В. А. Указ. соч. С. 457.

уже в первой партии присланных мушкетов было обнаружено 86 шт., у которых «жагры и ложи попорчены, а у иных мушкетов стволы раздуты»¹⁸⁸. Однако на протяжении 60-х гг. XVII в. сибирские полки были достаточно хорошо обеспечены оружием и боеприпасами. К их услугам были все запасы «порохового зелья» и оружия из тобольской казны, что было очень кстати, учитывая активное участие обоих полков в подавлении башкирского восстания 1662–1664 гг. Лошадей можно было покупать у торговцев с русскими в Западной Сибири калмыков¹⁸⁹. Централизованные поставки оружия предназначались в основном для тех, кто нигде не служил до поступления в рейтары или солдаты. Сами же служилые люди, записанные в сибирские полки, пользовались и собственным вооружением.

Неблагополучное материальное положение рейтар и солдат непосредственно влияло на уровень их дисциплины и боевой подготовки. Отписки тобольских воевод, касавшиеся положения дел в полках, постоянно содержали сообщения о том, что «многие служилые люди с вашии государевыи службы из слобод розбежалися». Приходилось организовывать поиски и настоящие облавы на дезертиров, которые, будучи пойманными, объясняли свои действия тем, что они «розбежались от большиеи скудости, для того, что им крестьяне и всяких чинов люди хлеба и конских кормов на медные деньги не продавали»¹⁹⁰. Если верить донесению солдатского поручика Ивана Иевлева, имел место даже такой примечательный случай, когда группу беглых солдат вывез с собой, направляясь из Тобольска в Москву, архиепископ Сибирский Симеон. Будучи на Соли Камской, И. Иевлев заметил в свите архиепископа 10 тобольских солдат, ранее дезертировавших со службы. Попытка обратиться к местному воеводе М. Голенищеву с требованием заключить беглецов в тюрьму успехом не увенчалась: воевода не пожелал ввязываться в это сомнительное дело, а Симеон якобы даже велел этим солдатам «убить ево, Ивана, насмерть»¹⁹¹. Дело доходило и до мародерства. В 1667 г. воевода П. И. Годунов отмечал, что «многие рейтары и салдаты со службы из слобод и из острогов бегают для хлебныеи скудости, и крестьяном от них в хлебной продаже налога и насильство»¹⁹².

Впрочем, подобные явления были характерны не только для сибирских полков. Исследователи отмечают достаточно низкую дисциплину, царившую и в войсках «нового строя», расквартированных в европейской части страны¹⁹³. К тому же зачастую пример своим подчиненным подавали командиры этих соединений, также не отличавшиеся законопослушным

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 630, л. 22.

¹⁸⁹ «Калмыки и ногайцы пригоняли в Тобольск целые табуны лошадей...» (Бунинский П. Н. Указ. соч. С. 139).

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 187.

¹⁹¹ Там же. Л. 117.

¹⁹² Там же. Стб. 100, л. 20.

¹⁹³ См., напр.: Военная история России. М., 2001. С. 145.

поведением. Известно, что в 1663 г. на Верхотурской таможне были задержаны люди полковника Д. Полуехтова, везшие ему из Москвы несколько бочек вина¹⁹⁴, а полуполковник В. Бланк обвинялся в 1664 г. в тайном винокурении¹⁹⁵. Пример же полуполковника А. Банка, нерадиво относившегося к своим обязанностям, мы уже приводили выше. Приходится констатировать, что в ряде случаев, как в ходе боевых действий, так и в повседневных делах, иностранные специалисты оказывались не на высоте положения, что также оказывало неблагоприятное влияние на состояние введенных им соединений.

Немало сохранилось свидетельств о том, что у отрядов тобольских полков складывались непростые отношения с местным населением. Проблемы возникали, главным образом, на почве продовольственного снабжения, о чем упоминалось выше, а также по вопросу о предоставлении крестьянами тем или иным офицерам и их подчиненным подвод. Например, в 1661 г. полковник В. Ф. фон Зейц и майор И. Волков обвинялись в «бесчинствах» против крестьян, якобы не желавших предоставить им подводы. Если верить жалобам приказчика Чусовской слободы, штаб-офицеры, прибыв туда, избивали старосту, ранили и изувечили до 30 человек среди крестьян, а также забрали более 100 подвод¹⁹⁶. А в 1663–1664 гг. крестьян обязывали предоставлять подводы целым отрядам войск, выступавшим в походы против «изменников»¹⁹⁷. Использовались они, как правило, для перевозки тяжелого вооружения, например мушкетов, поскольку «в походе мушкеты перевозили на подводах, по 50–60 ружей на каждой»¹⁹⁸. В отписках слободских приказчиков встречаются жалобы на «оскорбление» их тобольскими рейтарами и солдатами и на «насильства», чинимые ими по отношению к крестьянам¹⁹⁹. В 1666 г. крестьяне Ирбитской слободы Верхотурского уезда добились от властей разрешения продавать хлеб солдатам по свободной цене, не соблюдая ранее введенных на нее ограничений²⁰⁰.

Не очень хорошо обстояло дело и с боевой подготовкой. В XVII в. для рейтар и солдат едва ли не главным было умение вести залповый огонь с достаточно близкого расстояния. А если учесть, что одних только эволюций с мушкетом в известном руководстве Вальгаузена, русский перевод которого активно использовался в войсках «нового строя», насчитывалось

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 1111, оп. 1, стб. 157 (ч. 4), л. 67.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 128 (ч. 2), л. 331–333, 365.

¹⁹⁶ Шишонко В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 643–645; см. также: РГАДА. Ф. 1111, оп. 1, стб. 150 (ч. 1), л. 89–92.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1111, оп. 1, стб. 124 (ч. 1), л. 143; оп. 2, стб. 780, л. 2, 8, 11, 13, 14.

¹⁹⁸ Волков В. А. Указ. соч. С. 445.

¹⁹⁹ См., напр.: РГАДА. Ф. 1111, оп. 2, стб. 112, л. 26–32.

²⁰⁰ Там же. Оп. 1, стб. 160 (ч. 1), л. 20–21, 42.

чуть ли не полторы сотни²⁰¹, то вполне понятно, что овладеть искусством правильной стрельбы можно было лишь путем длительных и упорных тренировок. На офицеров из партии полковника В. Ф. фон Зейца и была возложена задача обучить сибирских служилых людей, зачисленных в полки, соответствующим маневрам и приемам боя. Судя по всему, эффективность такого обучения оказалась весьма сомнительной. В 1667 г. несколько офицеров (рейтарский поручик Дмитрий Чередов, служивший в Таре, и др.) сообщили вновь прибывшему воеводе П. И. Годунову, что «сполна ль де их (рейтар. – А. Д.) учили, того они не ведают, а чему они в Тоболску и учились, и то забыли, потому что де в слободах рейтаром и салдатом ученья не бывает»²⁰². Последняя фраза особенно характерна, поскольку свидетельствует о том, что даже в пограничных со степью острогах и слободах дело с систематической боевой подготовкой обстояло неблагоприятно. Да и времени на это, скорее всего, не было, поскольку уже с 1662 г. сибирским полкам пришлось принимать активное участие в боях с восставшими башкирами, и реальные боевые действия заменили собой военные «экзерциции».

Наконец, имеются свидетельства того, что и в отношениях командного состава с рядовыми также возникали проблемы. Например, в 1663 г. полуполковник Василий Бланк жаловался тобольскому воеводе, что «ево, Василья, головы и рейтары и русские служилые люди в ратном деле не слушают, и многие служилые люди... из слобод разбежались»²⁰³. Проводившаяся в 1667–1669 гг. воеводой П. И. Годуновым реформа вновь поставила на повестку дня задачу поднять уровень боеспособности сибирских войск, который согласно отпискам того же П. И. Годунова был неудовлетворительным. Подробнее этот вопрос рассматривается в гл. II.

Итак, приведенные данные позволяют установить, что применительно к любому из перечисленных выше аспектов мы не имеем возможности говорить даже об относительном благополучии положения рейтарских и солдатских соединений. Проблемы, сопровождавшие их повседневное существование, оказались довольно многочисленными, и, судя по всему, на протяжении 60-х гг. их решением не занимались ни центральное правительство, ни местная администрация. Только с приездом в Тобольск в 1667 г. нового воеводы стольника П. И. Годунова на эти проблемы было обращено внимание, результатом чего стали произведенные им радикальные преоб-

²⁰¹ См.: Волков В. А. Указ. соч. С. 470.

²⁰² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 21. Данные сведения составляют разительный контраст с положением дел в европейской части страны, где рейтар и солдат обучали стрельбе и стреловым приемам практически постоянно (см.: Калинин Ф. И. Указ. соч. С. 136–137). «Солдаты как в Москве, так и в пограничных городах обучались ежедневно...» (Там же. С. 136).

²⁰³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 663, л. 123.

разования сибирских войск «нового строя» (см. ниже). Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

***

В 50-х гг. XVII в., с началом войны Русского государства с Речью Посполитой за Украину, тенденция к замене старой поместной конницы новыми войсками европейского образца, обусловленная как военной необходимостью и фактором внешней угрозы, так и внутривосточными изменениями, возобладала в масштабах всей страны. Рано или поздно она должна была охватить и территорию Сибири, что и произошло с назначением тобольским воеводой кн. И. А. Хилкова в 1659 г. В рамках общегосударственных наборов 1658–1660 гг. ему было поручено сформировать на территории Тобольского разряда два полка «нового строя»: рейтарский и солдатский, по образцу, установленному для этих соединений на южных и северо-западных границах Европейской России. Если бы этот опыт оказался удачным, то можно было ожидать распространения его в дальнейшем и на другие сибирские территории. Вопросы же чисто военной целесообразности играли, скорее всего, подчиненную роль, хотя целиком сбрасывать их со счетов также нельзя.

Однако с началом формирования войск выяснилось, что правительство поставило перед тобольскими воеводами во многом непосильные задачи. Для успешного завершения наборов им пришлось пойти на значительные отступления от первоначальных планов. Эти отступления проявились прежде всего в социальном составе «новобранцев» сибирских полков и их внутренней структуре, не соответствовавших стандартам, принятым для этих войск в европейской части страны. Не были решены проблемы материального обеспечения этих соединений. Настоящим «камнем преткновения» стал вопрос о продовольственном обеспечении. Если представители всех остальных категорий русских служилых людей в Сибири обычно получали надбавку к денежному окладу хлебом и солью, то рейтары и солдаты были лишены ее и должны были сами, на свои деньги, добывать пропитание. Не помогали даже распоряжения воевод слободским крестьянам продавать хлеб по «указной», т. е. заниженной цене. Все это сказывалось на их боеспособности и уровне дисциплины.

Кроме того, рейтары и солдаты принципиально не вписывались в структуру сибирских служилых «городов», находясь вне традиционной служебной иерархии. Это объясняется не столько их отличием от прочих служилых людей как представителей «регулярной» армии, сколько тем, в какое положение по отношению к ним рейтары и солдаты изначально были поставлены. Воевода П. И. Годунов, в частности, отмечал, что рейтары «жалованье емлют большое, а службы служат с сибирскими служилыми

людьми неровные»²⁰⁴, т. е. несут даже меньшую нагрузку, чем, скажем, казаки или стрельцы. Конечно, подобное замечание могло быть сделано и для обоснования необходимости расформирования рейтарского полка, как того хотел П. И. Годунов, но какая-то доля истины здесь, безусловно, есть. С учетом того, что стрельцы, конные казаки и служилые татары участвовали в боях наравне с рейтарами и солдатами, столь заметная разница в их окладах жалованья (в пользу служивших в «регулярных» частях) оказывалась ничем не оправданной.

Таким образом, нет оснований утверждать, что появление указанных двух полков кардинально изменило оперативную обстановку на территории Западной Сибири. Оно не привело даже к какой-либо реорганизации гарнизона Тобольска, поскольку большинство соединений обоих полков стали лишь его частью, хотя и одной из наиболее многочисленных. Дислоцировавшиеся же на южных и северо-западных границах войска «нового строя» были способны заменить практически все ранее существовавшие на этих территориях воинские контингенты, частью принимая их личный состав в свои ряды, частью способствуя унификации еще сохранявшихся дворянских и стрелецких сотен. Кроме того, эти соединения с большим основанием можно причислять к регулярным воинским частям. Конечно, по ряду формальных признаков сибирские рейтары и солдаты также должны быть отнесены к регулярным войскам, однако по уровню организации данные полки не могли равняться с аналогичными полками в других регионах страны.

Отдельного описания заслуживает офицерский корпус указанных войск. Большую часть высшего командного состава составляли иностранные офицеры-инструкторы, прибывшие из Москвы. Почти все они служили здесь на контрактной основе, ссыльных «иноземцев» на службу в полки практически не брали. Офицеры же низших чинов набирались в основном из местных служилых людей, которые к концу 60-х гг. преобладали уже и на командных должностях, поскольку иностранные инструкторы к тому времени покинули Сибирь. Таким образом, и здесь имел место тот же процесс постепенной замены офицеров-иностранцев русскими, что и в войсках, расположенных в европейской части страны.

В целом попытку создания в Сибири полноценных войск «нового строя», имевшую место в начале 60-х гг. XVII в., можно признать не до конца удавшейся. Дело ограничилось лишь созданием двух полков (рейтарского и солдатского) на территории Тобольского уезда. Произошло это как вследствие недостаточной продуманности проводившихся мер, так и в силу специфических условий жизни и службы в Сибири, с которыми пришлось столкнуться в процессе реализации этой идеи. Возникшие проблемы, прежде всего проблему материального обеспечения, решить так и не

²⁰⁴ См., напр.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 47.

удалось. Такая ситуация способствовала лишь бегству со службы в этих войсках и поддержанию сравнительно невысокой (по сравнению с аналогичными соединениями в Европейской России) их боеспособности. Тем не менее сибирские полки сыграли довольно заметную роль в деле охраны и защиты южных границ русских владений в Западной Сибири, действуя против восставших башкир и сибирских татар. Эту роль нельзя абсолютизировать, но невозможно и отрицать наличие в активе этих полков некоторых успехов. Однако достигнутые результаты отнюдь не соответствовали первоначальным планам и затраченным на их осуществление средствам. Такой вывод можно сделать, давая общую оценку существованию сибирских войск «нового строя» на протяжении 60-х гг. XVII в. Именно эта ситуация послужила толчком для преобразований, развернутых с 1667 г. новым тобольским воеводой П. И. Годуновым. Они сыграли важную роль в эволюции интересующего нас феномена, поэтому рассмотрению их хода и результатов посвящена отдельная глава нашего исследования.

Глава II

СИБИРСКИЕ ВОЙСКА «НОВОГО СТРОЯ»

В 1667–1677 гг.:

РЕФОРМА ТОБОЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ

П. И. ГОДУНОВА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Военная реформа П. И. Годунова

В мае 1667 г. в Тобольск прибыл новый воевода – стольник Петр Иванович Годунов, чья реформаторская деятельность существенно повлияла на положение и статус войск «нового строя» в Сибири. Прежде чем перейти к анализу мероприятий П. И. Годунова, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать некоторые личные качества самого реформатора, поскольку они оказали существенное влияние на цели и методы проведения его реформы.

Жизнь и деятельность П. И. Годунова в бытность его тобольским воеводой довольно подробно описаны С. В. Бахрушиным, который уделил большое внимание всем его действиям на этом посту, а также дал оценку его деловым качествам¹. Возможно, исследователь несколько преувеличивал, считая П. И. Годунова предшественником «дельцов петровского времени»², однако несомненно то, что он всеми силами старался услужить царю и ради этого готов был взяться за любое, даже самое бесперспективное дело. Наверняка можно утверждать, что прибыл он на новое место службы с твердой решимостью принести казне столько прибыли, сколько будет возможно. С. В. Бахрушин предполагал, что, «отправляясь на воеводство в Тобольск, П. И. Годунов получил, помимо обычного содержания наказа, “приказ словесный” от государя, вероятно, при прощальной аудиенции, “чтоб ему лучшее к прибылям и пропалое все взыскивать”...»³

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 273–296.

² Подобной точки зрения придерживался и Г. В. Вернадский, назвавший П. И. Годунова «наиболее творческим и инициативным» из всех тобольских воевод XVII в. (см.: Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь; М., 1997. Ч. 2. С. 190).

³ Цит. по: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 276. О деятельности П. И. Годунова см. также: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сиби-

Все действия нового воеводы только подтверждали его стремление сократить расходы казны и повысить ее доходы. В тексте опубликованного недавно М. О. Акишиным черновика докладной выписки, составленной в августе 1668 г. в приказной избе Тобольска, мы находим замечательные слова П. И. Годунова о том, что при нем «ни одной такой статьи нет, в чем бы великим государем прибыли не чинилось и из окладу не умалялось, людем не тяжесно, а иным и в легкость»⁴. Последнее, впрочем, было откровенным вымыслом, однако воевода, домогаясь царской награды за свою деятельность, был готов идти даже на прямой обман. П. И. Годунову действительно удалось добиться очень значительного пополнения казны по сравнению с достижениями своих предшественников на воеводстве: за год с небольшим (с мая 1667 г.) он «учинил прибыли» более чем на 40 тыс. руб.⁵ Естественно, это стремление к экономии затронуло и военную сферу, особенно в отношении войск «нового строя».

Реорганизация войска, по мнению С. В. Бахрушина, изначально была главной целью П. И. Годунова. Однако, приступая к ней, он собирался решить еще ряд сопутствующих, но немаловажных задач. Одной из таких задач, конечно, было сокращение расходов на содержание обоих тобольских полков. Начал же он с того, что обратил внимание на плохое обучение рейтар и солдат, да и их «начальных людей» военному делу и «ратному строю». В частности, 21 июня 1667 г. воевода «допрашивал» в приказной избе капитана И. Иевлева, поручиков Д. Чередова и П. Буженинова, прапорщика Ф. Фефилова о том, «кем они учены, и совершенно ль учены, и в слободах они строем ли рейтар и салдат водят, и не забыли ль?» На это он получил совершенно обескураживающие ответы: «Учены де они... немного время, всего дни с три, и то через день, коли де им то ученье и помнить»⁶. Причины вполне понятны, о них упоминалось выше, так что офицеры с полной откровенностью заявили воеводе, что «в слободах де у них рейтарскому и солдатскому строю ученья не бывает, потому что бывают в слободах... рейтарам и солдатам караулы без престани; рейтары де и солдаты многие ученье забыли; новоповерстанные... строю не знают»⁷. Отмечали они и недостаток необходимого вооружения в полках.

ри в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 146–151; Вершинин Е. В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1989. № 3. С. 60–70; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 205–206.

⁴ Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII вв. / Авт. вступ. ст. и коммент., сост. М. О. Акишин. Новосибирск, 2000. С. 258.

⁵ См.: Там же. С. 257.

⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 367, л. 769–770.

⁷ Цит. по: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 277–278.

Волновало П. И. Годунова также бедственное материальное положение сибирских войск, в результате чего «многие рейтары и салдаты со службы из слобод и из острогов бегают для хлебные скудости, и крестьяном от них в хлебной продаже налога и насильство»⁸. Более того, воевода с изумлением обнаружил, что они «государевым жалованьем с ноября месяца (предыдущего 1666 г. – А. Д.) не пожалованы». Для исправления ситуации П. И. Годунов предложил следующую меру: «За кормовые денги дать в слободах хлебными запасы по сколку вы, великие государи, пожалуете»⁹. Еще не дождавшись ответа, он, судя по всему, попробовал реализовать это предложение (указав выдать рейтарам по четверти¹⁰ ржи и овса), чем спровоцировал конфликт с верхотурским воеводой И. Я. Колтовским, якобы запретившим слободским приказчикам выдавать хлеб соединениям тобольских ратных людей, дислоцированных на территории подведомственного ему уезда¹¹. Впрочем, выбирать в этой ситуации не приходилось, поскольку было ясно, что «жалованья им не дано и дать нечего, по приезде столника и воеводы Петра Ивановича Годунова по росписному списку денег ничего нет»¹².

Таким образом, П. И. Годунов уже в одной из первых своих отписок, поступившей в Москву в начале ноября 1667 г.¹³, обозначил все проблемы сибирских войск, накопившиеся за предшествующие годы, и тут же взялся за их решение. Тобольский воевода, по замечанию С. В. Бахрушина, «со свойственной ему энергией решился реорганизовать войска совершенно заново»¹⁴.

Еще в июне 1667 г. П. И. Годунов направил в Сибирский приказ свой план организации линии защитных укреплений: основываясь на составленной для него карте и показаниях местных уроженцев, хорошо знавших местность («по чертежу и по скаске знатцов»), на всем протяжении южной границы Западной Сибири он предлагал «построить засеку и вал и острожки, и проходу де воинским людем на слободы... отнюдь не будет»¹⁵. На протяжении всей этой линии по острогам должны были разместиться небольшие постоянные гарнизоны служилых людей, которые могли бы оказать первое сопротивление, а также известить основные силы тобольских

⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 20.

⁹ Там же. Стб. 801, л. 22.

¹⁰ Четверть – мера объема сыпучих тел, определявшаяся по их массе, равная приблизительно 64 кг.

¹¹ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 801, л. 23–25; стб. 788, л. 15. Содержание дела о конфликте воевод описано Н. Н. Оглоблиным: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4 ч. М., 1900. Ч. 3. С. 316–318.

¹² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 801, л. 17.

¹³ Там же. Л. 20–25.

¹⁴ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 278.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 22.

полков о приходе неприятеля: «Из тех деревень, где салдаты были от слобод в розных местех, поселить драгунов в одном месте у крепостей, где поделаны будут меж слобод и деревень крепости»¹⁶. Выше упоминалось о недостаточной мобильности, свойственной даже конным рейтарским ротам и объяснявшейся принципами их расквартирования: «А в слободах которые рейтары, и те бывают под знаменами не все, а живут тех слобод по розным деревням не помногу человек, где приходу чаять воинских людей»¹⁷. Ситуация, как видим, действительно требовала исправления. Кое-что из перечисленного выше было сделано («И тех мест послано высмотрить и сметить и описать»), но построить намечавшуюся линию (общей протяженностью почти 500 верст!) П. И. Годунов не успел¹⁸.

Не менее радикально подошел П. И. Годунов и к реформированию рейтарского и солдатского полков, решив реорганизовать их в один драгунский полк, оставив только несколько отборных рейтарских рот. Он придавал этой мере очень большое значение и убежденно доказывал, что «рейтар татарина догнать в поле строем не успеет... а драгун в походе конной, а пешей драгун салдат же», да и вообще, «в осаде и в посылках драгуны рейтар и салдат к татарскому бою прибыльнее»¹⁹. О резонансе подобных утверждений можно спорить, однако заметим, что армейская реформа начала XVIII в. подтвердила правоту этого суждения. Петр I пошел на формирование драгунской кавалерии, в чем был определенный смысл: драгуны могли драться и в конном, и в пешем строю. Это обстоятельство отмечалось и специалистами по отечественной военной истории: «На поле боя драгуны могли заменить и пехоту и конницу». Соответствующим образом подбирались и вооружение. Изначально драгунам выдавались тяжелые фитильные мушкеты, однако действовать ими в конном строю было затруднительно. Поэтому с середины XVII в. драгун «стали перевооружать мушкетами облегченного типа с замками... Обычное вооружение драгун состояло из мушкета и шпаги»²⁰. Именно так обстояло дело уже к концу 1660-х гг. В деятельности П. И. Годунова, как видим, прослеживается знание «хитростей ратного боя».

Однако неизбежно возникает вопрос: как оценивать эволюцию сибирских войск в данном направлении с точки зрения процесса подготовки русской армии к переводу на регулярную основу? Если следовать классиче-

¹⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ См.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 278; Колесников А. Д. Памятники военно-оборонительного искусства Сибири // Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986. С. 8.

¹⁹ Цит. по: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 278. См. также: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 24–25.

²⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 142.

ской доктрине военной истории, то соединения драгун (в отличие, скажем, от рейтар и солдат) не могут рассматриваться в качестве регулярных войск, ибо последние характеризуются четким делением по родам (пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные и др.)²¹. Части же, способные действовать как в конном, так и в пешем строю, не подпадают под указанную характеристику. Да и по социальному составу драгунские войска в составе русской армии XVII в. напоминали скорее ополчение милиционного типа, нежели собственно воинские соединения. Это относится как к драгунским частям на южных границах европейской части страны, так и к сибирским драгунам, как это показано ниже.

Впрочем, едва ли царь Алексей Михайлович и его советники преследовали цель непременно воспроизвести на российской почве структуры, свойственные регулярным армиям западных государств. Современный исследователь А. В. Малов выдвигает оригинальную точку зрения, квалифицируя воинские преобразования в России середины XVII в. как «попытку реализации макиавеллиевского проекта милиционной армии» и наряду с этим отмечая «стремление опереться на опыт организации... вооруженных сил Византии»²². Ясно, во всяком случае, что главной задачей московских государей было найти возможность постоянно содержать под ружьем достаточно многочисленную армию, способную устоять против любого потенциального противника. Поэтому в рядах полков «нового строя» могли вместе нести службу люди самого разного происхождения и социального положения. В этом отношении проект П. И. Годунова не слишком выделялся на общем фоне.

В принципе действия нового тобольского воеводы в отношении сибирских полков «нового строя» объясняются не только стремлением придать им характер некоторой универсальности. В 1667 г. завершилась, наконец, Андрусовским перемирием война Русского государства с Речью Посполитой за Украину. Это событие повлекло за собой и частичную реорганизацию армии, в том числе войск «нового строя», для приспособления их к условиям мирного времени. Так, после окончания войны правительство «начало очищать рейтарские полки от приборных и тяглых людей, переводя их в солдаты или в городскую службу. В результате указанных мероприятий... рейтарские полки снова превратились в дворянскую конницу нового строя»²³. Пытаясь решить задачу удешевления содержания армии, правительство пришло к мысли о том, чтобы вывести из состава рейтар-

²¹ Об этом см., напр.: Копылов И. А. От регулярных войск к регулярной армии. О дате создания Российской Армии // Воен.-ист. журн. 1999. № 1. С. 66.

²² Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отеч. история. 2006. № 1. С. 120.

²³ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 146.

ских полков всех неверстанных, т. е. не помещиков²⁴. Результат этих мер, как справедливо отметил А. В. Малов, оказался следующим: «В конце 1660 – начале 1670-х гг. рейтары стали сословно-служилой группой, занимающей определенное социальное положение в структуре “служилого рода”»²⁵, что и было зафиксировано путем внесения их в десятни. Пожалуй, можно согласиться с исследователем и в том отношении, что «в последней трети XVII в. рейтары заняли промежуточное положение между служилыми по отчеству и служилыми по прибору»²⁶. Как бы то ни было, подобные организационные изменения должны были сопровождаться масштабными «чистками рядов» рейтарских полков. В составе же полка тобольских рейтар, как сказано выше, были не только дети боярские, но также довольно много казаков «литовского списка», конных казаков, их родственников и т. д. Возможно, это обстоятельство и привело П. И. Годунова к мысли о необходимости проведения среди них «разбора» с целью формирования нескольких отборных рот, состав которых соответствовал бы требованиям правительства.

Однако важнейшим аспектом данных преобразований должен был стать, безусловно, финансовый. Можно только поражаться тому, с какой тщательностью дьяки Тобольской приказной избы высчитывали по заданию П. И. Годунова объем сэкономленных средств по отношению к каждому служебному чину и каждому воинскому званию. Кроме того, чтобы решить проблему хлебного снабжения, П. И. Годунов решил наделить будущих драгун пашнями, с которых они должны были кормиться, и расселить их именно вдоль уже упоминавшейся засечной черты. Планировалось при этом и сокращение их денежных окладов.

К началу преобразований в обоих тобольских полках числилось 696 рейтар и 844 солдата (только рядовых, без офицеров), не считая тех отрядов, которые стояли в других городах, в частности, в Таре и Тюмени. П. И. Годунов считал возможным набрать из них 1 200 драгун, оставив в Тобольске только две роты рейтар по 120 человек в каждой и по полуроте в Таре и Тюмени (всего, таким образом, три рейтарские роты). Формально эта процедура должна была иметь характер добровольной: «Которые тех чинов в драгунах быть не похотят, и тех розобрать в старые чины в меньшие оклады или хто в котором окладе был»²⁷. Что касается тех, кто «прибраны и переменены в рейтары и в салдаты гулящие и пашенных крестьян дети», то им было велено «быть по-прежнему... на новой тобольской подгородной

пашне во крестьянях, потому что лутчие люди многие после прибору... переменены гулящими людьми и пашенных крестьян детьми»²⁸.

Помимо рейтар и солдат в драгуны предполагалось набирать также «из гулящих и из охочих людей». При этом важно отметить, что после набора драгуны должны были «жить в тех слободах, хто в которой слободе прибран будет». Особо подчеркивалось, что жить они должны «домами своими», и на первый год им собирались выделить некоторую прибавку к жалованью, «на дворовое строенье». В последующие же годы решено было давать им кормовые деньги «с убавкою, потому что им даны будут пашни»²⁹. Иначе говоря, драгуны должны были стать «поселенными» и в значительной степени находиться на самообеспечении.

Внутренняя структура драгунского полка не должна была претерпеть изменений по сравнению с устройством предшествующих полков: то же деление на роты по 100 человек в каждой во главе с несколькими офицерами (по одному капитану, поручику, прапорщику и подпрапорщику). Всего офицерский корпус драгунского полка должен был насчитывать 52 человека: от полковника до квартирмейстера³⁰.

П. И. Годунов начал действовать сразу, не дожидаясь царского «милостивого слова» о судьбе своих проектов. Уже в начале 1668 г. он доносил в Москву о том, что «били челом государю в драгунской строй ис тобольских, ис тюменских, стрелцов и ис пеших казаков и из гулящих людей... и ис крестьян от семей, а не ис тягла, 274 человека», которых он, естественно, зачислил на службу. При этом он специально подчеркнул, что ни интересы казны, ни укомплектованность служилых гарнизонов на подведомственной ему территории не пострадают от подобной операции: «А ис которых чинов в драгуны били челом, и в те места приверстаны дети их и племянники и иные охочие люди, которым всем то любо, и изо всех чинов хотят жить на пашнях и бьют челом, а на их место много ж челобитчиков ис тех же чинов, и ни в которых чинех некоторые места порознь же не будут, и пашен не убудет»³¹.

Более того, воевода успел распорядиться, чтобы новоприборные драгуны сразу были «посланы в те ж слободы, где стоят рейтары и салдаты, селитца, и земли им дать велено». Судя по всему, в данном случае он руководствовался не только соображениями военной безопасности, но и заботой об устройстве новых слобод и вообще расширения сибирского земледелия³². Допуская вероятность отрицательной реакции Москвы на его

²⁴ См.: Малов А. В. Конница нового строя... С. 120.

²⁵ Там же. С. 123.

²⁶ Там же.

²⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 801, л. 3. Эти распоряжения воеводы цитирует также С. В. Бахрушин (см.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 279).

²⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 801, л. 3.

²⁹ Там же. Стб. 100, л. 24–25; стб. 801, л. 2. См. также: Титов А. А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 28–29.

³⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 26.

³¹ Там же. Л. 29.

³² Об этом см.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 279–281.

реформаторские инициативы в военном деле, П. И. Годунов, дабы подстраховаться, указывал: «А будет великий государь драгунскому строю в Сибири быть и не изволит, и те де новоприборные драгуны ныне из розных чинов били челом и заняли земли в слободах против беломесных казаков, и они готовы в службу з беломесными казаки или в салдаты и в рейтары, а пашенных крестьян дети в пашню, и великому государю и то будет в прибыль же, и домами прочны»³³.

Кроме того, П. И. Годунов организовал в нескольких пограничных острогах на территории соседних уездов (Тюменского и Тарского) постоянные гарнизоны из беломесных казаков³⁴. Этой мерой, судя по всему, он хотел пополнить ряды последних, значительно поредевшие в результате начавшихся наборов в драгунский полк. Правда, далеко не всегда беломесные казаки охотно шли в драгунскую службу. Сохранились свидетельства о конфликтах между слободскими приказчиками и присылаемыми из Тобольска офицерами в связи с насильственным взятием беломесных казаков в драгуны. Такая ситуация, например, имела место в Катайском остроге, где произошла ссора между приказчиком М. Тырковым и майором А. Фефиловым³⁵.

В своей деятельности П. И. Годунов использовал пример комарицких и олоонецких драгун (расквартированных на южных и северо-западных границах страны), которые набирались из крестьян, способных вести хозяйство для обеспечения собственных нужд. В. П. Загоровский подробно описывал процесс формирования подобных соединений, предназначенных для несения сторожевой пограничной службы, в частности, на Белгородской черте. На наш взгляд, он справедливо определял его как «милитаризацию местного крестьянского населения», заключающуюся в «отписке на государя крестьян и переводе их в положение приборных служилых людей»³⁶. Таким образом на протяжении 1646–1647 гг. были взяты на драгунскую службу все крестьяне Комарицкой волости Севского уезда. А. В. Чернов следующим образом охарактеризовал процедуру набора: «За крестьянами оставили их земельные участки и освободили от податей; с каждого двора на службу брали по человеку, что составило более 5 тыс. человек. Каждый драгун должен был иметь на службе верховую лошадь, пицаль, саблю и рогатину или топор и запасы для себя и лошади. Комарицкие драгуны были сформированы в три полка». Кроме того, отцы, братья, дети взятых на службу драгун «составляли резерв и вспомогательную (осадную, гарнизонную) вооруженную силу. Таким образом, все взрослое население волос-

³³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 29.

³⁴ См.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 279.

³⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 788, л. 47, 106–113.

³⁶ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 132.

ти было вооружено и привлечено к военной службе»³⁷. Это были своеобразные «военные поселения», жители которых могли совмещать военную службу с сельскохозяйственными занятиями. Они несли, главным образом, сторожевую пограничную службу, а на содержание их правительство не тратило ни копейки. Впрочем, по справедливому замечанию В. П. Загоровского, «их служба включала в себя фактически и стрелецкую и казачью службу в том виде, как понималась она тогда населением южных городов. Отличие заключалось лишь в ученье драгунскому строю, которое... не было очень обременительным»³⁸.

Практика службы «с пашни» была распространена и среди сибирских служилых людей. По данным Н. И. Никитина, примерно десятая часть всех тобольских служилых людей в описываемое время активно обрабатывала свои пашни. Правда, следует отметить, что с течением времени число таких служилых людей сокращалось, в первой половине XVII в. их доля в составе гарнизона Тобольска была в 2–2,5 раза больше³⁹. Можно сказать, что П. И. Годунов своими мерами попытался повернуть вспять процесс отхода сибирских служилых людей от сельскохозяйственных занятий, собираясь вновь перевести довольно большую их часть (не только тех, кто попал в тобольские полки) на службу «с пашни»⁴⁰. Бывшим рейтарам и солдатам, возвращавшимся в прежние чины, а также претендентам на «выбылые оклады» (т. е. на открывшиеся вакансии) воевода предлагал служить без хлебных окладов жалованья, взамен раздавая им новую тобольскую подгородную пашню⁴¹. Реорганизация тобольских полков оказывалась, таким образом, лишь частью его плана, предусматривавшего кардинальные изменения принципов военной службы в Сибири.

Однако указанные меры приближали сибирские войска «нового строя» к отживавшему варианту их устройства, ибо уже к 70–80-м гг. XVII в. драгун в составе русской армии почти не осталось. Эти войска принимали активное участие в русско-польской войне 1654–1667 гг. и понесли в ходе ее большие потери. Уцелевшие части постепенно переводились в полном составе в солдаты или в городовую службу. Объяснялось это тем, что, по справедливому замечанию А. В. Чернова, «по своему материальному положению драгуны... являлись хорошей вооруженной силой по месту своего жительства. Когда же правительство стало посылать драгун на службу в отдаленные города или включать их в походное войско,

³⁷ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 140.

³⁸ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 133.

³⁹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 165.

⁴⁰ «Этот принцип службы “с пашни”, вместо хлебного жалованья, Годунов проводил особенно настойчиво...» (Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 280).

⁴¹ См.: Там же.

драгунская служба стала... непосильной»⁴², поскольку в результате этой службы приходило в упадок их хозяйство. Кроме того, подобные соединения явно не вписывались в классические образцы европейских армий, соответствия которым пытались добиться ранее. Правда, С. В. Бахрушин отмечал, что «вооружение драгун было европейское: “мушкеты и банделеры” в прибавку к солдатским предполагалось выписать из Москвы», а в бой они должны были выезжать «под знаменем», т. е. правильным строем»⁴³. Но все эти особенности вполне укладываются в общие принципы формирования войск «иноземного строя» в России XVII в., значительно отличавшихся от западноевропейских. По своему же социально-имущественному статусу новый вариант сибирских полков был ближе именно к обычным категориям сибирских служилых людей, чем к войскам «нового строя».

Претворяя в жизнь свои планы, П. И. Годунов, как показал С. В. Бахрушин, действовал любыми способами, чтобы достичь поставленной цели. Когда по приказу из Москвы был организован «розыск» по делам П. И. Годунова, выяснилось, что он под угрозой различных наказаний и тюремного заключения заставлял рейтар и солдат писать на имя царя челобитные с просьбой перевести их в драгунскую службу, а потом представлял эти челобитные как свидетельство поддержки «снизу» своих начинаний⁴⁴. Даже от тех солдат, которые возвращались к стрелецкой и казачьей службе, воевода требовал «приносить челобитные и скаски за руками, что им служить... государеву службу в стрелцах и в пешех казачах с полухлебного оклада»⁴⁵. Кроме того, он вышел за пределы своих полномочий, когда начал верстать в драгуны ссыльных, «транзитом» проходивших через Тобольск. В результате в числе драгун оказались, например, стрельцы и пашенные крестьяне, сосланные в Илимский острог (всего около 30 человек). Из той же партии ссыльных два человека (бывшие дворовые люди окольного И. М. Милославского), Д. Дмитриев и А. Владимиров, были даже произведены в чины драгунских подпрапорщиков⁴⁶.

Довольно сложным является вопрос: откуда и из каких чинов «верстались» драгунские офицеры? Соответствующих сводных данных, как в случае с рейтарским и солдатским полками, не сохранилось. Имеющаяся документация показывает, что были возможны три варианта.

Во-первых, в драгунский полк с сохранением чинов перешла часть рейтарских и солдатских офицеров, например, майоры И. Волков и

А. Фефилов, капитаны П. Аншутин, М. Галасенин, Ф. Кошелев, Ф. Мокринский, С. Поляков, В. Тутолмин, прапорщик Д. Свицерский.

Во-вторых, комплект офицеров, в первую очередь унтер-офицеров, пополнился «верстанием» в эти чины рядовых рейтар.

В-третьих, офицеры производились в «посторонние лица» по усмотрению и распоряжению самого П. И. Годунова. Выше упоминались ссыльные Д. Дмитриев и А. Владимиров, ставшие подпрапорщиками. Позднее было выявлено еще несколько человек «со стороны» (капитан-поручик М. Голохвастов, поручики Г. Вороженец, И. Свашевский, прапорщики Ф. Линь, И. Нелидов, Т. Радилов), произведенных в офицеры П. И. Годуновым⁴⁷.

К сожалению, в документах отсутствует точное указание на то, кто стал командиром драгунского полка. Можно лишь сделать на этот счет предположение. В 1671 г. в Тобольск вернулся, уже в чине полковника, Иоганн Ремес, приехавший сюда в свое время вместе с Г. фон Эгератом, и в том же году из сибирской столицы был отпущен полковник Якуб Мейн⁴⁸. Не исключено, что И. Ремес заменил Я. Мейна в роли командира тобольских драгун. Еще один находившийся в Тобольске штаб-офицер, полковник Ульрих Сниттер, до своего отъезда оставался командиром тобольских рейтар и соответственно к драгунам отношения не имел⁴⁹.

Весьма существенными оказались перемены в материальном довольствии сибирских войск. Наряду с заметным сокращением окладов жалованья сибирских служилых людей П. И. Годунов урезал расходы на содержание полков как в абсолютном, так и в относительном исчислении. Достигнуто это было путем резкого уменьшения годового жалованья драгун по сравнению с рейтарами и солдатами. Драгунский годовой оклад составлял 5 руб. деньгами плюс 2,25 пуда соли (против 15 руб. рейтарского и 11 руб. солдатского оклада). Исключение было сделано только для первого года службы, в течение которого драгуны, по замыслу воеводы, должны были обзавестись на пожалованной им земле двором и хозяйством. На это им в дополнение к жалованью давалась «подмога» в размере 4 руб.⁵⁰

Соответствующим образом изменились и офицерские оклады, в результате чего общая сумма, положенная драгунским офицерам, оказалась на 4 тыс. руб. меньше, чем отпускавшаяся на содержание командного состава солдатского и рейтарского полков (табл. 3). Сокращение офицерских окладов П. И. Годунов опять же оправдывал тем, что они получали землю

⁴² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 140–141.

⁴³ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 278.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 866, л. 50–53.

⁴⁵ Там же. Л. 116.

⁴⁶ Там же. Оп. 1, кн. 367, л. 957–958; оп. 3, стб. 801, л. 137.

⁴⁷ Данные по: РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 6–45, 116–134; ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36–39, 119–128; стб. 1575, л. 13–20.

⁴⁸ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 31, 145; стб. 820, л. 132–145.

⁴⁹ Там же. Стб. 783, л. 204–220; стб. 1575, л. 13.

⁵⁰ Там же. Стб. 100, л. 22–24.

под пашни. В основном офицерский надел составлял от 9 до 24 десятин⁵¹, хотя штаб-офицеры получили значительно больше, например, полковник – 90 десятин, майор – 30⁵².

Таблица 3

Штатная численность и денежные оклады служащих драгунского полка (1668 г.)*

Чин	Численность, человек	Жалованье на одного человека, руб.	
		в месяц	в год
Полковник	1	15	180
Полуполковник	1	8	96
Майор	1	6	72
Капитан-поручик	1	5	60
Капитан	12	3	36
Поручик	11	2	24
Прапорщик	12	1,5	18
Подпрапорщик	12	1	12
Квартирмейстер	1	1	12
Рядовой	1 200	–	6 000
Всего	1 252	–	7 476

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 26.

В указанной выше работе С. В. Бахрушина приведены цифры, несколько отличающиеся от наших. Так, исследователь утверждал, что «рядовым драгунам платили деньгами 6 руб. в год», а отвод пашен производился по следующим расчетам: «нижним офицерским чинам от 3 до 8 десятин в поле, высшим от 9 до 30 десятин в поле»⁵³. Однако в изученных нами документах фигурируют именно годовые оклады в размере 5 руб., а при описании площадей пахотных земель, предназначенных драгунским офицерам, содержится одна важная оговорка. Например, полковнику велено отвести «под пашню земли по 30 десятин в поле, а в дву по тому же»⁵⁴. Данное выражение свидетельствует о том, что цифра в 30 десятин относится лишь к той части земли, которая будет использована в текущем году, а две других доли останутся «под паром», как это и было принято в рамках повсеместно распространенной на Руси трехпольной системы севооборота.

⁵¹ Десятина – мера земельной площади, равная 1,09 га.

⁵² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 26.

⁵³ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 279.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 26.

Вот почему содержащиеся в документах Сибирского приказа нормы распределения земельной площади следует (при наличии подобной оговорки) увеличивать в три раза.

Отметим, что установленные П. И. Годуновым оклады денежного жалованья для драгунских офицеров были в среднем в два раза меньше, чем это полагалось по штатному расписанию, принятому в то время для войск «нового строя», в частности для драгунских соединений. Например, в полках, дислоцировавшихся в Европейской России, оклад драгунского полковника составлял 30, а не 15 руб. в месяц, майора – 14 вместо 6 руб., поручика – 5, а не 2 руб. и т. д.⁵⁵ Подобную разницу вряд ли можно было полностью компенсировать наделением офицеров землей, ибо они, в отличие от рядовых драгун, не имели возможности вести на ней хозяйство своими силами без ущерба для служебных обязанностей.

Произошло уменьшение жалованья и у оставшихся на службе рейтар и их офицеров. Рядовые вместо 15 руб. стали получать по 12 руб. в год, обер-офицеры вместо 84–96 руб. – 24–36 руб., штаб-офицер (полуполковник) вместо 180 – 144 руб. Как жаловались сами рейтары, «Петр Годунов, изгнаючи их и хотя розорить, отнял у них государева жалованья по 3 рубли у человека и учинил только по 12 рублев, и им с 12 рублев государевы службы некоторыми мерами служить невозможно»⁵⁶.

В целом при предполагавшемся сохранении общей численности войск «нового строя» приблизительно на том же уровне (1 200 драгун и более 300 рейтар взамен около 1 500 солдат и рейтар) планировалась значительная экономия денежных средств. Если до реформы П. И. Годунова на содержание войск должно было расходоваться в год от 25 до 30 тыс. руб., то после нее – примерно 12,5 тыс. руб. Сам П. И. Годунов утверждал, что его преобразования позволили ежегодно экономить более 11 тыс. руб.⁵⁷ Но ему и этого было мало: в случае обработки драгунами дополнительных площадей пашен, сверх отведенных им по указу, он, судя по всему, собирался взимать с них в казну часть урожая в тех же пропорциях, что и с пашен служилых людей. Это намерение воеводы подтверждается следующим распоряжением: «Хто приищет земли больши, а станет ту землю пахать сверх указу, и с их лишней пашни иматъ пятинной хлеб, и то великим государем в прибыль же...»⁵⁸ Речь здесь идет о довольно распространенной во второй половине XVII в. практике взимания в казну от 10 до 20 % (как в данном случае) урожая хлеба, который сибирские служилые люди получали с заведенных ими собственных пашен. Н. И. Никитин отмечал, что «не-

⁵⁵ Ср.: Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 124.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 30.

⁵⁷ Там же. Л. 27.

⁵⁸ Там же. Стб. 801, л. 15.

которые из получавших хлебные оклады служилых заводили пашни, но не лишались при этом хлебного жалования, а лишь облагались со своей пахоты «выделным хлебом»⁵⁹. В отношении драгун, хлеба из казны не получавших, это правило также могло применяться для соблюдения установленных норм наделения их пашнями, чтобы казна могла извлекать свою выгоду из возможного расширения земельной площади, обрабатываемой ими для собственных нужд.

Ясно, что общий «доход» от подобных операций должен был оказаться весьма внушительным, и с точки зрения интересов государственной казны военная реформа П. И. Годунова была, несомненно, прибыльной. Однако непонятно, каким образом П. И. Годунов, еще более ухудшая материальное положение людей, состоявших на службе в полках «нового строя», собирался повышать боеспособность этих соединений. Заметим, кстати, что в своих «прожектах» он не уделил никакого внимания боевой подготовке драгун, в том числе проблеме обеспечения их лошадьми.

Процесс экономии казенных расходов, запущенный П. И. Годуновым, приобрел тотальный характер и затронул буквально всех служилых людей Тобольска. С. В. Бахрушин упоминает о том, что воевода не собирался останавливаться на достигнутом и в случае необходимости был готов продолжать сокращение окладов, заявляя: «Капитан де ныне станет служить и с 2 рублей, а поручик и с полторы рубли, а прапорщик и с 40 алтын»⁶⁰. Кроме того, он грозил, что если драгуны не будут нести никаких служб, то и жалования не получат⁶¹.

2. Результаты преобразований П. И. Годунова

Рассмотрев все «задумки» П. И. Годунова, перейдем к описанию их претворения в жизнь, а также к анализу результатов, которые принесли его преобразования. Сам воевода о своих достижениях особо не распространялся и оценки им не давал (во всяком случае, не сохранилось соответствующих свидетельств). Однако уже после его отъезда из Тобольска в 1670 г. была проведена ревизия тобольских полков, которая продемонстрировала состояние дел по итогам военной реформы П. И. Годунова. Результаты ревизии показали, что большинство заявленных планов были выполнены лишь отчасти, а некоторые и вовсе полностью провалились.

В штатное число 1 200 драгун удалось набрать всего 730 человек, сохранились также три роты рейтар общей численностью 398 человек (в том числе 14 офицеров и 24 музыканта ротных оркестров). Более того, оказалось, что рядовых рейтар и солдат среди попавших в драгуны, вопреки за-

явленным планам П. И. Годунова, было ничтожно мало. Например, из 696 рейтар свой статус сохранили только 360 человек, которые и составили упомянутые три роты, 171 человек был исключен из рейтарской службы, в том числе 52 человека попали в дети боярские, 38 – в «литовский список», 23 – в конные казаки, 16 – в «кречатьи помыкальщики», а 18 человек были посланы в Красноярск и Илимск⁶². Можно предположить, что все эти рейтары просто вернулись в состав соответствующих групп служилых людей, из которых в свое время они были взяты в рейтарский полк. Впрочем, нами был выявлен также ряд случаев, когда это правило не соблюдалось. Так, в состав детей боярских П. И. Годуновым были поверстаны более 10 человек, которые до службы в рейтарском полку числились по другим категориям («литва», конные казаки) или же вообще нигде не служили (сыновья тобольских детей боярских)⁶³. О судьбе еще 93 рейтар в материалах ревизии вообще ничего не сказано, но точно известно, что в драгуны они не попали.

Из солдатского полка в драгуны было зачислено всего 44 человека. Остальные вернулись в прежние чины или были поверстаны в служилые люди («в отцово место»). Из них одна часть (144 человека) оказалась в тобольских пещих казаках (еще 23 человека несли теперь стрелецкую службу), другие же были разосланы по разным сибирским городам (например, в Красноярск было послано 169 человек). Кроме того, небольшие группы бывших солдат можно было встретить в составе служилых гарнизонов Тары и Сургута (44 и 22 человека соответственно). Наконец, относительно 98 человек из-за отсутствия достоверных данных было просто сказано, что они «врознь розбрелись безвестно»⁶⁴.

Драгунский полк, как показала ревизия, комплектовался преимущественно людьми, не имевшими до этого никакого отношения к войскам «нового строя»: беломестными казаками (250 человек – из тобольских слобод, 72 – из слобод Верхотурского уезда), крестьянскими «детьми, братьями и племянниками» (193 человека), «гулящими людьми» (91 человек) и даже ссыльными (80 человек)⁶⁵.

Таким образом, произошло практически полное обновление личного состава основного контингента сибирских войск «нового строя». Очевидно, это было сделано по указке самого П. И. Годунова, который был заинтересован в том, чтобы драгуны служили «с пашни». Рейтары же и солдаты землями по большей части не располагали. Соответственно вполне логичным было комплектование полков беломестными казаками и крестьянами, уже имевшими землю. Однако пошло ли все это на пользу «регулярному

⁵⁹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 151.

⁶⁰ Цит. по: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 290.

⁶¹ Там же. С. 281.

⁶² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 34.

⁶³ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 12–71.

⁶⁴ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 40, 129–130.

⁶⁵ Там же. Л. 39–40, 128–129.

полку)? Ответ, конечно же, отрицательный. Во-первых, вновь набранные драгуны явно не были знакомы с принципами регулярного строя, да и вообще с военным делом (даже беломестные казаки были более крестьянами, чем служилыми людьми)⁶⁶. Во-вторых, обучать их военным «экзерцициям» явно не собирались. Почти всех офицеров-иностранцев П. И. Годунов сразу после прибытия в Тобольск отправил в Москву. Оставшийся здесь полковник У. Сниттер, который должен был выполнять роль инструктора как для рядовых, так и для офицеров, в одиночку справиться с такой задачей, разумеется, не мог. Наконец, в-третьих, бывших рейтар и солдат, обладавших хоть каким-то боевым опытом и военными навыками, в полку оказалось совсем немного. Все это, разумеется, не позволяет относить сибирских драгун к соединениям регулярных войск. Конечно, и в Европейской России драгунские полки комплектовались, главным образом, из крестьян (см. выше), но к ним все же посылали для обучения «начальных людей» и оружие (карабины и шпаги)⁶⁷. В Сибири же ничего подобного не наблюдалось. Приступая к формированию полка драгун, П. И. Годунов совершенно не заботился вопросами надлежащей организации его внутренней структуры, а также возможности повседневного выполнения им функций, свойственных армейским частям.

Еще одним непосредственным результатом мероприятий П. И. Годунова следует считать резко отрицательную реакцию на них тобольских служилых людей. Наблюдалось массовое дезертирство из драгунского полка: проверка 1670 г. выявила, что в строю реально находятся лишь 426 человек вместо 730, значившихся по спискам. Но, конечно, самым ярким проявлением недовольства реформой П. И. Годунова, прежде всего сокращением денежных окладов, стало выступление тобольских служилых людей весной 1668 г., которое чуть было не закончилось открытым бунтом⁶⁸.

Первый скандал разразился еще в феврале, когда воевода отказался выдавать служилым людям Тобольска их жалованье после прибытия из Москвы денежной казны. Судя по всему, он намеревался выдавать рейтарам и солдатам, еще не разверстаным по другим служебным категориям, значительно уменьшенные денежные оклады. Через полтора месяца у служилых лопнуло терпение, и прямо на двор к П. И. Годунову явилась боль-

⁶⁶ О беломестных казаках см., напр.: *Вершинин Е. В.* Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.*: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 52–58; *Пузанов В. Д.* Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 157–159.

⁶⁷ *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства... С. 139; *Загорский В. П.* Белгородская черта. С. 133.

⁶⁸ Эти события подробно описаны С. В. Бахрушиным (*Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... С. 291–294).

шая группа рейтар и солдат, требовавших немедленной выплаты им положенного жалованья «криком и шумом»⁶⁹. Самое активное участие в этих событиях приняли именно офицеры войск «нового строя», недовольные сокращением своих окладов после перевода из рейтарского полка в драгунский. Заводилами среди них выступали капитан М. Галасеин и его сослуживцы С. Поляков, Ф. Мокринский и И. Иевлев.

В мае 1668 г. М. Галасеин открыто жаловался, что он «поверстан к драгунам в чин низко, и государева жалованья учинен корм против прежнего вполю»⁷⁰. Вышеперечисленные офицеры, явившись в приказную избу, также потребовали от П. И. Годунова вернуть прежние оклады, утверждая, что он не имел права по своему усмотрению распоряжаться их жалованьем. Воевода задал жалобщикам прямой вопрос: готовы ли они служить офицерами в драгунском полку с установленными им окладами? Ответы последовали в том смысле, что они согласны нести эту службу даже без повышения в чинах, но требуют вернуть им прежние корма⁷¹. Сложилась, таким образом, тупиковая ситуация, из которой, впрочем, П. И. Годунов нашел выход: потребовал от всех служилых тобольского гарнизона принести ему письменные «сказки», подтверждающие, что они согласились на предложенные им новые условия службы «своею охотою, а не неволею» (см. выше).

Получив искомые подтверждения, свидетельствовавшие о лояльности значительной части гарнизона Тобольска, П. И. Годунов решил, что настало время проявить твердость, и обрушил на бунтовщиков репрессии. Были биты батогами, а затем сосланы в Красноярск И. Иевлев и брат М. Галасеина Иван. После этого, по-видимому, охотников выступать против воеводы уже не нашлось⁷². Однако недовольство П. И. Годуновым сохранялось. Когда в 1669 г. в Тобольск прибыл «сыщик» А. П. Акинфов, ему было подано множество челобитных представителями всех групп служилого населения Тобольска, просившими отменить преобразования П. И. Годунова⁷³.

Следует отметить, что не все офицеры тобольских полков относились к П. И. Годунову враждебно. Известно, что среди его приближенных, которым он особенно доверял, были рейтарский майор Л. Горчаков и капитан-поручик А. Пиров, обязанные лично воеводе своим возвышением. После смещения П. И. Годунова они также пострадали, лишившись своих чинов⁷⁴.

⁶⁹ *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... С. 291.

⁷⁰ См.: *Там же.* С. 291.

⁷¹ См.: *Там же.* С. 292.

⁷² *Там же.* С. 292–293.

⁷³ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 866, л. 41–84.

⁷⁴ *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда... С. 276. См. также: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 866, л. 49.

Впрочем, полностью реализовать все свои замыслы тобольскому воеводе было не суждено. В Москве с некоторым подозрением следили за его деятельностью, особенно после того как он лишил власти и вынудил отбыть в столицу летом 1668 г. своего «товарища» на воеводстве кн. Ф. Ф. Бельского⁷⁵. Летом 1669 г. из Москвы в Тобольск для расследования «прибылей» П. И. Годунова был послан «сыщик» А. П. Акинфов, наделенный весьма широкими полномочиями. Ему предписывалось сразу же по прибытии отстранить П. И. Годунова от всех дел, отправить его в Москву, взять управление городом в свои руки, а также начать расследование жалоб, ранее поступивших на воеводу⁷⁶.

А. П. Акинфов прибыл в Тобольск 5 сентября 1669 г. и сразу, как уже было указано выше, столкнулся с большим количеством жалоб и челобитных. Сам он разбирать их не рискнул, а предпочел отправить нескольких челобитчиков в Москву. Вместе с тем отменять сделанное П. И. Годуновым без санкции сверху он не стал, а кое-что даже пытался продолжить. В частности, обнаружив, что «по справке де с Петровою книгою Годунова, которую он оставил в Тобольску, написано в рейтары 180 человек, а недобрано 55 человек», А. П. Акинфов отправил в Тюмень майора Л. Горчакова, который должен был «разобрать» тамошнюю роту рейтар и перевести часть из них в драгуны, чего не успел сделать П. И. Годунов: «Рейтар розобрать против приговору Петра Годунова, и учинить рейтар 60 человек, а достальным рейтаром быть в драгунех»⁷⁷. Рейтары же, несшие службу в Таре, так и остались «неросписаны».

В начале 1670 г. в Москву отправилась делегация тобольских служилых людей во главе с сыном боярским А. Ушаковым, которая в июне подала в Сибирский приказ многочисленные челобитные на имя царя. Одновременно из Москвы в Тобольск прибыл князь Иван Борисович Репнин, который вступил в должность тобольского воеводы. По словам С. В. Бахрушина, «в Москве все требования служилых людей были удовлетворены целиком, и все мероприятия Годунова, касавшиеся военного дела, были отменены: прежние оклады восстанавливались, и желающим предоставлялось вернуться в тот чин, в каком кто был до приезда П. И. Годунова»⁷⁸. Данное утверждение нуждается, однако, в корректировке. Дело в том, что если в отношении представителей большинства «иррегулярных» групп служилого населения все действительно было воз-

⁷⁵ См.: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 293–294.

⁷⁶ Там же. С. 295.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 33.

⁷⁸ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 295. Подробнее об этом см.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 866, л. 104–124. Подобной точки зрения придерживаются и современные исследователи: «Мирские челобитные успешно аннулировались вроде бы крайне выгодные для государственной казны годуновские мероприятия...» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 206).

вращено «на круги своя», то применительно к соединениям сибирских войск «нового строя» никакой отмены нововведений П. И. Годунова так и не последовало. Восстановить солдатский полк, например, даже не пытались, равно как и прежние оклады жалованья. Драгунский полк сохранялся. В изученных нами документах подробно описана деятельность новой тобольской администрации, в частности те меры, которые были предприняты преемниками П. И. Годунова в отношении сибирских войск «нового строя».

Князь И. Б. Репнин, понимая всю сложность дел, переданных ему сыщиком А. П. Акинфовым, решил, видимо, не торопить события. После прибытия в Тобольск летом 1670 г. он отменил перевод оставшихся рейтар в драгуны, решив сохранить их как самостоятельную боевую единицу. Кроме того, он отправил в слободы Тобольского уезда письменного голову С. Блудова, дав ему задание составить «роспись» драгун по всем слободам. 30 августа 1670 г. С. Блудов вернулся в Тобольск и подал воеводе роспись, которую затем переслали в Москву⁷⁹. Однако в центре, судя по всему, решили не заниматься этими вопросами и переложить выполнение решений, принятых по челобитным служилых людей, исключительно на местную администрацию (если, конечно, вообще собирались их выполнять). Во всяком случае, в известных нам отписках новой тобольской администрации нет даже намека на отчет о выполнении каких-либо требований со стороны правительства. Наглядным подтверждением этого служат события, происходившие в дальнейшем с уцелевшими после реформы П. И. Годунова рейтарами.

Уже в 1670 г. тобольские рейтары били челом царю о возвращении им их прежних окладов (15 руб. в год), отнятых П. И. Годуновым. В царской грамоте от 15 ноября 1670 г., отправленной кн. И. Б. Репнину в Тобольск, о принятом на этот счет решении сказано следующее: «Велено в рейтарех быть тем служилым людям, бес которых быть не мочно, а денежное жалованье давать им, рейтаром, по окладом по-прежнему тем, которые бывают на службах беспрестанно, по 15 рублей человеку на год. А которые рейтары бывают на службах временно, и тем давать жалованье по рассмотрению, смотреть по их службе. А которые люди взяты в рейтары и в салдаты с пашен и из оброчных крестьян, а без них будет быть мочно, и им быть по-прежнему, откуда кто взят...»⁸⁰

Тобольский воевода попытался избежать возложенной на него ответственности и в своей отписке от 3 января 1671 г. попросил «рейтаром в Тобольску и на Тюмени и на Таре быть ли, и скольким ротам, и кому их учить, о том бы им великого государя указ учинить»⁸¹. В данном случае

⁷⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 35–42.

⁸⁰ Там же. Л. 30.

⁸¹ Там же. Л. 33.

его интересовали прежде всего соображения военно-стратегического характера, поскольку, как он отметил, «будет рейтаром на Тюмени и на Таре быть по полуроте (чего добивался П. И. Годунов. — А. Д.), и в том государеве казне будет напрасна потеря, потому что жалованье им дают по вся годы безпереводно, а в приход де воинских людей теми людьми оборонитца некем», потому что «ис Тоболска де на Тару за дальним путем, а на Тюмени и в слободы летним путем и за болшими реками вскорее помочь чинить не мочно... а слободам де помогать с Тюмени ближе»⁸². Однако формулировки ответного царского указа оказались настолько расплывчатыми и двусмысленными, что тобольскому воеводе пришлось решать возникшую проблему, опираясь исключительно на собственные возможности.

Дословно в указе было сказано следующее: «Которые служилые люди взяты в рейтары и в салдаты из детей боярских и из ыных чинов, а они будут бить челом... в прежние свои чины, и тем служилым людям быть в прежних чинах и окладах, а в рейтарех и в салдатех велено быть тем, без которых быть не мочно»⁸³. Складывается впечатление, что в Москве уже успели забыть о расформировании солдатского полка и значительном сокращении штатов рейтарских рот, которые уже осуществил П. И. Годунов. Можно предположить, что власти, подозревая вынужденный, а не добровольный характер этих действий (с точки зрения самих служилых людей), собирались предоставить последним право выбора: продолжать полковую службу или остаться в тех чинах, куда их успел разверстать П. И. Годунов. Но уже на следующих страницах изученного документа предлагается иная программа: бывшим рейтарам, ныне числящимся среди детей боярских, велено «быть по верстанью столника и воеводы Петра Годунова в детех же боярских»⁸⁴. Аналогичное предписание касалось людей, попавших из рейтар в ряды «литвы» и конных казаков. Мотивировка излагалась предельно откровенно: если «из литвы и ис конных казаков написать их в рейтары, и в оклад государева денежного жалованья прибудет много, потому что рейтаром жалованье болшое, а давать в Тоболску нечево, денежной казны мало»⁸⁵.

Получив довольно противоречивые указания, кн. И. Б. Репнин поначалу решил восстановить рейтар в качестве самостоятельного соединения. Им была выдвинута следующая идея: организовать 7 рот рейтар по 72 человека в каждой (а в головной тобольской — 100 человек) и распределить их по главным городам Тобольского разряда: в Тобольске, Тюмени и Таре, т. е. там, где они размещались и ранее⁸⁶. Для этого требовалось вернуть в

рейтарскую службу большую часть тех, кого ранее отправил в отставку П. И. Годунов, да еще произвести в обер-офицерские чины 11 человек, дабы заполнить все вакансии. Однако программа эта оказалась невыполнимой, прежде всего из-за финансовых проблем. Сам воевода признался, что «не отписався де к великому государю об указе, прибавочным начальным человеком и рейтаром быть они не велели для того, что государева денежного жалованья давать им нечего»⁸⁷.

В итоге И. Б. Репнин не только не вернул рейтарам их прежние оклады, но и вообще прекратил им выплаты жалованья, оправдываясь тем, что денег в тобольской казне на это нет. Впрочем, к рейтарским офицерам воевода не рискнул применить подобные меры, пойдя лишь на пересчет их окладов. В частности, было принято решение выдавать всем чинам, от майора до прапорщика, лишь третью часть положенных им по штатному расписанию 1660 г. сумм годового жалованья. По сравнению с окладами, установленными для этих чинов П. И. Годуновым, произошло еще более заметное их уменьшение!⁸⁸

В своей отписке царю от 25 октября 1671 г. кн. И. Б. Репнин подробно описал все свои действия, перечисленные выше. В отписке даже выражалась надежда на то, что «укажет великий государь рейтар в Тоболску, на Тюмени, на Таре отставить, а написать их с литвою и с конными казаки и с новокрещены в список, и в том служилым людям в службе будет уравниение и легость, потому что рейтары емлют жалованье болшое, а службы служат с сибирскими служилыми людьми неровные»⁸⁹. Там же говорилось и о том, что рейтары «бьют челом великому государю, а им, боярину и воеводам, говорят з болшою доукою, чтоб им давать государева жалованья по 15 рублев»⁹⁰. Однако требования эти оставались без внимания.

Произведя несложные арифметические подсчеты, тобольский воевода убедился, что пребывание бывших рейтар в рядах «литвы» и казаков позволяет казне ежегодно экономить от 2 до 2,5 тыс. руб.⁹¹ В случае же возвращения этих людей в полк рейтар местный бюджет понесет значительный ущерб. Значительно более выгодным решением представлялось кн. И. Б. Репнину не выплачивать эти деньги рейтарам, а употребить их на жалованье драгунскому полку, численность которого он планировал довести до необходимой цифры в 1 000 человек. Расходы же по «хлебной» и «соляной» статьям воеводе не смущали: он был уверен, что «того де окладу сполна давать не доведетца, потому что де за многими рейтары есть

⁸² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 33.

⁸³ Там же. Оп. 1, кн. 511, л. 12.

⁸⁴ Там же. Л. 14–15.

⁸⁵ Там же. Л. 16.

⁸⁶ Там же. Л. 45–47.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 47.

⁸⁸ Там же. Л. 42–43.

⁸⁹ Там же. Л. 47.

⁹⁰ Там же. Л. 52.

⁹¹ См.: Там же. Л. 47–49.

земли, и им де доведетца служить с пашни против иных сибирских служилых людей»⁹².

В следующей своей отписке, датированной 9 января 1672 г., И. Б. Репнин перечислил все верстания и переводы рейтар из чина в чин, произведенные П. И. Годуновым, которые ему удалось обнаружить в ходе произведенного «разбора». Его результаты свидетельствовали о том, что воевода согласился с предложениями центральной власти относительно бывших рейтар, отправленных в отставку (см. выше). Уже не помышляя о реализации своих масштабных замыслов по восстановлению рейтарского контингента, кн. И. Б. Репнин предпочел, несмотря на все жалобы служилых людей, оставить в силе меры, предпринятые его предшественником. Таким образом, люди, переведенные П. И. Годуновым из состава рейтарского полка в дети боярские, «литву», конные казаки и другие «иррегулярные» категории служилых, так и не вернулись на полковую службу.

Судьбу сохранившихся рейтарских рот воевода решил следующим образом: «Рейтаром в рейтарех велели быть для того, что они до рейтарства ни в какой чин не верстаны, а ныне выбылых окладов нет». Относительно же причин такого решения (сохранить статус-кво) повторялась уже известная нам формулировка: «В оклад государева денежного жалованья прибует много, потому что рейтаром жалованье большое, а давать в Тоболеск нечего, денежной казны мало»⁹³. Таким образом, единственным результатом всех действий кн. И. Б. Репнина было лишь сохранение сложившейся ранее ситуации, характеризовавшейся незначительной численностью рейтар на территории Тобольского разряда, утратой ими своей прежней организационной структуры и статуса полноценного армейского полкового соединения, а также потерей своего значения в качестве боевой силы. Таким образом, в отношении сибирских рейтар преобразования П. И. Годунова не только не были отменены, но и сохранились практически в неизменном виде.

Подобная эволюция контингента сибирских рейтар вполне объяснима с учетом тех мер, которые были предприняты в отношении рейтарских и солдатских полков после окончания русско-польской войны в 1667 г. (см. выше). Все они были направлены на унификацию их внутренней организации, личного состава и мест дислокации. На юге европейской части страны, например, была предложена целая схема четкого территориального распределения этих соединений в рамках Белгородского разряда, которая «отражала географические особенности расселения различных социальных групп из числа мелких служилых людей полковой службы». Согласно ей, в частности, «большая часть... рейтарских полков располагалась севернее укрепленной линии, там, где проживало больше дворян и первостатейных

детей боярских, записанных в копейщики и рейтары»⁹⁴. Кроме того, осуществлялось их переформирование, так «чтобы в каждом из рейтарских и солдатских полков служили люди одного уезда», хотя этот принцип «в полной мере соблюсти не удалось»⁹⁵. Но достижение подобных результатов в отношении тобольских рейтар было невозможно, поскольку они не укладывались в такую схему как по своему социальному составу, так и по местам несения службы. Отступления от нее, допускавшиеся в конце 50-х гг., когда сибирский полк рейтар только формировался, в конце 60-х гг. были уже неприемлемы, что и предопределило его судьбу.

С драгунами после отставки П. И. Годунова дело обстояло еще сложнее. Посланный к ним летом 1670 г. из Тобольска письменный голова С. Блюдов добросовестно переписал драгун в каждой слободе, после чего выяснилось следующее. Из 730 человек, набранных при П. И. Годунове, на службе осталось лишь чуть более 400, остальные сбежали⁹⁶. Затем С. Блюдов был послан в объезд по городам Тобольского разряда «для переписки всяких чинов охочих людей в драгуны», которых набралось 579 человек. Правда, поверстать их в драгуны своей властью тобольский воевода не решился, изложив причину этого в уже известной отписке от 25 октября 1671 г.: «И тем людем до указа великого государя в драгунех быть не велено, потому что в государеве грамоте в Тоболеск... писано, которые де люди взяты в рейтары и в салдаты с пашен и из оброчных сел, а без них будет быть мочно, и им по-прежнему быть, кто откуда взят»⁹⁷.

О социальном происхождении отобранных кандидатов С. Блюдов представил воеводе следующие сведения: «Из стрелецких детей и братьи 144 человека, 38 человек посадских людей, детей их и крестьянских детей же 384 человека»⁹⁸. Отсюда следует, что среди них преобладали дети стрельцов, посадских людей и даже крестьян, что, естественно, не укладывалось в уже взятый правительством курс на очистку сибирского служилого сословия от выходцев «из тягла». Таким образом, довести численность драгун до нужной цифры за их счет оказалось невозможно. В тобольском же перечневом списке 1672 г. численность драгун определена в 524 человека, т. е. пополнение оказалось весьма незначительным⁹⁹. Более детально расположение драгун на территории Тобольского уезда представлено ниже.

Что касается бывших солдат, попавших в стрельцы и пехотные казаки, как еще одного возможного источника пополнения, то от подобной идеи отказались довольно быстро. Не говоря уже о технической невозможности

⁹⁴ Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 33–34.

⁹⁵ Там же. С. 34–35.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 119–144.

⁹⁷ Там же. Л. 49.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Оп. 1, кн. 568, л. 3; оп. 3, стб. 100, л. 84–85.

⁹² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 49.

⁹³ Там же. Л. 51–52.

восстановить полк тобольских солдат в прежнем виде, сами стрельцы и казаки, ранее несшие солдатскую службу, также не были в восторге от подобной перспективы. В сохранившихся документах Сибирского приказа имеются свидетельства о том, что они «били челом великому государю на Москве... чтоб великий государь пожаловал их, велел им быть в стрелцах и в пешех казаках з денежным и с хлебным и соляным полным жалованьем»¹⁰⁰. Мотивировали они свою просьбу тем, что «казацья де служба перед салдацкою прибыльнее!» И это несмотря на то, что, как признавали сами челобитчики, «казаку государева жалованья на год по 4 рубли с четвертью, по 2 пуда соли человеку (не забудем и о хлебных окладах. — А. Д.), а салдату 10 рублиев 20 алтын в год»¹⁰¹. Однако опыт предыдущих лет, когда рядовые рейтары и солдаты испытывали серьезные затруднения с приобретением пропитания, поскольку несли службу без «казенного довольствия», оказался, видимо, настолько поучительным, что повторять его желающих уже не находилось. Власти сочли возможным пойти бывшим солдатам навстречу в этом вопросе, так что по их челобитным было вынесено следующее решение: «И тем де стрелцом и пешим казаком опричь тех, которые из гулящих людей, до государева указа велели быть в стрелцах и в пешех казаках против государевы грамоты с полными хлебными окладами против их братья»¹⁰². Впрочем, им вернули ту часть хлебных окладов, которой они лишились по воле П. И. Годунова. Напомним, что тот заставлял их приносить «челобитные и сказки за руками» о своем желании служить «без полу и без трети хлебных окладов». И в этом случае кн. И. Б. Репнин почти ничего не изменил в принятых ранее решениях, обосновывая свою позицию заботой о том, «чтоб стрельцов и казаков не умалить... да и для того, что те люди в Тоболску живут домами, а толко их перевести в драгуны на Исеть в острожки, и им от того будет в домовом строенье большое оскорбление»¹⁰³.

Возможность обратного перевода драгун в солдаты также была отвергнута. Несмотря на то что согласно принятым центральной властью решениям пострадавшие от реформ П. И. Годунова служилые могли требовать возвращения своих прежних чинов и окладов¹⁰⁴, в данном случае этого не произошло. Воевода указывал, что «построены они (драгуны. — А. Д.) в острожках от приходу воинских людей, а велено им служить без хлебного жалованья с пашен, а денежного жалованья оклад им учинен денег по 5 рублиев человеку». Перевести же их вновь в солдаты он не велел,

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 53.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. Л. 55.

¹⁰³ Там же. Л. 53.

¹⁰⁴ Сам кн. И. Б. Репнин признавал, что «в государеве грамоте писано, велено быть служивым людям в старых чинах, как они были до Петра Годунова».

прежде всего по финансовым соображениям. В его отписке от 9 января 1672 г. прямо говорилось о том, что «вместо того денежного жалованья за умаленьем денежные казны велено им дать... солью, и хормятца де они с одной пашни и работою своею, и без денежного жалованья многие терпят великую нужу, а иные домами завелись и пашни почали пахать немалые. А только их взять в Тоболеск в салдаты, и в том им будет разоренье, а в салдатех им в Тоболску без корму быть не мочно, а давати нечего»¹⁰⁵. Таким образом, в сибирских условиях оказались неприменимы те меры, которые использовались в отношении драгунских соединений в Европейской России, после 1667 г. переформировывавшихся в основном в солдатские полки¹⁰⁶. Положение этих частей подробнее охарактеризовано нами ниже. Пока же можно констатировать, что и в этом случае тобольскому воеводе пришлось пойти на сохранение положения, сложившегося в результате деятельности его предшественника, ничего при этом не меняя.

3. Войска «нового строя» в 70-х гг. XVII в.

Выясним, что представляли собой сибирские войска «нового строя» на протяжении 1670-х гг. Это позволит, с одной стороны, сформулировать те долговременные последствия, к которым привели незавершенные реформы П. И. Годунова, с другой — показать те причины, которыми были обусловлены последующие мероприятия правительства царя Федора Алексеевича, направленные на реорганизацию этих соединений. Проведение ее в отношении сибирских войск «нового строя» (как показано ниже) диктовалось настоятельной необходимостью.

В 1671 г. всего сибирских рейтар насчитывалось 346 человек (рядовых, не считая офицеров), которые распределялись следующим образом: в Тобольске — 188 человек, в Таре — 98, в Тюмени — 60 человек (не считая тех, кто формально был зачислен в драгуны, но фактически продолжал рейтарскую службу, таковых насчитывалось 72 человека)¹⁰⁷. Рейтарских офицеров во всех городах было всего 10 человек, и их можно даже перечислить поименно. Командиром рейтар в Тобольске официально считался прибывший из Москвы 1 февраля 1671 г. полковник Иоганн Ремес, назначенный командиром рейтар вместо уже известного нам У. Сниттера¹⁰⁸. Согласно сохранившимся документам И. Ремес, уже приезжавший ранее в Сибирь полуполковником в составе партии Г. фон Эгерата, был послан сюда «на вечную службу», получив повышение в чине.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 53–54.

¹⁰⁶ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 140–142; Загорюцкий В. П. Изюмская черта. С. 32–33.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 46–48.

¹⁰⁸ Там же. Л. 145–146.

Под началом И. Ремеса состояли в Тобольске еще 5 офицеров. Среди них следует назвать майора Льва Горчакова, до 1667 г. служившего солдатским капитаном на Тюмени, а затем вызванного П. И. Годуновым в Тобольск и получившего новое назначение в ряды рейтарского контингента¹⁰⁹. Произведенный П. И. Годуновым из рейтарских прапорщиков в капитаны Василий Тутолмин был еще раз повышен в чине: по приказу кн. И. Б. Репнина он сменил в звании капитан-поручика Матвея Голохвастова, поверстанного П. И. Годуновым из ссыльных¹¹⁰. Мы находим здесь также имена прапорщиков Франца Видмана, Михаила Рындина и Бориса Струнина. Первый приехал из Москвы вместе с полковником И. Ремесом, как и он, будучи отправленным в Сибирь «на вечную службу»¹¹¹. Двое других были произведены в офицеры при П. И. Годунове в 1668 г.: М. Рындин — из рядовых рейтар, Б. Струнин — из неверстаных детей боярских¹¹².

Рейтарским контингентом, дислоцированным в Таре, командовал ротмистр Дмитрий Чередов. В 1668 г. он был произведен П. И. Годуновым в этот чин из рейтарских поручиков¹¹³. Кроме него в этом городе несли службу также поручик Андрей Камынин и прапорщик Дмитрий Свидерский. А. Камынин начинал свою карьеру в чине солдатского прапорщика, в 1668 г. получив от П. И. Годунова повышение до поручика и перевод к рейтарам¹¹⁴. Д. Свидерский был в числе кандидатов на офицерские должности в драгунском полку, но так и остался рейтарским прапорщиком¹¹⁵. Тюменскими рейтарами командовал поручик Иван Текутьев. Еще в 1666 г. он был произведен из рядовых рейтар в прапорщики (вместо своего брата Игнатия), а в 1668 г. по распоряжению П. И. Годунова стал поручиком¹¹⁶.

К концу десятилетия (в 1678 г.) рейтарских офицеров насчитывалось всего 6 человек: ротмистр Д. Чередов, поручики Ф. Видман и А. Камынин, прапорщики Дорофей Корнилов, Д. Свидерский и И. Текутьев¹¹⁷. Точную

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 35–36; стб. 1575, л. 14; оп. 1, кн. 511, л. 17.

¹¹⁰ Там же. Оп. 3, стб. 1575, л. 19; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 34 об., 36.

¹¹¹ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, стб. 100, л. 145–146; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 117.

¹¹² Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36, 120; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 50.

¹¹³ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36, 120; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 116–116 об.

¹¹⁴ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 35, 36, 115, 120; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 117 об.

¹¹⁵ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36, 37, 120, 123; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 119–119 об.

¹¹⁶ Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36, 121; стб. 1575, л. 19; ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 120–120 об. Имена всех этих офицеров упоминаются в нескольких росписях (см.: Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 40–41, 130–131).

¹¹⁷ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 116–121.

численность рядовых рейтар на это время установить трудно из-за расхождений в цифрах, содержащихся в источниках, но можно предположить, что она изменилась незначительно. Разрядная смета Тобольска за 1672 г. фиксирует наличие в трех упомянутых выше городах Западной Сибири 347 рейтар¹¹⁸. Аналогичный документ за 1678 г. дает нам цифру в 358 рейтар «тобольских и тюменских и тарских»¹¹⁹. Данными по каждому из трех городов в отдельности мы, к сожалению, не располагаем, однако, на наш взгляд, есть основания полагать, что и здесь особых изменений не наблюдалось. По крайней мере, в Тюмени в 1678 г. рейтар насчитывалось 56 человек¹²⁰, а в Тобольске, по данным крестоприводной книги 1676 г., численность рейтар составляла 150 человек¹²¹. Следует отметить, что две трети имен из списка, содержащегося в этой книге, совпадают с теми, которые фигурируют в списках еще 1660 г., т. е. служебный стаж сотни тобольских рейтар к тому моменту уже превышал 15 лет.

Впрочем, вопросы, связанные с судьбой указанных контингентов, рассматриваются более подробно в гл. III. Сейчас можно лишь отметить, что тобольские воеводы старались поддерживать численность рейтарского контингента приблизительно на одном и том же уровне. Как только кто-либо из рейтар оставлял службу (чаще всего, переходя в состав другой категории служилого населения Тобольска), его место по распоряжению воеводы сразу же занимал новый кандидат «в службу». Нами обнаружено более 30 случаев подобных «верстаний», причем рейтарами теперь нередко становились даже посадские люди и пашенные крестьяне, равно как и их дети, т. е. представители тяжелых слоев русского населения Сибири. По крайней мере, относительно 8 человек мы можем утверждать это с полной уверенностью. Основную же массу зачисленных в рейтары на протяжении 1670-х гг. составляли дети «литвы», конных и пеших казаков, для которых подобные «верстания» становились первым этапом в их служебной карьере¹²².

Все перечисленные процедуры фиксировались в документах записями, подобными, например, следующим: «Иван Данилов, во 182 (1673/74. — А. Д.) году по приговору боярина и воевод, Петра Михайловича Салтыкова с товарищи, велено ему быть ис конных казачьих детей в рейтарех в Матвеев месте Иванова, а государева жалованья велено ему давать, что давано Матвеем, денег по 12 рублей на год... Микита Секерин, во 184 году по приговору боярина и воевод, Петра Михайловича Салтыкова с товарищи, велено ему, Миките, быть в рейтарех ис поповских детей в Иванове месте Ушарова, а государева жалованья велено ему давать, что давано Ивану,

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 568, л. 3.

¹¹⁹ Там же. Кн. 641, л. 4.

¹²⁰ Там же. Оп. 3, стб. 100, л. 294–300.

¹²¹ Там же. Оп. 1, кн. 607, л. 22–27.

¹²² См.: Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 145–170.

денег по 12 рублей на год... Василей Игнатьев, во 181 году по приговору боярина и воевод, князя Ивана Борисовича Репнина с товарищи, велено ему, Василью, быть ис тарских пашенных крестьян в рейтарех в Павлове месте Выходцова, а государева жалованья велено ему давать, что давано Павлу, денег по 12 рублей на год, а Павлу велено быть в детях боярских...»¹²³ и т. д. Впрочем, как отмечено выше, значительная часть контингента тобольских рейтар сохранилась в прежнем составе.

Несколько слов о судьбе других офицеров. Полковник И. Ремес умер в Тобольске приблизительно в середине десятилетия (точная дата в источниках не указана), а В. Тутолмин и прапорщики М. Рындин и Б. Струнин еще в 1673 г. были поверстаны в дети боярские и соответственно оставили рейтарскую службу¹²⁴. То же происходило и с рядовыми рейтарами, переводившимися по мере появления свободных окладов в дети боярские, «литву» или казаки. Насколько можно судить, это был один из способов решения проблемы распределения хлебной и соляной составляющих «выбылых» окладов жалованья среди этих категорий служилого населения Тобольска. Поскольку рейтарам полагались только денежные выплаты в размере 12 руб. в год, то воеводе было легче передать своей властью весь освободившийся оклад кому-либо из них, чем заниматься распределением становившихся лишними хлебных и соляных выдач по частям среди сослуживцев выбывшего, а потом расследовать практически неизбежные в подобных случаях злоупотребления дьяков и представителей служилой верхушки. На это указывают и формулировки, употреблявшиеся в документах, фиксировавших подобные переводы. Например, при переводе в 1676 г. из рейтар в казаки «литовского списка» Л. Жулжевского, И. Рублевского и И. Чаплина о каждом из них читаем: «Оклад ему денег 12 рублей. Верстан из рейтар... с тем же ево рейтарским окладом, да к тому ево окладу велено давать из выбылых... хлеба 12 четвертей ржи, овса то же». В том же году С. Рачковский был поверстан из рейтар в дети боярские в оклад своего отца Д. Рачковского, составлявший 9 руб., 6 четвертей с осминой¹²⁵ ржи, 4 четверти овса, 2,25 пуда соли¹²⁶. Разумеется, человек, зачисленный в дети боярские или в казаки, не мог одновременно продолжать рейтарскую службу. Нам известно лишь одно исключение из этого правила.

Таким образом, к концу 1670-х гг. рейтарская служба в Сибири пришла в полный упадок, и это дало все основания тобольскому воеводе П. В. Шереметеву написать в 1679 г. о тобольских рейтарах, что у них «на-

чальных людей никого нет, oprичь прапорщика Франца Видмана, да... приказано быть новокрещену Петру Дохтурову, и он, Петр, устарел и твоей, великого государя, рейтарские службы служить не может»¹²⁷. Здесь речь идет о полуполковнике П. Дохтурове, упоминавшемся еще в 1667 г. В 1676 г. он уже числился по Тобольску в детях боярских, но и сохраняя свое воинское звание, продолжая командовать рейтарами. Таким образом, сибирские рейтары постепенно утратили даже свою прежнюю внутреннюю организацию, превратившись в небольшие соединения, лишённые значения реальной боевой силы.

Численность драгун на протяжении всего десятилетия постоянно сокращалась: с 524 человек в 1672 г. до 386 человека уже в 1674 г. Начальствовавший не только над рейтарами, но и над драгунами полковник И. Ремес в связи с этим «бил челом великому государю и подал в приказной избе беглым и умершим рейтаром и драгуном имянные списки, которые переведены в слободы и в городех верстались в иные чины»¹²⁸. При проведении же новой их переписи в 1678 г. тобольским письменным головой Ф. Поленовым драгун насчитывалось 363 человека, причем они несли службу вместе с беломестными казаками (148 человек)¹²⁹. С какого именно времени они несли службу наравне с казаками, сказать трудно, можно лишь ориентировочно говорить о середине десятилетия. Во всяком случае, в перечневом списке Тобольского разряда за 1677 г. численность драгун указана в количестве 495 человек¹³⁰, т. е. в эту цифру, несомненно, уже входили и беломестные казаки.

На протяжении 1670-х гг. новых наборов в драгуны не проводилось, что было непосредственным результатом царского указа от 18 января 1674 г., гласившего: «Которые драгуны прибраны были и бежали, и их велено сыскивать, и быть в драгунах по-прежнему, а вновь драгунов до государева указа и в умерших место прибирать не велено. А которые драгуны взяты с пашен, и тем драгуном велено быть в пашне по-прежнему»¹³¹. Размещены они были по различным острогам и слободам практически без всякого порядка (табл. 4).

¹²⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 335.

¹²⁸ Там же. Л. 56.

¹²⁹ Там же. Л. 180–262.

¹³⁰ Там же. Оп. 1, кн. 641, л. 4.

¹³¹ Там же. Оп. 3, стб. 100, л. 56.

¹²³ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 154, 158 об., 160 об.

¹²⁴ Там же. Л. 34–36; ф. 214, оп. 1, кн. 641, л. 3; оп. 3, стб. 679, л. 433, 537.

¹²⁵ Осмина — мера объема сыпучих тел, определявшаяся по их массе, равная приблизительно 32 кг.

¹²⁶ См.: РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 90–91 об.

Таблица 4

Численность и места дислокации драгун на территории Тобольского уезда (1671 г.) *

Место дислокации	Ротные командиры и офицеры	Фактически драгун, человек	Сбежало драгун, человек
Тарханский острог	Поручик Герасим Черкасов, прапорщик Иван Тутолмин	5	52
Ялуторовская слобода	Поручик Яков Тутолмин, прапорщик Федор Астраханцев	73	20
Исетский острог	Капитан Федор Кошелев, поручик Влас Заливин, прапорщик Федор Линь	66	19
Терсюцкий острог	Поручик Гавриил Вороженец, прапорщик Дмитрий Свидерский	40	8
Мехонинская слобода	Прапорщик Яков Тырков	82	13
Маслинская слобода	Поручик Матвей Тырков, прапорщик Петр Медынцеv	27	15
Шадринская слобода	Полуполковник Иван Волков, поручик Иван Свашевский, прапорщик Тимофей Радилов	61	45
Катайский острог	Поручик Михаил Выходцов, прапорщик Иван Нелидов	72	67
Устье р. Верхней Каменки	Майор Степан Астраханцев, поручик Василий Путята, прапорщик Борис Шлот	—	—
Оз. Исеть	Капитан Федор Мокринский, прапорщик Кирилл Бент	—	—
Верховья р. Чусовой	Майор Алексей Фефилов, капитан Степан Поляков, поручики Иван Панотин, Лев Урбановский, прапорщик Иван Ярославцев	—	—
Всего	27 человек	426	239

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 119–144.

Примечание. Для трех последних мест численность драгун не указана, поскольку там еще не были построены остроги, а командиры отрядов были назначены лишь номинально.

На наш взгляд, по своему социальному составу и служебным занятиям контингент сибирских драгун был ближе всего к солдатским частям, расквартированным на южной границе Европейской России и в значительной

степени состоявшим именно из бывших драгун. Они так же наделялись землями, на которых своими силами вели хозяйство, составляя, таким образом, своеобразную категорию помещиков-однодворцев. В. П. Загоровский отмечал, что «многие солдаты получали поместье без необходимой прежде предварительной процедуры – верстания». Если драгунами в середине века там становились в основном бывшие крестьяне, то «их дети... оказываются уже в роли «солдат-помещиков»»¹³². Справедливо, впрочем, его указание, что «ожнорусские солдаты не владели крепостными крестьянами», обрабатывая свои участки земли «личным трудом и силами членов семьи»¹³³, так что термин «поместье» здесь употреблен лишь в условном смысле. Аналогичную картину мы наблюдаем и в отношении сибирских драгун.

Представленные данные свидетельствуют об отсутствии четкой организации, присущей регулярным воинским соединениям, в отношении сибирских драгун. Судя по всему, драгуны на территории Тобольского уезда не были даже разбиты на отдельные роты, а распределялись по разным слободам и острогам лишь в соответствии с тем, где располагались дворы большинства из них или откуда они были взяты на эту службу. То же отсутствие видимого порядка и соблюдения служебной иерархии наблюдается среди командовавших ими офицеров. Парадоксальным представляется то обстоятельство, что отрядом, насчитывавшим наибольшее количество рядовых драгун (в Мехонинской слободe), командовал лишь один прапорщик, в то время как меньшие по численности драгунские части находились под командованием офицеров более высокого ранга, чаще всего поручиков.

Таким образом, неизбежно возникают сомнения относительно целесообразности именовать все эти разрозненные соединения сибирских драгун общим термином «полк», как это делают современные исследователи. Например, в работах В. В. Меншикова и В. Д. Пузанова контингент сибирских драгун прямо и без всяких оговорок называется полком¹³⁴, что, на наш взгляд, неправомерно. Помимо структуры, не соответствующей принципам организации регулярной армии, не следует забывать о том, что основную массу среди них составляли люди, не связанные своим служебным опытом с войсками «нового строя», прежде всего беломестные казаки.

Контраст становится более сильным, если сравнивать сибирские контингенты войск «нового строя» с полками, существовавшими в это же вре-

¹³² Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 43.

¹³³ Там же. С. 44.

¹³⁴ Меншиков В. В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // История Курганской области. Курган, 1995. Т. 1. С. 106–121; Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 161–168; Он же. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр. Курган, 2000. С. 54–59; и др.

мя на территории Европейской России. Там к концу 60-х гг. XVII в. уже сформировались так называемые разрядные полки, дислоцировавшиеся внутри Белгородского, Севского, Новгородского, Смоленского и других разрядов (или военных округов), в каждом из которых насчитывалось более десятка рейтарских, драгунских, солдатских и стрелецких полков. По мнению А. В. Чернова, такого рода формирования можно считать «зародышами позднейших дивизий и корпусов»¹³⁵. Их внутреннюю структуру он характеризует следующим образом: «Основной административной и строевой единицей войска был полк... Несколько таких полков пехоты и конницы сводились в воеводские (генеральские) полки»¹³⁶. Последние, в свою очередь, объединялись в разрядные полки. Все эти соединения существовали и в мирное время, а в случае необходимости объединялись в походное войско. На основании этого часть специалистов по отечественной военной истории считали возможным характеризовать русскую армию 70-х гг. XVII в. уже как регулярную, что, на наш взгляд, не совсем правомерно. Справедливее было бы обозначать данные соединения как регулярные войска в составе русской армии, поскольку выявляются все свойственные им отличительные черты, за исключением типового вооружения и форм одежды. Заметим, что термин «регулярная армия», используемый современными специалистами по военной истории России, имеет следующее определение: «Часть вооруженных сил государства, состоящая из регулярных войск и единого центрального органа военного управления...»¹³⁷ Говорить же о наличии последнего применительно к приказной структуре управления в Русском государстве XVII в. не представляется возможным, можно лишь относить к регулярным войскам довольно значительную часть полков «нового строя», но не более того.

На территории Сибири вообще и Тобольского разряда в частности ничего подобного не наблюдается. Существовавшие здесь в 70-х гг. XVII в. части рейтар и драгун имели скорее иррегулярный характер, что было обусловлено как сложившейся к тому времени их внутренней структурой, так и тем, что основной их контингент составляли уже не служилые люди, а беломестные казаки и выходцы из тяглого сословия. Впрочем, по справедливому замечанию А. В. Чернова, «существование разрядов и их полков как постоянных военно-территориальных организаций... было возможно только при наличии полков нового строя, находившихся на постоянной службе»¹³⁸. А применительно к сибирским рейтарам и драгунам говорить о наличии у них полковой организации, как мы уже отмечали, после реформы П. И. Годунова не представляется возможным.

С драгунскими офицерами в указанный период происходило практически то же, что и с рейтарскими. Часть из них были отправлены в отставку еще при кн. И. Б. Репнине (прежде всего, это коснулось тех, кто попал на службу из ссыльных при П. И. Годунове), некоторые были поверстаны в другие категории сибирских служилых людей при его преемниках. Произведенный еще П. И. Годуновым в чин драгунского полуполковника И. Волков умер в конце 1671 г.¹³⁹, а освободившуюся вакансию занял капитан П. Аншутин. Сосланный сюда в 1662 г. за участие в московском восстании (Медный бунт), он в 1672 г. был отпущен в Москву, но добился разрешения остаться в Тобольске. Впрочем, уже в 1676 г. мы находим его имя в списках тобольских детей боярских, т. е. на драгунской службе он, судя по всему, задержался недолго¹⁴⁰.

Поручик Г. Вороженец, взятый П. И. Годуновым на драгунскую службу из числа ссыльных людей, после 1671 г. был отправлен в Красноярск согласно предписанию властей¹⁴¹. Аналогичная судьба ожидала прапорщика Т. Радилова, сосланного туда же в 1673 г.¹⁴² В Красноярск также попали И. Панотин и Л. Урбановский: первый – в казацки головы, второй – в дети боярские¹⁴³. Их сослуживцы М. Выходцов и В. Путята к 1676 г. стали детьми боярскими в Тобольске¹⁴⁴. Если в 1671 г. на драгунской службе числилось около 30 офицеров, то в дальнейшем их стало значительно меньше (см. табл. 4).

К 1678 г. на всей территории Тобольского уезда насчитывалось всего 8 драгунских офицеров: майор А. Фефилов, капитаны Ф. Кошелев и С. Поляков, поручики В. Заливин и Я. Тырков, прапорщики К. Бент, П. Медынцев и Н. Мокринский¹⁴⁵. Необходимо отметить также, что не все из них были ранее знакомы с принципами несения службы в регулярных частях. И если, скажем, А. Фефилов, Ф. Кошелев и С. Поляков в 1660-х гг. успели послужить в рейтарском и солдатском полках, то, например, В. Заливин и Я. Тырков были поверстаны в драгунские офицеры из детей боярских распоряжением П. И. Годунова¹⁴⁶. Прапорщик Бент, оставшийся к тому времени единственным «иноземцем» среди драгунских офицеров,

¹³⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 1575, л. 18; оп. 1, кн. 641, л. 3–4; кн. 659, л. 2. См. также: Зыков А. П., Манькова И. Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. С. 328.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 24 об. – 25 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 126; ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 37, 123.

¹⁴² Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 133; ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 38, 124.

¹⁴³ Там же. Ф. 214, оп. 1, кн. 607, л. 6–20; оп. 3, стб. 100, л. 39, 127.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 3, стб. 679, л. 558; оп. 1, кн. 607, л. 6–20.

¹⁴⁵ См.: Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 121 об. – 128.

¹⁴⁶ Там же. Л. 121 об. – 126.

¹³⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 171.

¹³⁶ Там же. С. 172.

¹³⁷ Копылов И. А. Указ. соч. С. 66.

¹³⁸ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 171.

также начал свою службу здесь при П. И. Годунове: в 1668 г. он был «по указу великого государя и по грамоте прислан с Москвы»¹⁴⁷. Напротив, часть офицеров, служивших в сибирских полках «нового строя» на протяжении почти двух десятилетий, со временем были отправлены в отставку.

В изученной нами окладной книге 1678 г. содержится список отставных драгунских офицеров, переведенных к тому времени в различные категории служилых людей. Среди них мы обнаруживаем майора И. Тутолмина, капитанов Ф. Мокринского и Г. Черкасова, поручиков Ф. Линя и М. Тыркова¹⁴⁸. Биографии этих людей изобилуют весьма интересными поворотами. Так, И. Тутолмин, произведенный еще П. И. Годуновым из рядовых рейтар в чин драгунского прапорщика, впоследствии дослужился до майора и планировавшийся тобольскими воеводами перевод обратно в рейтары¹⁴⁹, скорее всего, должен был воспринять как личное оскорбление. Аналогичная участь ожидала Г. Черкасова и М. Тыркова¹⁵⁰. Нескольким больше повезло Ф. Мокринскому, после отставки записанному в дети боярские по Тобольску¹⁵¹. Отправляя в отставку драгунских офицеров, местные власти, вероятно, руководствовались простым критерием: возвращать этих людей в те же чины и оклады, из которых они в свое время зачислялись на полковую службу. Пожалуй, это можно считать дополнительным свидетельством о невысоком (по сравнению с рейтарами и солдатами предшествующего десятилетия) служебном статусе сибирских драгун.

С учетом достаточно высоких чинов, которые имели перечисленные выше офицеры, следовало ожидать их перевода в элитные группы служилого населения Сибири, подобно тому как это происходило с их сослуживцами из рейтар (см. выше). Однако на практике встречаются случаи попадания не только в дети боярские, но и в другие категории населения. Так, поручик Ф. Линь попал в казаки «литовского списка», поскольку до зачисления в офицеры к драгунам нес казачью службу (с 1661 г.)¹⁵². Прапорщик Иван Фадеев, еще один ссыльный «иноземец», был прислан сюда из Москвы в 1673 г. После того как он перешел в православную веру в Тобольске, было решено принять его здесь на службу, но теперь, во исполнение предыдущего царского указа, он был сослан в Красноярск¹⁵³. Прапорщик Алексей Тарков, взятый при П. И. Годунове в драгуны из крестьянских

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 126–126 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 128–134.

¹⁴⁹ Там же. Л. 128 об. – 129; ф. 214, оп. 3, стб. 1575, л. 20.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 130–131 об.; ф. 214, оп. 3, стб. 1575, л. 19.

¹⁵¹ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 129–130; ф. 214, оп. 3, стб. 1575, л. 19.

¹⁵² Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 131 об. – 132 об.

¹⁵³ Там же. Л. 132 об. – 133 об.; ф. 214, оп. 1, кн. 607, л. 81.

детей, и вовсе был переведен «в пашню», т. е. стал крестьянином, обрабатывавшим «государеву десятинную пашню»¹⁵⁴. Видимо, процесс сокращения численности драгунского офицерского корпуса продолжался постоянно, поскольку в документах разных лет постоянно встречаются одни и те же фразы о том, что воеводы «в слободах начальных людей велели убавить для того, что драгун мало, а начальных людей много, и чтоб в том государеве казне напрасных расходов не было»¹⁵⁵. Интересы казны местная администрация всегда старалась соблюдать неукоснительно, что не могло не сказаться на колебаниях численности, а также на материальной обеспеченности сибирских рейтар и драгун. Проанализировав все изменения организационного характера, имевшие место на протяжении 1670-х гг., перейдем к рассмотрению этой последней составляющей.

4. Материальное положение и служебные обязанности сибирских войск

Интересующие нас аспекты (в частности, условия службы сибирских драгун) уже привлекали внимание исследователей. В. Д. Пузанов, например, совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что все преобразования русских вооруженных сил на территории Зауралья и Западной Сибири, происходившие после реформ П. И. Годунова, «являлись следствием взаимодействия двух расходящихся тенденций. С одной стороны, центральная власть неуклонно проводила политику снижения расходов на содержание пограничных войск края. С другой стороны, эта же власть старалась увеличить боеспособность войск, размещенных в Южном Зауралье...»¹⁵⁶ Если первая задача, как мы уже отмечали, решалась весьма успешно, то с решением второй возникали непреодолимые трудности. Впрочем, нельзя сказать, что центральная власть, а также воеводы Тобольска уделяли им особое внимание. Однако именно эта ситуация в конечном счете привела к попыткам улучшить положение сибирских войск, предпринятым в период царствования Федора Алексеевича. Проанализируем ее по основным параметрам: материальному достатку этих соединений, выплатам жалованья, состоянию вооружения, наконец, их «службам», т. е. функциональному аспекту.

Материальное снабжение сибирских войск «нового строя» в результате преобразований П. И. Годунова не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Причина была все та же: нехватка денег для выплаты жалованья, несмотря на сокращение окладов. Казна, как и ранее, была не в состоянии отправлять в Тобольск каждый год значительные суммы (порядка

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 133 об. – 134.

¹⁵⁵ См., напр.: Там же. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 36, 42, 136.

¹⁵⁶ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 55.

7–10 тыс. руб.). В документах начала 1670-х гг. все чаще рекомендовалось платить тобольским служилым людям жалованье из местных доходов. Кроме того, именно в эти годы вошла в практику выдача жалованья не деньгами, а доставленными из Москвы товарами, хлебом или солью. Конечно, подобная практика в отношении сибирских служилых людей существовала и раньше, но тем, кто был зачислен в сибирские полки, на протяжении 60-х гг. XVII в. платили только деньгами.

Указанные тенденции уже отмечались рядом исследователей. В частности, Н. И. Никитин, обобщив данные по гарнизонам всех городов Тобольского разряда, утверждал, что «благополучное, в целом, положение с выдачей всех видов жалованья сохранялось... до конца 60-х годов XVII в.», причем весьма значительное количество денег, хлеба и соли еще и оставалось «за расходом»¹⁵⁷. Однако на рубеже 60-х и 70-х гг. здесь происходят существенные изменения: «Ухудшение государственного обеспечения сибирских гарнизонов прежде всего стало заявлять о себе практикой замены денежного жалованья товарами»¹⁵⁸. Н. И. Никитин приводит следующий пример: запасы денежной казны, стабильно имевшиеся в г. Верхотурье, нередко полностью отправляли в другие сибирские города, а на жалованье местным служилым присылали товары из Москвы¹⁵⁹. Положение в Тобольске, вероятно, было лучше, нежели в «дальних» и «непашенных» городах типа Березова или Сургута, однако и здесь, как показано ниже, перебои в снабжении оказывались весьма существенными.

Впрочем, сибирские драгуны, заводившие свою пашню, оказывались в более выгодном положении по сравнению с жившими только на жалованье рейтарами. Имея возможность вести хозяйство на своих земельных наделах (7,5 десятин на каждого, что позволяло, скажем, ежегодно засеивать рожью 2,5 десятины при трехпольной системе севооборота), драгуны вполне могли самостоятельно прокормить себя. Если принять в качестве нормы среднюю урожайность (скажем, «сам-два»), то с этого надела можно было получать годовой урожай в размере около 10 четвертей хлеба (четырёхпудная четверть, применявшаяся в Сибири до 1679 г.)¹⁶⁰. Даже с условием, что половину этого количества необходимо было сохранять для посева в следующем году, на пропитание каждому драгуну оставалось около 20 пудов хлеба в год (приблизительно 330 кг), что вполне укладывается даже в слегка завышенную, по мнению Ю. Г. Недбая, норму потребления, принятую в работах Н. И. Никитина (1 кг хлеба на едока в день). Ю. Г. Недбай

¹⁵⁷ Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 58.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 59.

¹⁶⁰ Рассчитано по: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 91.

справедливо замечает, что «не хлебом единым» питался сибирский служилый человек¹⁶¹. С учетом этого обстоятельства и следует подходить к более чем двукратной разнице в размерах денежного жалованья рейтар и драгун. Да и цены на продовольствие и предметы вооружения в Тобольске не были высокими, так что получаемых денег им вполне должно было хватать и на то, и на другое. Например, цена за пуд ржи колебалась в пределах 2–6 коп., за 1 кг мяса – 5–6 коп. Кафтаны стоили от 80 коп. до 1,5 руб., пара обуви – от 15 до 25 коп. (кожаные башмаки) и от 60 коп. до 1 руб. (сапоги). Пищальный ствол оценивался в 6–7 коп., пищальный замок – в 50–60 коп., а фунт пороха (около 400 г) – в 20–25 коп.¹⁶² Таким образом, проблема заключалась не в недостаточном размере денежного жалованья и натурального довольствия, а в перебоих с их выдачей. Следует отметить, что вообще не получавшие от казны жалованья солдаты, поселенные на юге Европейской России, оказывались в худшем положении, поскольку их служба «была связана с длительными, зачастую неограниченными по времени отлучками, практически несовместимыми с экономическим положением мелкого землевладельца и земледельца...»¹⁶³ Поэтому выплаты денежного жалованья по-прежнему играли важную роль в материальном обеспечении еще сохранявшихся соединений сибирских войск «нового строя». При наличии же избытков хлебных запасов денежное жалованье иногда заменяли выдачей хлеба¹⁶⁴.

В 70-х гг. денежные оклады рейтар составляли 12 руб. в год, драгун – 5 руб. Если вспомнить суммы, которые шли на содержание сибирских войск в 60-е гг., то сразу становится понятно, что теперь они значительно уменьшились. Если взять, например, цифры за 1672 г., то окажется, что на содержание 346 рейтар требовалось 4 152 руб. в год, а 524 драгун – 2 620 руб. Кроме того, еще около 600 руб. в год расходовалось на содержание офицерского корпуса обоих соединений: сумма не очень значительная, поскольку кн. И. Б. Репнин уменьшил размер их окладов до 1/3 первоначальных окладов, установленных для всех чинов в 1660 г. (табл. 5, 6). Итого получалось около 7,5 тыс. руб. в год, что в несколько раз меньше той суммы, которая ежегодно расходовалась на эти цели на протяжении предшествующего десятилетия. Кроме того, необходимо отметить, что даже эти

¹⁶¹ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири, 1582–1808 гг.: Краткие очерки. Омск, 1996. Ч. 2. С. 75.

¹⁶² Данные по: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 86–112; Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири... Ч. 2. С. 73–75.

¹⁶³ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 44.

¹⁶⁴ Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда... С. 62.

оклады выплачивались деньгами лишь частично (на две трети), оставшаяся часть дополнялась выдачами хлеба и соли¹⁶⁵.

Таблица 5

Численность и годовые оклады жалования сибирских рейтар (1672 г.) *

Чин	Численность, человек	Оклад жалования, руб.
Полковник	1	80
Майор	1	64
Ротмистр	1	52
Капитан-поручик	1	36
Поручик	2	24
Прапорщик	4	20
Рядовой	346	12
Всего	356	4 512

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 42–44, 137–144.

Таблица 6

Численность и годовые оклады жалования сибирских драгун (1672 г.) *

Чин	Численность, человек	Оклад жалования, руб.
Полуполковник	1	72
Майор	1	56
Капитан	3	20
Поручик	5	16
Прапорщик	5	8
Рядовой	524	5
Всего	539	2 928

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 42–44, 137–144.

Однако факты свидетельствуют о том, что перебои с выплатой жалования именно в 70-е гг. стали происходить значительно чаще, чем ранее. В принципе это обстоятельство укладывается в общую картину данных, приводимых Н. И. Никитиным, по мнению которого, именно на рубеже 60–70-х гг. XVII в. материальное обеспечение служивых гарнизонов в сибирских городах резко ухудшилось и именно с этого времени вошла в практику замена денежного жалования товарами¹⁶⁶. Это обстоятельство может быть проиллюстрировано конкретными фактами из истории интересующих нас соединений.

¹⁶⁵ Точный расчет см.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 42–44, 137–144.

¹⁶⁶ Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда... С. 58–62. См. также: Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 202–203.

Так, в 1678 г. в челобитной на имя царя тюменские рейтары жаловались, что «и того твоего, великого государя, жалования полных окладов нам, холопям твоим, не доходит: на 180 год не дошло по шести рублей, на 181 не дано 2 рубли с полтиною, на 182 год и на 183 и на 185 и на нынешней, на 186 год не дано всех полных окладов ни по единой денге, и мы, холопи твои, за многие годы не пожалованы»¹⁶⁷. Как видим, здесь речь идет не просто о задержках или урезаниях жалования, а именно о хронических невыплатах за несколько лет сразу. Неудивительно, что в таких условиях рейтары «оскудели и обедняли и одолжали великими долгами»¹⁶⁸, в связи с чем просили выдать им положенные суммы «за прошлые заслуженные годы». Впрочем, они вряд ли могли рассчитывать на возмещение недоданного исключительно в денежном эквиваленте, поскольку за прошлые годы, как справедливо заметил Н. И. Никитин, расчеты производились, как правило, «меновными товарами»¹⁶⁹. Каким образом осуществлялась эта процедура, показывает следующий пример. В 1670–1671 гг. 60 тюменских рейтар (из тех, кто был «отставлен» майором Л. Горчаковым для перевода в драгунскую службу, так никогда и не осуществленного) были направлены «к Уралским горам для прииску серебряной руды». Однако уже через год кн. И. Б. Репнин велел «тех рейтар з государевы службы от Уралских гор свесть для того, что им государева жалования не дано»¹⁷⁰. В 1677 г. для выдачи им жалования за эти два года из Москвы было отправлено 180 руб. деньгами, а также почти 100 суков общей стоимостью 540 руб. Выдача эта, впрочем, покрывала лишь половину долга казны¹⁷¹. Вероятно, в целях дальнейшей экономии тогда же было решено перевести этих бывших рейтар в те же чины и оклады, которыми они располагали до записи в полковую службу. К этому подталкивала и сама ситуация, в которой оказались эти люди: «Ныне де они скитаютца меж двор и помирают з голоду, а ни в какую службу не поверстаны». Еще в 1674 г. бывшие тюменские рейтары просили, чтобы «великий государь пожаловал их, велел им быть в своей государеве службе в рейтарех по-прежнему, или служить конную службу, чтоб им без службы, волочась меж двор, вконец не погнуть»¹⁷². Разбирательство данного дела тянулось три года, пока в конечном счете не было принято упомянутое выше решение. По царскому указу отставным рейтарам было велено «быть в прежних своих чинех в денежных и в хлебных и соляных окладах, хто ис какова чину взят был, а будет в их место и повер-

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 272.

¹⁶⁸ Там же. Л. 292.

¹⁶⁹ См.: Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда... С. 59–61.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 286–287.

¹⁷¹ Там же. Л. 287.

¹⁷² Там же. Л. 283–284.

станы, и тех отставить»¹⁷³. В случае же, если они до поступления в рейтары нигде не служили, таким людям велели «быть в литовском списке и в конных казаках в выбылых местех и окладах, а оклады им чинить рядовые казачьи без придачи». Заодно повторялись здесь стандартные распоряжения о том, чтобы «никого тяглых людей... в службе не было», дабы «великого государя десятинная пашня и оброчной хлеб и подати на Тюмени не пустели»¹⁷⁴. Впрочем, даже еще остававшиеся на службе рейтары, как мы уже упоминали выше, постоянно сталкивались с невыплатами положенного им жалованья.

Не лучше обстояли дела и у драгун. В выписке из тобольских расходных книг о выдаче жалованья драгунам за 1668–1681 гг.¹⁷⁵ обнаруживаются интересные сведения. Прежде всего, суммы, полученные в течение этого периода рядовыми драгунами, существенно различаются. Так, в 1716 (1667/68) г. на 389 человек пришлось всего 195 руб. После более или менее благополучных 1717 (1668/69), 1718 (1669/70) и 1719 (1670/71) гг., когда на долю драгунского контингента выпадали суммы, равные 987, 637 и 1 011 руб. соответственно, наступил провал: в 1720 (1671/72) г. ничтожные 155 руб. были распределены между несколькими десятками человек¹⁷⁶. Для наглядности представим все известные нам данные в виде таблицы (табл. 7).

Таблица 7
Выдачи годового жалованья сибирским драгунам (1667–1678 гг.) *

Годы	Получили деньгами, человек	Сумма, руб.	Получили товарами, человек	Стоимость, руб.	Получили хлебом и солью, человек	Стоимость, руб.	Всего получили жалованье, человек	Выдано жалованья на общую сумму, руб.
1667/68	38	38	30	44	321	112	389	195
1668/69	202	413	198	574	-	-	400	987
1669/70	114	414	-	-	32	223	146	637
1670/71	392	696	39	129	344	185	775	1 011
1671/72	34	152	-	-	2	3	36	155
1672/73	202	736	51	45	40	40	293	822
1673/74	91	329	91	217	79	276	261	823
1674/75	22	19	22	18	58	138	102	177
1675/76	1	1	5	26	7	35	13	62
1676/77	56	42	52	321	1	5	109	368
1677/78	-	-	-	-	75	325	75	325

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 401–403.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 288.

¹⁷⁴ Там же. Л. 288–289.

¹⁷⁵ См.: Там же. Л. 401–451.

¹⁷⁶ Там же. Л. 401–402.

Примечание. Цифры по различным видам выплат в каждом случае округлялись нами до целых чисел в рублях (без алтын и денег), поэтому общие суммы годового жалованья, приведенные здесь по тобольским окладным книгам, могут несколько отличаться от результата, получаемого путем сложения чисел из отдельных колонок.

Таким образом, после 1671 г. часть драгунского контингента была вынуждена практически постоянно обходиться без жалованья. Те же немногие, которым еще перепали деньги или товары из государственной казны, были вынуждены довольствоваться суммами значительно меньшими, чем положенный рядовым драгунам оклад годового жалованья в размере 5 руб. А после 1674 г., как следует из данных табл. 7, денежные выплаты и вовсе почти прекратились, будучи заменены товарными, хлебными и соляными выдачами. Даже при том условии, что сибирские драгуны могли прокормиться с собственных пашен, их материальное положение во второй половине 70-х гг. трудно назвать сколько-нибудь успешным.

Такая же ситуация сложилась с выдачей жалованья драгунским офицерам. К сожалению, в выписке из расходных книг, составленной дьяками тобольской приказной избы, не указаны фамилии людей, получавших жалованье за драгунскую службу, однако общая картина вполне ясна. Подобно рядовым офицеры зачастую были вынуждены довольствоваться набором разнообразных товаров, присылавшихся теперь вместо денег: вино, рыба, сукно, атлас, тафта, холсты, кожа, изделия из меди и железа и т. д. Встречаются даже такие экзотические случаи, как передача драгунским офицерам в зачет жалованья лошадей¹⁷⁷. Наконец, можно обнаружить и такие факты, как, например, выдача в 1676 г. жалованья еще за 1669 г.¹⁷⁸ И эта практика, судя по всему, продолжалась из года в год именно с конца 60-х гг. XVII в. Все это означает, что материальное снабжение войск «нового строя» в Сибири после провала реформы П. И. Годунова значительно ухудшилось.

Сходную картину мы наблюдаем и с вооружением. Сохранилось большое количество адресованных воеводам Тобольска царских указов от 70-х гг., содержащих однотипные требования: «Которое мелкое ружье попорчено, и то ружье починить, а которого ружья починить нельзя, и то ружье поделать снова тамошними кузнецы и бронными и иными мастеровыми всякими людьми, чтоб пушки и загинные пищали и мелкое ружье и у всяких чинов служилых людей ружье их было добро безо всякие оплошки»¹⁷⁹. В ответ же из Тобольска следовали не менее стандартные отписки, что «те, государь, стволы в починку не годятца, а в Тоболску бронных и иных никаких оружейного дела мастеровых людей нет, опричь кузнецов, и

¹⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 411–412.

¹⁷⁸ См., напр.: Там же. Л. 433.

¹⁷⁹ Там же. Л. 328.

те бронного дела и ружья починивать и вновь делать не умеют»¹⁸⁰. Конечно, это касалось всех тобольских служилых людей, а не только рейтар или драгун, но для последних такая ситуация оборачивалась наиболее тяжелыми последствиями. Ведь именно для них огнестрельное оружие: мушкеты, карабины, пистолеты – было в бою основным. Так, уже в перечневом списке вооружений, наличествовавших в Тобольске в 1672 г., упомянуты «99 карабинов, и в том числе у многих замки и шурупы и ложки изломаны... 108 мушкетов з жаграми и з замками, и в том числе у многих жагры и шурупы и ложки изломаны»¹⁸¹. Кроме того, здесь же фигурируют «30 стволов карабинных горелых... 57 стволов пистолных горелых, 50 замков карабинных и пистолных горелых». Отрядным фактом можно было считать разве что наличие 350 пар пистолетов¹⁸². Однако уже через шесть лет большая часть этих пистолетов вышла из строя: в списке 1678 г. мы обнаруживаем «518 стволов пистолных горелых»¹⁸³. Кроме того, перебои случались даже с поставками холодного оружия, шпак и бердышей. К концу 70-х гг. нередки были случаи, когда при разборе выяснялось, что многие стрельцы, пешие казаки или драгуны вообще не располагают оружием! Так, в феврале 1679 г. тобольский воевода П. В. Шереметев признавался: «А у стрелцов, государь, и у пеших казаков, которые верстаны вновь в выбылые оклады, у многих людей ружья нет»¹⁸⁴.

Переходя к рассмотрению служебного статуса и функций сибирских войск «нового строя», следует отметить, что после реформы П. И. Годунова тобольские рейтары и драгуны практически не принимали участия в боевых действиях. Это составляет разительный контраст с обстановкой на южных границах Европейской России, где на протяжении 70-х гг. XVII в. «к укреплениям восточной половины Белгородской черты постоянно подходили мелкие и крупные татарские отряды, бои на черте шли почти непрерывно»¹⁸⁵. С точки зрения ряда современных исследователей (А. П. Богданова и др.), имеет смысл говорить о полномасштабной войне Русского государства с Османской империей и ее вассалом – Крымским ханством, начавшейся еще в 1673 г. и продолжавшейся вплоть до начала 80-х гг.¹⁸⁶ Несколько лет «кровавые бои шли на огромном фронте от Дне-

¹⁸⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 175.

¹⁸¹ Там же. Оп. 1, кн. 568, л. 10–11.

¹⁸² Там же. Л. 10.

¹⁸³ Там же. Кн. 641, л. 12.

¹⁸⁴ Там же. Оп. 3, стб. 100, л. 175.

¹⁸⁵ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 286. «Зимой 1673/74 года солдаты и рейтары Белгородского полка в связи с походом против гетмана П. Дорошенко не распущались по домам...» (Он же. Изюмская черта. С. 81).

¹⁸⁶ А. П. Богданову принадлежит утверждение о том, что «великая, страшная и опустошительная война России и Украины против Турции и Крыма не оценена историками, до сих пор твердящими о “войне 1677–1678 гг.”, реже о “войне 1676–

стра до Азова. Турецкий султан лично командовал наступлением на Правобережье, крымский хан пытался прорвать укрепленную границу России. Русские полки пробили выход в Азовское море, в которое под командой Григория Ивановича Косагова вышел построенный на Воронежских верфях морской флот, и совершали вместе с казаками налеты на полуостров Крым»¹⁸⁷.

Таким образом, события 1670-х гг. стали новым суровым испытанием для русской армии. Мы уже отмечали преобразования, осуществлявшиеся в отношении войск «нового строя» на южных границах Европейской России. Справедливо, на наш взгляд, утверждение А. В. Малова о том, что к моменту вступления в войну с Османской империей за Украину «обученная европейскими офицерами, вооруженная новейшим оружием, произведенным как на европейских, так и на русских мануфактурах, закаленная в боях с поляками, литовцами, шведами, казаками и татарами армия Алексея Михайловича еще не утратила своих боевых навыков и... даже спустя годы после смерти своего создателя в ходе Чигиринских походов смогла продемонстрировать, что... ей нет равных на поле боя»¹⁸⁸. На этом фоне положение сибирских земель представлялось относительно благополучным. Из событий, непосредственно связанных с ведением боевых действий на территории Сибири, можно отметить лишь один эпизод, в котором принимали участие тобольские рейтары. В первой половине 1670-х гг. Томский и Кузнецкий уезды подвергались набегам киргизов, которых поддерживали джунгары¹⁸⁹, в связи с чем в 1674 г. последовал царский указ о посылке в Томск и Красноярск дополнительных воинских сил из всех крупных сибирских городов для укрепления местных гарнизонов и успешного отражения набегов¹⁹⁰. Тот же Красноярск дважды (в 1667 и 1679 гг.) подвергался осаде войсками киргизского князя Ереняка, так что меры эти были

1681 гг.”, как будто ее начал царь Федор Алексеевич... и не замечающими попыток... рассказать правду о “русско-турецкой войне 1673–1681 гг.”» (см.: Богданов А. П. Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 189).

¹⁸⁷ См.: Богданов А. П. Как был оставлен Чигирин... С. 174.

¹⁸⁸ Малов А. В. Конница нового строя... С. 127.

¹⁸⁹ Подробнее об этом см.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 94–118, 183–221; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 42–58; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 233–318; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983. С. 28–36; Бахмаханова Н. Е., Нарбаев Н. Б. Центральноеазиатский регион в XVII в.: проблемы исторической географии и демографии // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1997. Кн. 1. С. 74–85.

¹⁹⁰ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 77–79.

отнодь не лишними. Должно было быть отправлено подкрепление и из Тобольска.

В июне 1675 г. в Тобольске получили отписку томского воеводы кн. Д. Барятинского, просившего срочно прислать к нему большой контингент «ратных людей» – 400 человек конницы и 200 пехотинцев¹⁹¹. Однако такие запросы не могли быть удовлетворены даже силами гарнизона «сибирской столицы», поэтому сменивший к тому моменту кн. И. Б. Репнина новый воевода Петр Михайлович Салтыков счел необходимым отправить в Томск 14 июля 50 рейтар во главе с поручиком Ф. Видманом и прапорщиком Д. Корниловым, а также «литвы и конных и новокрещеных казаков 50 человек в судах водяным путем»¹⁹². По прибытии их 14 сентября в Томск выяснилось, что из 50 рейтар 18 человек составляют «их братья и племянники и наемщики», а отнюдь не сами рейтары. Больше же, по уверению П. М. Салтыкова, послать было некого¹⁹³. Впрочем, никаких данных об участии этого отряда в боевых действиях в источниках нет.

Аналогичная ситуация возникла осенью 1676 г. Тобольский воевода Петр Васильевич Шереметев сообщал в Москву о том, что «в Тоболску... ратных людей за службами в остатке небольшое число, а иные многие ратные люди живут Тоболского уезду в дальних местех по деревням, и вскоре их в нужное время собрать в город некоторыми мерами нельзя». Кроме того, он жаловался на то, что «острог весь огнил и во многих местех обвалился, и рву и иных никаких крепостей нет, и одним городом Тоболском с уезду такова великого строения построить никоими мерами невозможно»¹⁹⁴. Известием об этих событиях заканчивается уже упоминавшийся доклад 1677 г. о «службах» войск «нового строя» в Сибири, подготовленный для царя Федора Алексеевича. Никаких других сведений о военной службе сибирских рейтар и драгун исследованные нами источники не содержат.

Еще одним важным эпизодом в истории «служб» сибирских рейтар стала экспедиция думного дворянина Я. Т. Хитрово, направленная на Уральские горы для поисков серебряной руды весной 1672 г. Ее материалы уже изучались исследователями¹⁹⁵, но для нас особый интерес представля-

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 79.

¹⁹² Там же. Л. 79–82.

¹⁹³ В частности, П. М. Салтыков жаловался: «А болши де того ис Тоболска в Томской служилых людей послать было им неково, многие в розсылке, да и государева денежного жалованья тоболским многим служилым людем для томские службы дать было нечево, в Тоболску в государеве казне денег в зборе нет и с Москвы не прислано» (Там же. Л. 80).

¹⁹⁴ Там же. Л. 84.

¹⁹⁵ См., напр.: Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по

ет упоминание об участии в ней 60 рейтар, еще продолжавших служить в Тюмени. Собственно говоря, этот эпизод не является единственным, так как еще в 1670–1671 гг. поменские рейтары побывали на Урале вместе с тобольским сыном боярским Федором Фефиловым, когда тот только производил разведку для предстоящей экспедиции. Экспедиция эта была хорошо организована, в распоряжение Я. Т. Хитрово, по данным Е. В. Ястребова, «было выделено 200 чел. конных и 300 пеших людей»¹⁹⁶. Остается неясной, правда, роль, которую должны были играть в составе экспедиции служилые люди, в том числе рейтары, ведь для геолого-поисковых работ предназначались крестьяне и другие «работные люди». Мы можем лишь предполагать, что в их обязанности входило надзирать за этими последними, дабы крестьяне не начали разбегаться по домам. Но и для самих служилых участие в экспедиции, судя по всему, было тягостной повинностью. Во всяком случае, сохранился даже список имен «беглых служилых людей, которые бежали от Уральских гор», насчитывавший более 200 человек¹⁹⁷.

Факт отправки рейтар на такую службу в предшествующее десятилетие был бы нелепым. Сами они в более поздних челобитных об этом эпизоде отзывались так: «Служили з думным дворянином, с Яковом Тимофеевичем Хитрово, на Уральских горах два годы без съезду и бес перемены и всякую нужу терпели и травую питались и коньми опали, и с тое нужды многие люди ошныжали и померли»¹⁹⁸. Подобные описания несколько противоречат утверждениям современных исследователей о «щедром снабжении» экспедиции, подкрепляемым перечислением продуктов питания, обязательно входивших в рацион каждого участника¹⁹⁹, так что здесь, видимо, не обошлось без доли преувеличения. Однако для нас важно то, что эти, да и многие другие факты свидетельствуют: служба в «регулярных» частях в Сибири перестала быть чисто военной и все более уподоблялась той, которую несли дети боярские, казаки и представители других категорий сибирского служилого населения. Так, в 1672 г. полуполковник П. Аншутин с отрядом драгун ставил Колчеданский острог, куда были переведены на службу 50 человек «из розных рот» под командой капитана Ф. Кошелева²⁰⁰. Тюменские рейтары в 1678 г. так характеризовали свои занятия: «Служат... они литовского списку и с конными казаки всякие государевы службы в ряд, посылают их в проезжие станицы и на отъезжие

исторической географии XVII в. М., 1974. С. 67–71. См. также: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 881. Описание этого дела см.: Оглоблин Н. Н. Обзорение... Ч. 3. С. 350–351.

¹⁹⁶ Ястребов Е. В. Указ. соч. С. 70.

¹⁹⁷ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 881, л. 329–336.

¹⁹⁸ Там же. Стб. 100, л. 292.

¹⁹⁹ Ср.: Ястребов Е. В. Указ. соч. С. 70.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 161.

караулы, а по воинским вестям на Ишим и на Тобол по очереди ж, да вверх по Пышме и по Исецким по всем слободам и острожком, и живут в тех слободах и острожках до зимнего времени, как снега большие укинут. Да они же... на Тюмени, на городе и на остроге с тюменскими казаки и стрельцы караулы караулят, и в Тоболску и на Тюмени... всякие городовые поделки делают»²⁰¹. Здесь, как видим, уже специально подчеркнута служба с другими категориями служилых людей («в ряд», т. е. аналогичного характера. На это имеется и прямое указание: «А рейтарские де службы в Тоболску, на Тюмени им, рейтаром, опричь ученья нет»²⁰². Впрочем, это явление не было чем-то исключительным. На территории Белгородского разряда, например, нередко были случаи использования солдат для военно-инженерных работ и строительства укреплений²⁰³. Даже в годы Русско-турецкой войны 1673–1681 гг., как отмечал А. П. Богданов, правительством царя Федора Алексеевича неоднократно издавались указы «использовать на строительстве новых укреплений... не только мобилизованное местное население, но и регулярные полки... заставляя их буквально рыть землю»²⁰⁴.

Вообще, на наш взгляд, главной особенностью тех лет было существенное понижение служебного статуса рейтар и драгун. Нельзя сказать, чтобы это стало результатом определенной политики местной администрации или центральной власти, скорее все произошло, по сути, само собой. Элитными частями тобольского гарнизона данные соединения перестали быть еще в ходе реформы П. И. Годунова, результаты которой были формально отменены, но фактически сохранились. Неудачные попытки восстановления разрушенного П. И. Годуновым, отъезд большей части иностранных офицеров-инструкторов, неучастие в боевых действиях – все это приводило к тому, что с каждым годом сибирские войска «нового строя» все больше теряли присущие им ранее характерные черты армейских соединений и сближались с остальными категориями служилых людей.

***

Реформа, проведенная тобольским воеводой П. И. Годуновым в 1667–1669 гг., открыла новый этап истории сибирских войск «нового строя». Специфика его заключается в том, что именно с начала 70-х гг. XVII в., после реформы П. И. Годунова, начинается постепенный упадок войск «нового строя» в Западной Сибири, который и привел в конечном счете к временному их исчезновению здесь. Он упразднил весь солдатский и

²⁰¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 295–296.

²⁰² Там же. Л. 296.

²⁰³ См.: Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 45, 102–110, 127–134.

²⁰⁴ Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 165.

большую часть рейтарского полка, организовав вместо них полк драгун. Однако в драгуны попало лишь незначительное число рейтар и солдат, большинство же вновь набранных людей с принципами регулярной службы не были знакомы. С этими событиями совпал по времени и отъезд из Сибири в Москву почти всех офицеров-инструкторов, командовавших соединениями сибирских полков на протяжении 60-х гг.

Драгун предполагалось разместить на постоянное жительство в построенных вдоль всей степной границы острогах и слободах, которые должны были образовывать своеобразную «засечную черту», преграждавшую путь отрядам враждебных кочевников. Специально подчеркивалась необходимость устройства их «против строения комарицких и олонецких драгун». Речь здесь шла о драгунских войсках, составленных из крестьян, дислоцированных на юго-западных и северо-западных границах России в конце 40-х – начале 50-х гг. XVII в. Эти драгунские соединения принимали активное участие в войнах с Речью Посполитой и Швецией. Казне же тратить на них почти не было необходимости, так как в мирное время эти драгуны жили за счет своего крестьянского хозяйства. В соответствии с этим были значительно уменьшены оклады денежного жалованья людям, служившим в сибирских полках. Вообще, деятельность П. И. Годунова можно оценить противоречиво. Приступая к проведению реформы, он всячески подчеркивал свою озабоченность низким уровнем боеготовности и материального обеспечения сибирских войск «нового строя». Однако предпринятые им действия свидетельствуют о том, что он относился к этим войскам скорее лишь как к очередному средству пополнить государственную казну. Так что его организационные и финансовые мероприятия никак не способствовали укреплению положения сохранившихся соединений рейтар и новоприборных драгун. На этой почве возникали многочисленные конфликты между служилыми людьми и воеводой, вылившиеся даже в открытый бунт в 1668 г. Да и довести до конца почти все свои начинания он так и не успел.

В целом деятельность П. И. Годунова сказалась на сибирских войсках скорее отрицательно, причем не только в плане сиюминутном, но и в долгосрочном. После отстранения П. И. Годунова от власти его преемник кн. И. Б. Репнин пытался в 1670–1672 гг. восстановить полк рейтар, однако не смог этого сделать. Все его действия свелись в итоге к сохранению сложившегося в результате незавершенных преобразований П. И. Годунова положения, характеризовавшегося постоянной нехваткой рядового состава рейтар и драгун, невысоким уровнем организации их материального снабжения, а также снижением их служебного статуса. Переход к занятиям, подобным тем, которые были характерны для всех остальных групп сибирского служилого населения, однозначно свидетельствует об этом. На это же указывают и относящиеся к данному периоду случаи верстания из рейтар в дети боярские и казаки (факт, для предшествующего десятилетия

неизвестный), не говоря уже о произошедшем «явочным порядком» объединении драгун с беломестными казаками на территории Тобольского уезда. Конечно, материальное положение сибирских драгун, имевших возможность вести собственное хозяйство, было достаточно стабильным и уж во всяком случае предпочтительнее, чем у рейтар, живших только на свое жалованье.

Однако все это означало также непригодность для службы в Сибири рейтарских и солдатских полков, составлявших к 70-м гг. XVII в. большинство войск «нового строя» в составе русской армии. Как показала практика, благополучно существовать здесь могли только поселенные драгуны, да и то лишь в качестве пограничной стражи. Кроме того, именно после реформы П. И. Годунова сибирские войска «нового строя» приобрели скорее иррегулярный характер, в то время как на территории Европейской России после завершения русско-польской войны с 1667 г. шел процесс дальнейшей реорганизации армейских соединений, имевший целью закрепление статуса регулярных войск за довольно значительной частью полков «нового строя» не только в военное, но и в мирное время. Этому не противоречит даже то обстоятельство, что и там «часть войск нового строя стала сблизжаться с ратными людьми поместно-приборной системы организации вооруженной силы»²⁰⁵. Как справедливо отмечают современные исследователи, «против даже такой, “удешевленной” армии... оказались бессильны и орды крымского хана, и казачьи полки турецких гетманов Украины, и повстанческая армия Степана Разина»²⁰⁶. Вспомним и об успешном отражении османского нашествия на Украину в первые годы Русско-турецкой войны 1673–1681 гг.

Итак, все собранные нами данные свидетельствуют о том, что в организационном отношении результатом незавершенных преобразований П. И. Годунова и неудавшихся попыток исправить ситуацию при его преемниках стала несомненная деградация сибирских войск «нового строя», что проявилось как в резком сокращении их численности, так и в утрате ими той внутренней структуры, которая была характерна для них на первом этапе существования и которая давала, собственно, нам право считать эти соединения полноценными полками русской армии. С конца же 1660-х гг. они приобрели иррегулярный характер, однако не потеряли еще своего особого положения в системе русских вооруженных сил на территории Западной Сибири. В то время как на территории европейской части страны шел процесс дальнейшего развития и укрепления полков «нового строя» как основной боевой силы в составе русской армии, а также завершалось формирование их стройной организации в виде военных округов (разрядов), соединения сибирских рейтар и драгун, напротив, переживали упа-

док. Такая ситуация и привела к тому, что в ходе военных преобразований, проводившихся правительством царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.), была предпринята попытка улучшить и упорядочить положение этих частей.

²⁰⁵ Малов А. В. Конница нового строя... С. 121.

²⁰⁶ Там же.

Глава III

СУДЬБА ВОЙСК «НОВОГО СТРОЯ»

В КОНЦЕ XVII в.:

ОТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

К АРМЕЙСКОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА I

1. Военные реформы 1677–1680 гг.

В начале 1676 г. умер царь Алексей Михайлович, и на престол вступил его старший сын Федор. В его короткое царствование (1676–1682 гг.) произошло немало значительных событий, одним из которых, в частности, стала военная реформа¹. Ее проведение диктовалось настоятельной необходимостью в условиях продолжавшейся Русско-турецкой войны 1673–1681 гг.² Характеризуя военные преобразования этих лет, А. П. Богданов справедливо отмечает, что «в условиях продолжающейся войны царь Федор Алексеевич энергично осуществлял военные реформы, изменившие саму структуру российской армии», хотя несколько преувеличенным представляется нам следующее его утверждение: «Реформы эти хотя в общем часто упоминаются в литературе, но рисуются достаточно туманно, чтобы читатель не отдавал себе ясного отчета, что именно разрушал и что “вперые” создавал в армии Петр I»³.

¹ О военной реформе см.: *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 187–198; *Богданов А. П.* Федор Алексеевич // Романовы. Исторические портреты. М., 1997. Кн. 1: 1613–1762. Михаил Федорович – Петр III. С. 156–197. О связи военных преобразований с другими реформами, предпринятыми в царствование Федора Алексеевича, см., напр.: *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич // Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 169–205; *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998. С. 77–150, 185–218.

² Датируем этот конфликт в соответствии с концепцией глубоко изучившего данную проблематику В. П. Загоровского (см.: *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 76–86).

³ *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. С. 151.

Сложившееся за многие десятилетия традиционное представление о царе Федоре Алексеевиче как о правителе слабым и несостоятельным, подверженном чужому влиянию, к тому же слабого здоровья в последние годы подвергнуто критике и существенно пересмотрено. Действительно, такие важнейшие мероприятия, как проведение в 1678–1679 гг. общей переписи тяглых дворов по всей стране и окончательный переход к подворной системе налогообложения, работа Собора государевых ратных и земских дел в 1680–1681 гг., результатом которой стал знаменитый указ об отмене местничества в январе 1682 г., и другие события, все они вряд ли могли быть осуществлены без личного участия самодержца или помимо его воли. Сложившаяся ситуация настоятельно требовала кардинальных решений: по словам А. П. Богданова, «к воцарению Федора Алексеевича в январе 1676 г. Россия пришла с повышенными налогами, экстренными поборами и разорительными откупам, истощенными мобилизационными ресурсами и расплывенными на огромном фронте войсками»⁴. В этих сложных условиях, как справедливо замечает другой современный исследователь, «правительство Федора Алексеевича провело ряд законодательных и организационных мероприятий, направленных на повышение эффективности вооруженных сил и управления ими»⁵.

Укажем на важнейшие составляющие данных преобразований. Среди них прежде всего необходимо отметить введение в 1680 г. на большей части центральной территории Русского государства военных округов (разрядов), подобных тем, которые уже существовали на пограничных окраинах (Белгородский, Севский и др., в Сибири – Тобольский, Томский, Енисейский разряды). Теперь к ним добавились Московский, Владимирский, Рязанский и Тамбовский разряды, в результате чего «вся территория государства... была организационно приспособлена к регулярной военной службе»⁶. Специфика разрядного управления определялась тем обстоятельством, что первый воевода каждого разряда являлся главой местной администрации в мирное время и командующим армией – в военное. Входящие в границы того или иного разряда уездные города превращались (в зависимости от того, какие армейские соединения там квартировали) в города полковые и корпусные (генеральские). Скажем, на территории Белгородского разряда «квартировали в соответствующих городах и носили их имена по рейтарскому и солдатскому полку в Курске, Белгороде, Козлове, Мценске и Ельце»⁷.

⁴ *Богданов А. П.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 175.

⁵ *Малов А. В.* Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отч. история. 2006. № 1. С. 127–128.

⁶ *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. С. 156.

⁷ *Там же.* С. 154.

Военно-окружная реформа Федора Алексеевича по-разному интерпретируется исследователями. Например, М. К. Любавский связывал ее с необходимостью наведения порядка «в области военно-финансового управления». Развивая свою мысль, он писал: «Для содержания войск в распоряжение военных начальников были отданы доходы с городов, принадлежащих к разряду, и все управление сосредоточивалось, в связи с этим, в главном городе военного округа. Такими мерами правительство облегчало казну от значительной части расходов – содержание войск без территориального размещения было бы очень трудно»⁸. Однако здесь, на наш взгляд, допущена не очень корректная модернизация, когда на события XVII столетия накладываются те мотивы, которыми руководствовался после окончания Северной войны Петр I, собираясь переложить все заботы по содержанию армии на плечи податного населения страны. Именно в 20-е гг. XVIII в. была опробована на практике эта модель, подразумевавшая расквартирование армейских частей по разным губерниям и уездам Российской империи. Ближе к истине, по нашему мнению, А. В. Малов, квалифицирующий эти меры правительства Федора Алексеевича как направленные на дальнейшую централизацию управления армией, когда «более четкая система управления стала в то же время и более жесткой»⁹.

В соответствии с уже сложившейся практикой на территории новых округов были сформированы разрядные полки установленного состава и численности. Результаты этого процесса А. В. Чернов охарактеризовал следующим образом: «Количество конных полков... было сокращено, а число пехоты значительно увеличено путем включения в разрядные полки всех московских стрельцов и массового перевода в солдатские полки городских стрельцов, казаков и людей пушкарского чина»¹⁰. Другим важным шагом стала централизация управления вооруженными силами – сосредоточение его в ведении всего трех приказов (Разрядного, Рейтарского и Иноземного), находившихся к тому же в руках одного человека – боярина кн. М. Ю. Долгорукова, чей отец, кстати, возглавлял Стрелецкий приказ, ведавший московскими стрельцами¹¹. Все эти меры были направлены на окончательное придание русской армии постоянного, а не временного характера, на превращение ее фактически в регулярную. В этой связи уместно напомнить, что ранее войска «нового строя» формировались, как правило, лишь на западных и южных границах Русского государства, так что взятый правительством курс на утверждение именно этих соединений в качестве основы вооруженных сил означал, помимо всего прочего, неизбежное появление их в центральных областях.

⁸ Любавский М. К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб., 2002. С. 134.

⁹ См.: Малов А. В. Конница нового строя... С. 128.

¹⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 190.

¹¹ Там же. С. 191–192; Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 157.

Наконец, для придания всем частям русской армии характера регулярного войска правительство Федора Алексеевича провело кампанию по очищению личного состава вооруженных сил от выходцев «из тягла». Для Сибири, впрочем, данное обстоятельство не играло заметной роли, хотя А. П. Богданов, например, утверждает, что «драгунские полки... в Сибири... состояли из крестьян, лишь на время военных действий призывавшихся в строй. Указами Федора Алексеевича их личный состав был возвращен в тяглые сословия...»¹² О том же упоминает и В. Д. Пузанов¹³. Однако, как мы уже отмечали, в рядах сибирских войск «нового строя» преобладали отнюдь не крестьяне, а представители различных групп русского служилого населения. Сначала были расформированы именно те полки (драгунские на юге и солдатские на севере), которые состояли в основном из крестьян, записанных вместе со своим хозяйством на военную службу.

Целью правительства было добиться того, чтобы на «полковой» (действительной) службе могли числиться «лишь ратные люди регулярных полков... дворяне – в коннице, служилые по прибору – в пехоте»¹⁴. Городовую службу, как дворянские сотни, так и стрельцов, казаков, пушкарей, воротников, затинщиков, планировалось искоренить вовсе: всех годных к строевой службе требовалось записывать в полки. Кроме того, проводилась очистка дворянского сословия от обедневших и неспособных к несению службы в конных полках дворян и детей боярских: их наравне с ранее служившими в коннице недворянами записывали в солдаты. Взамен «в регулярные полки вливалась масса призываемого на обязательную службу дворянства из центральных уездов»¹⁵. В целом стержнем всей реформы, несомненно, было то, что вся армия должна была строиться теперь именно на основе уже существовавших к тому моменту полков «нового строя», приобретавших характер регулярных войск. В этой связи понятен интерес, который новый царь проявил к судьбе сибирских войск «нового строя». Летом 1677 г. по его личному распоряжению в Сибирском приказе были собраны воедино все имевшиеся там документы и материалы, касавшиеся истории сибирских полков. Они были обобщены в обширном и подробном докладе, предназначенном для самого царя, дьяком Львом Ермолаевым¹⁶. Заслушав доклад, царь Федор обратил внимание на полное отсутствие именных списков рядового состава за время существования полков, а так-

¹² Богданов А. П. Федор Алексеевич. С. 175.

¹³ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр. Курган, 2000. С. 56.

¹⁴ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 157.

¹⁵ См.: Там же. С. 158–159.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 1–93. См. также: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4 ч. М., 1900. Ч. 3. С. 266.

же на крайнюю малочисленность сведений, поступавших в Сибирский приказ за последние годы. Поэтому в царской грамоте, отправленной 5 сентября 1677 г. в Тобольск, местным воеводам П. В. Шереметеву и И. И. Стрешневу было предписано «зделать в Тоболску рейтаром и салдатом и их начальным людем... имянные книги со 167 по 185 год с оклады, и прислать те книги особою статьею, да другие имянные книги 185 году зделать рейтаром же и драгуном. И впредь имянные книги рейтаром и драгуном и начальным людем с оклады и крепостям от воинских людей присылать по вся годы к Москве в Сибирской же приказ со сметными и пометными списками и с ыными имянными книгами вместе»¹⁷.

Таким образом, правительство и лично царь продемонстрировали свое желание получить возможно более полное представление о сибирских войсках «нового строя», их прошлом и настоящем положении. Помимо этого в грамоте содержались конкретные указания относительно личного состава этих войск, в частности, об отставке из драгун всех «тяглых» людей и их родственников, «а в драгуны в их место написать стрелецких и казачьих детей, чтоб однолично в драгунах и ни в каких служивых чинех тяглых людем не бьлю». Относительно же рейтар здесь только подчеркивалась необходимость более четкого соблюдения ими своего служебного статуса: «Никуда их опричь рейтарские службы однолично не посылать и не отпускать, чтоб им напрасно нашего, великого государя, жалованья не давать»¹⁸.

Какова была реакция тобольских властей на данный указ, установить не удалось. Судя по всему, ее так и не последовало, поскольку через полгода, 12 февраля 1678 г., в Тобольск была направлена новая грамота, подтверждавшая предыдущее распоряжение: «И вам, боярину и воеводам, велено зделать против нашего, великого государя, указу сметные и пометные списки и книги за дьячьёю приписью... и о том к нам, великому государю... не писано, и книги рейтаром и драгуном и рейтарским и драгунским начальным людем не присланы»¹⁹. О разборе же личного состава обоих контингентов в этой грамоте вообще не упоминалось. По-видимому, правительство нашло нужным сначала получить всю необходимую информацию о сибирских войсках, а уже потом приступить к их реорганизации. Однако даже такое скромное желание оказалось, как видим, сопряжено с преодолением некоторых трудностей, заключавшихся прежде всего в позиции местных властей, отнюдь не склонных к моментальному исполнению поступавших из Москвы распоряжений.

Повторное требование подстегнуло тобольских воевод. В конце 1678 — начале 1679 г. тобольским письменным головой Федором Поленовым были

составлены и отосланы в Москву именные росписи драгун и беломестных казаков по острогам и слободам Тобольского уезда²⁰. (Анализ содержащихся в них сведений проведен ниже.) Однако к этому времени правительство уже переключило свое внимание на другие проблемы, решив, судя по всему, действовать независимо от наличия или отсутствия запрашиваемой информации.

Дело в том, что еще 16 марта 1678 г. в Сибирский приказ поступила челобитная 56 тюменских рейтар по поводу невыплаченного им за прошлые годы жалованья с перечислением всех их служб. По этому делу в Сибирском приказе была составлена обширная выписка, где были сведены воедино все известия о службах рейтар в Сибири с момента их появления там²¹. Заканчивалась она расчетом, сколько денег потребуется на то, чтобы выплатить тюменским рейтарам все долги: сумма эта составила 3 164 руб. Далее последовал «приговор» главы Сибирского приказа боярина Р. М. Стрешнева и его помощника стольника Б. Ф. Полибина по этому делу от 6 сентября 1678 г., из которого явствовало, что они «велели на Тюмени рейтар отставить, а в Тоболску быть... из верстаных детей боярских и из литвы до указу»²². Это решение было обосновано многими аргументами начиная со ссылок еще на отписки кн. И. Б. Репнина о том, что «рейтары де государеву жалованье емлют большое, а службы служат с сибирскими служилыми людьми неровные, и то временем», и заканчивая информацией из той же челобитной о том, что рейтар посылают «за государевыми казнами и со всякими делы к Москве и в ыные сибирские посылки, где посылаваны наперед сего казаки и стрельцы»²³.

Здесь же содержалась подробно составленная инструкция о том, в какие чины и оклады следует переводить рейтар с учетом того, где они служили прежде. В частности, Р. М. Стрешнев и Б. Ф. Полибин распорядились: «Быть им, отставным тюменским рейтаром, которые взяты были на Тюмени из верстаных детей боярских и литвы и литовского списку и ис конных казаков в прежних их чинех и окладах, хто ис какова чину и окладу взят был, а будет в их места и оклады в дети боярские и в казаки и в стрельцы поверстаны, и тех людем отставить»²⁴. Впрочем, тех, кто до зачисления в полк рейтар уже нес какую-либо службу, среди тюменских челобитчиков насчитывалось совсем немного, лишь 14 человек: бывший сын боярский Андрей Щипунов да выходцы из «литвы» и конных казаков²⁵. Большинство (42 человека) до вступления в ряды рейтар нигде не служили.

²⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 180–262.

²¹ Там же. Л. 274–305.

²² Там же. Л. 306.

²³ Там же. Л. 307.

²⁴ Там же. Л. 307–308.

²⁵ Там же. Л. 296–297.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 97–98.

¹⁸ Там же. Л. 98–99.

¹⁹ Там же. Л. 106–107.

Среди них мы находим еще троих отпрысков детей боярских, все остальные представляли семьи «литвы» и конных казаков²⁶. Относительно этих людей было решено следующее: «А которые взяты были на Тюмени в рейтары ис казачьих и стрелецких и иных служилых людей дети и братья родные неверстаные, и тем быть в выбылых окладах отцов их и дядей и братьей, а оклады им чинить ис тех выбылых окладов новичьи меньшие статьи, а прежь их в те выбылые места и оклады однолично никого не верстать»²⁷. Не было забыто и требование царя Федора Алексеевича очистить ряды вооруженных сил от выходцев из «тягла»: «А которые в рейтарех же были и в иных служилых чинех есть ис посадцких и ис пашенных и из оброчных крестьян и из гулящих людей, и тем быть всем по прежнему в тягле, где кто был»²⁸.

Все указанные формулировки повторялись в отправленной в Тобольск царской грамоте от 30 ноября того же года. К сожалению, дальнейший ход этого дела восстановить не удалось, поскольку ни в одном из изученных нами документов, относящихся ко времени после 1678 г., о рейтарах (не только тюменских, но и тобольских) более не упоминается. Тем не менее в нашем распоряжении имеется ряд косвенных свидетельств, которые и позволяют предположить, что же произошло в дальнейшем. В одной из окладных книг жалованья служилых людей Тобольска есть упоминание о том, что еще 14 июня 1678 г. местными воеводами был получен царский указ, предписывавший «отставить» от службы всех лиц, поверстанных в «выбылые» оклады из «тяглых» групп сибирского населения (крестьяне, посадские, ссыльные, «гулящие» люди, а также их родственники) после 1663 г., а до этого нигде не служивших²⁹.

Тобольский воевода П. В. Шереметев своей властью произвел «разбор», а также необходимые отставки среди всех групп служилых людей: «И тех велели отставить, и оклады и придача у них взяты и положены в выбылые оклады»³⁰. Более того, заботясь об интересах казны, он не стал отменять те верстания, в результате которых новые оклады жалованья служилым людям были «учинены перед прежними их оклады с убавкою», зато в тех случаях, когда, наоборот, выяснялось, что «они переведены из малых окладов в болшие оклады»³¹, воевода реагировал моментально.

Однако ни рейтары, ни драгуны данным разбором охвачены не были. Лишь после получения из Москвы царской грамоты о расформировании подразделения рейтар в Тюмени, попутно требовавшей также распростра-

²⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 297–299.

²⁷ Там же. Л. 308.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 2.

³⁰ Там же. Л. 2 об. – 3.

³¹ Там же. Л. 3–3 об.

нения действия указа об очищении сибирского служилого сословия от выходцев «из тягла» и на войска «нового строя», были отправлены в отставку несколько десятков тобольских рейтар, чье социальное происхождение не соответствовало заявленным требованиям³². Впрочем, решающим обстоятельством в данном случае оказался срок их службы: в биографических справках по каждому из 51 человека, затронутых этим решением, сказано о зачислении в рейтары уже после 1663 г. А поскольку перевод в рейтары неизменно сопровождался значительным повышением оклада денежного жалованья, П. В. Шереметев, следуя упомянутой выше политике экономии средств, неизменно распорядился отправить этого человека в отставку, «а оклад ево положен в выбылые рейтарские оклады».

Все указанные меры укладывались в рамки взятого правительством курса на комплектование рейтарских частей исключительно из дворян и детей боярских. Различие состояло лишь в том, что в Сибири большинство рейтар составляли служилые не «по отечеству», а «по прибору», которых в европейской части страны старались в эти годы переводить в солдаты (см. выше). Тем не менее следует предположить, что большая часть рейтар на территории Тобольского разряда еще продолжала нести свою службу. Кроме того, в грамоте речь шла лишь о тюменских рейтарах, контингент которых, вероятно, и был расформирован в начале 1679 г., а насчет тобольских предписывалось ждать нового «государева указа». К сожалению, нам не удалось установить, последовал ли такой указ, и когда это произошло. Тем не менее и на этот счет имеются некоторые косвенные свидетельства.

В окладной книге жалованья тобольских служилых людей, датированной 1702 г., приведен список бывших рейтар, раскассированных по различным категориям³³. В частности, в нем указаны 55 казаков «литовского списка» и 64 конных казака. Вероятно, это и есть та часть тобольских рейтар, которая еще продолжала нести службу в 1678 г., но вскоре после этого была переведена в состав вышеупомянутых групп служилого населения. Можно предположить, что аналогичная история произошла и с рейтарами, служившими в Таре. Дело в том, что в грамоте от 30 ноября 1678 г. о тобольских рейтарах сказано следующее: «И ныне мы, великий государь, указали... в Тоболску в рейтарех быть по прежнему... указу из верстаных детей боярских и из литвы»³⁴. Далее приведена ссылка на уже известный нам наказ царя Алексея Михайловича воеводе кн. И. А. Хилкову о наборе

³² Полностью текст этой грамоты см.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 315–331. Список раскассированных тобольских рейтар см.: Там же. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1, л. 145–170.

³³ Там же. Ф. 214, оп. 1, кн. 474, л. 203–209. Аналогичный список бывших рейтар, относящийся к более раннему времени (1696 г.), находим в одном из сборников опубликованных документов (см.: Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 49–51).

³⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 322.

в полк рейтар людей, принадлежавших именно к этим категориям служилого населения. Однако к 1678 г. таковых среди них насчитывались единицы, большинство составляли те, кто до записи на рейтарскую службу нигде не служили: дети «литвы», конных казаков и пр. С учетом описанного в грамоте механизма перевода таких людей в чины и оклады их отцов, разработанного для рейтар Тюмени³⁵, у нас имеются основания предполагать, что такая же процедура была в конечном счете проделана и с рейтарами Тобольска и Тары.

Существует еще одно подтверждение данной версии. В уже упоминавшейся книге 1702 г., да и в более ранних, в составе казачьих сотен в обязательном порядке выделены в особые списки казаки, «которые из рейтар». При сравнении этих списков с известными нам данными по личному составу сибирских рейтар на конец 1670-х гг. оказывается, что совпадает в них не более трети всех имен³⁶. Большинство же среди казаков, «которые из рейтар», в начале XVIII в. составляли отнюдь не сами бывшие рейтары, а уже их сыновья, поверстанные в оклады своих отцов, с которыми последние зачислялись в состав соответствующих групп служилого населения Тобольска. Например, в списках личного состава тобольских рейтар за 1676 г. мы находим Воина Чернцова, а в списке 1702 г. казаков «литовского» списка, которым велено быть из рейтар», видим Ивана Воинова сына Чернцова; в 1676 г. служил в рейтарах Афанасий Ясырев, а в списке 1702 г. конных казаков, «которые из рейтар», находим Григория Афанасьева сына Ясырева, и т. д. Таких примеров можно привести очень много³⁷.

Подобная практика, как отмечалось в гл. II, существовала и на протяжении 70-х гг. XVII в., когда некоторые рейтары переводились в дети боярские или в казаки, не теряя своего оклада денежного жалованья. Делалось это местной администрацией, прежде всего для того, чтобы в максимально возможной степени не допускать существования так называемых выбылых, т. е. никому не принадлежавших окладов жалованья. Поэтому логично предположить, что в ходе окончательного расформирования контингента рейтар в Тобольске и перевода их в состав традиционных категорий сибирских служилых людей был применен тот же принцип разверстки по окладам. Этот принцип соблюдался затем и в отношении сыновей бывших рейтар, благодаря этому унаследовавших от отцов особый статус. Процесс этот, вероятнее всего, был завершен уже в течение 1679–1680 гг.

³⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 325–327.

³⁶ Данные за 1702 г., в частности, свидетельствуют, что из 128 человек, записанных под рубрикой «из рейтар», в 1676 г. несли службу лишь 43 человека: 18 казаков «литовского» и «новокрещеного» списков, 25 конных казаков. Ср.: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 607, л. 22–27; Там же. Кн. 474, л. 203–209.

³⁷ Ср.: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 607, л. 22–27 (список 1676 г.); Там же. Кн. 474, л. 203–209 (списки 1702 г.).

Таким оказался финал существования на территории Западной Сибири подразделений рейтар в составе войск «нового строя».

Подобный исход оказывается легкообъяснимым с учетом требования однородности состава для большинства рейтарских и солдатских полков, лежавшего в основе преобразований, проводившихся правительством Федора Алексеевича. Контингент сибирских рейтар, состоявший из представителей различных групп служилых «по прибору», конечно же, ему не соответствовал. Для сравнения: когда зимой 1679/80 г. проводился «разбор» Белгородского разрядного полка, потребовалось пересмотреть, все ли рейтары «оказались достаточно материально обеспеченными и боеспособными»³⁸. В условиях еще не закончившейся русско-турецкой войны за Украину, как справедливо отмечал В. П. Загоровский, «русское правительство стремилось в первую очередь укрепить наиболее боеспособные части южной армии – рейтарские полки»³⁹.

По результатам смотра было решено «6 000 человек записать в рейтары, остальных – в солдаты... Если в дальнейшем лица, записанные в рейтарские полки, не явятся по приказу на службу, их предписывалось переводить в солдаты, а поместья отбирать». В итоге «рейтары Белгородского полка были расписаны по 6 конным рейтарским полкам... Малопоместные и беспоместные люди распределялись по 10 солдатским полкам»⁴⁰. Если подобные меры предпринимались в отношении полноценных соединений, укомплектованных служилыми «по отечеству», то оказывалось неизбежным и расформирование малочисленных подразделений сибирских рейтар, из которых нельзя было составить даже одного полноценного полка.

Наряду с расформированием рейтар правительство, не дожидаясь поступления из Тобольска затребованных сведений, занялось делами сибирских драгун. Судя по всему, их собирались сделать реальной боевой силой, способной решать более значительные задачи, чем простая охрана границ. Драгун предполагалось реорганизовать таким образом, чтобы составить из них полноценный полк. В связи с этим требовалось провести «разбор» среди уже служивших драгун и набрать на службу столько людей, сколько потребуется для организации полка численностью в 1 000 человек. Ход этих преобразований, а также их результаты кратко обобщены в одной из статей В. Д. Пузанова⁴¹. Тем не менее мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе более подробно и попытаться выяснить, в какой степени меры, предпринимавшиеся правительством, соответствовали реально сложившемуся к тому времени положению сибирских драгун, а также насколько они вообще были выполнимы.

³⁸ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 113.

³⁹ Там же. С. 112.

⁴⁰ Там же. С. 113.

⁴¹ См.: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 56–59.

В упомянутой ранее грамоте от 30 ноября 1678 г., посвященной тюменским рейтарам, шла речь и о тобольских драгунах. В частности, в ней сказано следующее: «Учинить против московские пехоты пешим казаком и стрельцом и драгуном для степных служб и посылок и городовых и острожных и всяких приступов списы долги да полупики с копы, да подевать брусье, и те полупики учинить в брусье рогатками. А брусье делать лехкие, чтоб мочно и на лошади вести, и на концах бы тово брусья были оковы с крюки...»⁴² Таким образом, речь идет о перевооружении некоторых частей гарнизона Тобольска, а также размещенных по слободам драгун по образцу московских войск. Там же сказано: «И к прежним драгуном прибрать и написать стрелецких и казачьих детей и братью в драгуны, и учинить драгун по посылкам ис Тоболска и Тоболского розряду в городех и в уездех, где от воинских людей драгуны надобны, полк тысячу человек и учить их драгунскому строю. А которые в прежних драгунах ис прихожих русских городов и из сибирян ис посадских и ис пашенных и оброчных крестьян и из ьных чинов тяглых людей и их дети и братья и племянники, и тех всех тяглых людей против прежнего нашего, великого государя, указу из драгун отставить, и быть им по-прежнему в тягле»⁴³.

В принципе можно говорить о том, что здесь представлена развернутая программа действий по упорядочению и укреплению драгунской службы на территории Западной Сибири. Именно так оценивают ее большинство современных исследователей. А. П. Богданов связывал эти меры с политикой избавления от «белых» (нетяглых) дворов: «Поэтому в Сибири в тягло возвращались также... беломестные казаки, но поскольку последних оставалось еще много, их велено было перевести в городскую службу и драгуны... Сибирские драгуны предназначались для защиты мелких поселений»⁴⁴. В. Д. Пузанов также подчеркивал, что «этим был отменен указ Алексея Михайловича о невыдаче беглых, записавшихся в ратную службу»⁴⁵. Однако никто из них не ставил вопрос о том, насколько соответствовали намеченные меры тем тенденциям, которые были характерны для эволюции сибирских контингентов войск «нового строя», на протяжении предыдущего десятилетия уже приобретшей достаточно специфический характер, что неоднократно отмечалось нами выше. Этим, на наш взгляд, и объясняется то обстоятельство, что упомянутые исследователи не сомневались в исполнении всех этих указаний с надлежащей степенью точности, даже не задумываясь о том, были ли они выполнимы в принципе.

Дальнейшие события показали, что выполнимость данной программы фактически была равна нулю. В отписке из Тобольска от 18 марта 1679 г.

⁴² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 329.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 152.

⁴⁵ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 56.

воеводы Шереметев и Глебов нарисовали прямо-таки удручающую картину: «Драгун, государь, прибрать тысячи человек и исполнить полк не ичево, по твоему, великого государя, указу и по грамотам пашенные и оброчные и тяглые люди и их дети и братья и племянники отставлены, а затем, государь, драгунских природных и стрелецких и казачьих детей и братья и племянников осталось малое число...». Кроме того, они подчеркивали, что в том случае, если «в драгуны в выбылые места верстать и вновь прибирать стрелецких и пеших казаков детей и братью и племянников, и им твоего, великого государя, жалованья по девять рублей человеку дать нечего, в твоей, великого государя, казне в Тоболску денег нет. А охочих, государь, стрелецких и казачьих детей и братья и племянников в драгуны нет же, да и начальных, государь, людей с драгуны, кому б пехотное ученье за обычай, нет. А которые, государь, в острогах и в слободах начальные люди ис тобольских детей боярских у драгун и есть, и им пехотное драгунское ученье не за обычай»⁴⁶. Таким образом, необходимые отставки в соответствии с царскими указами тобольские воеводы производили практически сразу, а вот с набором людей на службу возникали большие проблемы.

Однако даже такое положение дел не остановило правительство, и 21 мая последовал новый царский указ: «В Сибири к прежним драгунам, которые не ис тягла, написать в драгуны из драгунских детей и братья, которые похотят и челобитные о том учнут приносить, людей добрых, ково б з драгунскую службу стало. Да в Тоболску стрельцов и пеших казаков детей и братья и племянников выбрать триста человек или сколько доведетца и послать их к прежним драгуном в прибавку...» В случае же, если «тех тобольских стрельцов и пеших казаков детей и братья и племянников к прежним нетяглым драгуном будет мало», тобольским воеводам рекомендовалось «о прибавке к тем тобольским новым драгуном писать... на Тюмень, в Туринской, на Верхотурье к воеводам, чтоб они выбрали и послали стрельцов и пеших казаков детей и братью и племянников людей добрых, ково б з драгунскую службу стало, сколько человек... будет надобно». Не забыто было и о жалованьи: «На подмогу деньги и кумачи тем новоприборным драгуном посланы с Москвы... а о драгунских начальных людех и о ружье наш, великого государя, указ к вам послан, а бердыши и замки к мушкетом будут с Москвы присланы»⁴⁷.

Грамоты почти аналогичного содержания были направлены и воеводам других сибирских городов: 31 мая – в Туринск, Красноярск и Кузнецк, 2 июня – в Тюмень, 9 июня – на Верхотурье. Каждая из них предписывала местным воеводам сделать то, о чем должен был их попросить тобольский воевода П. В. Шереметев, а именно: «Чтоб выбрали и послали вы стрель-

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 333–335.

⁴⁷ Там же. Л. 336–338.

цов и пеших казаков детей и братью и племянников, людей добрых, ково б з драгунскую службу стало, сколько человек против нашего, великого государя, указу будет надобно»⁴⁸. Кроме того, предписывалось обязательно информировать царя о том, что именно будет сделано, прислать в Москву соответствующие отписки и роспись людей, взятых в драгуны. Если бы все намеченные здесь меры были выполнены, то в Сибири, несомненно, появился бы полноценный драгунский полк.

Однако этого не случилось, хотя В. Д. Пузанов, перечисляя в одной из своих статей приведенные выше меры, судя по всему, не сомневается в том, что они были выполнены с надлежащей точностью: «Преобразования 1679 г. стали вторым после реформ П. И. Годунова серьезным шагом по формированию драгунского полка в Южном Зауралье... Унификация служилых людей позволила усилить состав зауральских драгун до планируемой цифры в 1 000 чел.»⁴⁹ Однако такое утверждение представляется нам результатом недостаточно полного изучения всех имеющихся на этот счет данных. Как показано ниже, численный рост драгунского контингента был достигнут отнюдь не за счет записи в драгуны стрельцов и пеших казаков или же их детей и родственников.

Известные нам документы второй половины 1679 г., направлявшиеся из Тобольска в Москву, не содержат каких-либо сведений о подобном масштабном наборе в драгуны. Вместо этого 11 июля из Тобольска в Москву была отправлена воеводская отписка с приложенной к ней росписью драгун и беломестных казаков, живших в острогах и слободах Тобольского уезда, составленная письменным головой Ф. Поленовым, после чего в Сибирском приказе занялись личным составом драгун. В царской грамоте от 12 сентября 1679 г. тобольским воеводам предписывалось «в городех и в острогах и в слободах про драгун и беломесных казаков, которые в переписных книгах Федора Поленова написаны, выписать про всякого человека подлинно порознь»⁵⁰, т. е. провести очередной их «разбор». При этом указывалось обратить внимание на их происхождение и очистить ряды драгун и беломестных казаков от всех выходцев «из тягла». Кроме того, теперь предлагалось записывать в драгуны и всех беломестных казаков, выходцев «не из тягла». В соответствии с полученными сведениями предполагалось произвести распределение между ними вооружения, а также передел выделенных ранее драгунам земель.

В конечном счете московское правительство собиралось расквартировать получившееся драгунское соединение по всем острогам и слободам Тобольского уезда. Кроме того, собирались еще «учинить сверх тысячи человек для караулов и посылок к пушкарям и к затинщиком в прибавку

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 111.

⁴⁹ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 57.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 382–383.

драгунов же по три и по четыре и по пяти человек в слободе, где сколько пристойно, из беломесных казаков, которые не ис тягла»⁵¹. Такие же меры предполагалось осуществить и в отношении сотни беломестных казаков Верхотурского уезда, в связи с чем десять дней спустя грамота аналогичного содержания была направлена местному воеводе Р. М. Павлову⁵². Однако и эту программу было нелегко выполнить, прежде всего в связи с тем, что отдельные отряды драгун и беломестных казаков, не совпадавшие по численности, были разбросаны по разным слободам и острогам. Наглядное представление об их территориальном размещении дают сведения, содержащиеся в упомянутых выше переписных книгах (табл. 8).

Таким образом, фактические данные свидетельствуют о том, что существенных изменений внутренней структуры контингента сибирских драгун со времени преобразований П. И. Годунова практически не произошло: то же отсутствие четкого деления на роты, та же неравномерность распределения по отдельным острогам и слободам. Впрочем, в 1679 г. мы еще можем наблюдать относительно упорядоченное размещение драгунских отрядов на территории Тобольского уезда: согласно данным росписи их присутствие отмечено лишь в 3 острогах и 8 слободах.

Иначе обстояло дело с беломестными казаками. Проблема не столько в том, что характер их службы принципиально отличался от службы драгун, сколько в их малочисленности и разбросанности по множеству острогов и слобод (по сведениям Ф. Поленова, они дислоцировались в 23 пунктах группами численностью 6–8, реже – 10 человек). Поэтому ясно, что запись их в драгунскую службу неизбежно должна была иметь чисто формальный характер, не влияя на их положение. В результате драгунский «полк» становился еще более рыхлым и аморфным соединением, окончательно утрачивая те качества, которые ранее позволяли относить его к «регулярным» войскам. В сравнении с ним таковыми можно считать даже солдатские полки на юге европейской части страны. Хотя служившие в них люди также наделялись землей по местам своего проживания, там все же сохранялась свойственная армейским частям внутренняя организация. Характеризуя эти соединения, В. П. Загоровский отмечал: «В уездах, подверженных татарской угрозе, должны были находиться полковники и «начальные люди» солдатских полков. Именно здесь проживало большинство солдат-однодворцев»⁵³.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 267–268.

⁵² См.: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 70–72; ДАИ. СПб., 1859. Т. 7, № 74. С. 354–356; РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 263–269.

⁵³ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 34.

Таблица 8

Численность и места дислокации драгун и беломестных казаков на территории Западной Сибири в 1679 г.*

Места дислокации	Драгуны, человек	Беломестные казаки, человек
Барневская слобода	—	4
Беляковская слобода	8	7
Бешкильская слобода	9	10
Новая Буткинская слобода	—	6
Исетский острог	52	8
Калиновская слобода	—	6
Катайский острог	52	6
Киргинская слобода	—	10
Колчеданский острог	38	—
Красномысская слобода	—	4
Красногорская слобода	13	10
Куярская слобода	—	4
Маслинская слобода	13	6
Мехонинская слобода	69	4
Миасская слобода	—	6
Мурзинская слобода	—	7
Верхняя Ницынская слобода	—	6
Нижняя Ницынская слобода	—	8
Суерская слобода	—	8
Терсюцкая слобода	31	6
Утятская слобода	—	6
Чубаровская слобода	—	6
Шадринская слобода	28	6
Ялуторовская слобода	50	4
Всего	363	148

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 180–262, 356–365.

Однако, по справедливому замечанию В. П. Загоровского, «в последней четверти XVII в. русское правительство начинает проводить более решительную линию на отрыв солдат от пашни, вменяет в обязанность содержать ее остающимся дома родственникам и соседям. Военная служба все более теряет поместный характер»⁵⁴. Поэтому мы можем говорить о том, что эволюция контингента сибирских драгун шла в направлении, про-

⁵⁴ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 45–46.

тивоположном тому, который был характерен для войск «нового строя» в Европейской России в указанный период времени.

Записью в драгуны только беломестных казаков, очевидно, невозможно было решить поставленной задачи – довести их численность до 1 000 человек. Поэтому пришлось прибегнуть к использованию дополнительных источников. В росписи 1679 г. помимо самих драгун и казаков перечислены также их «дети, братья и племянники», которых насчитывалось, если верить этим данным, 373 и 153 человека соответственно⁵⁵. Таким образом, для исполнения упомянутого выше царского указа от 12 сентября 1679 г. неизбежно требовалось записывать в драгуны и всех этих людей (насколько они были способны к несению такой службы – вопрос другой).

Предпринятые на протяжении 1678–1679 гг. меры можно считать последней попыткой реорганизации сибирских войск. После 1679 г. сведений об интересе к ним со стороны центральной власти в известных нам источниках не встречается. Суть этой попытки определяется двумя аспектами: во-первых, она представляется, по-видимому, единственной, в результате которой численность одного из соединений сибирских войск «нового строя» (драгунского) не только не уменьшилась, но даже увеличилась; во-вторых, она является типичной в плане соответствия (точнее, несоответствия) достигнутых результатов изначально поставленным задачам. Эти результаты в конечном счете определили дальнейшую судьбу сибирских войск на протяжении последующего десятилетия.

Итак, в начале 1678 г. правительством царя Федора Алексеевича в рамках развернутых в масштабе всей страны военных преобразований была подготовлена обширная программа реорганизации войск «нового строя» в Сибири. Цели ее, собственно, лежали на поверхности и состояли в том, чтобы вернуть этим соединениям те принципы внутреннего устройства, служебный статус и функции, которые были свойственны им в 60-х гг. XVII в., когда эти войска играли заметную роль в составе русских вооруженных сил на территории Западной Сибири, но позднее были утрачены в результате незавершенной реформы П. И. Годунова. Однако в изменившихся к этому времени условиях вряд ли можно было рассчитывать на неукоснительное выполнение намеченных задач. Тобольским воеводам и другим представителям местной администрации это было ясно с самого начала, постепенно это осознала и центральная власть. Возможно, прав А. В. Малов, считая, что для эффективности армейских преобразований «требовалась реформа финансово-фискальной системы государства с повышением контроля за оборотом и прохождением денежных и материальных средств. Однако все попытки Федора Алексеевича пополнить казну потерпели фиаско... Денег на армию найти так и не смогли»⁵⁶. Спустя не-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 362.

⁵⁶ Малов А. В. Конница нового строя... С. 128.

сколько десятилетий Петр I, как известно, пытался решать эту проблему введением подушной подати и передачей функций по ее сбору с населения страны в руки военных.

В итоге практически ничего из намеченного сделано не было, вместо этого началось искусственное расширение состава драгунских отрядов за счет беломестных казаков. Впрочем, собственно реорганизация 1678–1679 гг. драгун еще почти не коснулась, а свелась в основном к упразднению соединений рейтар в городах Западной Сибири. Это неудивительно, поскольку с вопроса об их дальнейшей судьбе и начиналась в свое время подготовка всех этих преобразований. Результаты же пополнения рядов драгун казаками сказались уже позднее, за пределами рассматриваемого периода. Поэтому сейчас достаточно констатировать провал большей части начинаний царствования Федора Алексеевича в отношении сибирских войск «нового строя» (в отличие от успешно преобразованных армейских соединений, дислоцировавшихся в европейской части страны), а последствия этого рассмотреть ниже, характеризуя их судьбу на протяжении последних двух десятилетий XVII в.

2. Сибирские драгуны в 80-х гг. XVII в.

Итак, обширная программа реорганизации драгунской службы в Сибири свелась в итоге лишь к пополнению рядов драгун беломестными казаками и их «детьми, братьями и племянниками». Целью этой акции было хотя бы формально довести численность сибирских драгун до требуемой московским правительством цифры в 1 000 человек. К сожалению, по изученным нами источникам невозможно детально проследить ход этого процесса, так что приходится ограничиваться лишь косвенными свидетельствами. В большинстве документов за 1679–1681 гг. повторяются (с незначительными отклонениями) одни и те же цифры численности драгун, основанные еще на переписи Ф. Поленова, данные которой мы анализировали выше⁵⁷. Лишь в докладной выписке Сибирского приказа, составленной уже после получения этих данных, можно обнаружить сведения о действиях, предпринятых за эти годы тобольской администрацией. В частности, в ней упоминалось об отставке «в пашню» 73 драгун и 138 беломестных казаков как выходцев «из тягла»⁵⁸. Вслед за этим должна была последовать запись в службу драгунских «детей, братьев и племянников».

Однако если отставки среди драгун, судя по всему, действительно могли быть произведены, то в отношении беломестных казаков с полной

⁵⁷ См., напр.: РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 543, ч. 1, д. 1, л. 2–41; ф. 214, оп. 1, кн. 659, л. 3–9. Здесь численность драгун определяется в 350 и 343 человек соответственно.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 362.

уверенностью утверждать подобного мы не можем, ибо приведенное выше число «отставленных» представляется, мягко говоря, нереальным. Даже с учетом наличия еще сотни беломестных казаков, служивших по Верхотурскому уезду⁵⁹, а также полутора сотен их родичей, годных «в службу», в высшей степени сомнительно, чтобы тобольские воеводы могли пойти на столь масштабные «разбор» и сокращение численности казаков на подведомственной им территории. Логичнее, на наш взгляд, предположить, что местные власти, произведя очищение личного состава драгун от выходцев из тяглых сословий, не стали распространять эти меры на беломестных казаков, поскольку иных способов достичь поставленной цели – получить размещенный по слободам и острогам контингент численностью 1 000 человек – просто не существовало.

Таким образом, в Сибири не был до конца соблюден принцип очищения от выходцев «из тягла» всех контингентов вооруженных сил, что автоматически придавало «сибирскому войску» иррегулярный характер. В этом смысле очевидно существенное отличие от положения дел даже в солдатских полках на южной границе Европейской России, укомплектованных в основном помещиками-однодворцами. Впрочем, исследователями отмечалось также и то, что «зачисление в солдаты стрельцов, казаков и других ратных людей городской службы снизило качественный состав регулярной пехоты, так как эти ратные люди несли солдатскую службу не постоянно, а через год, посменно»⁶⁰. На примере сибирских драгун эта тенденция проявлялась еще более отчетливо. К более подробному анализу численности и размещения драгун и казаков мы еще вернемся, пока же обратим внимание на материальную сторону службы драгун на протяжении этого десятилетия.

Как мы уже упоминали выше, еще в мае 1679 г. для выплат жалованья как прежним драгунам, так и тем, кого предполагалось записать в их ряды, из Москвы были отправлены некоторые денежные суммы, а также значительное количество кумачей для раздач в зачет жалованья. Кроме того, новоприборных драгун собирались наделять землей в том случае, если его не располагала часть новобранцев, проживавших в слободах. Каждому из них полагалось выделить «по пяти десятин в поле, а в дву по тому же»⁶¹ (т. е. всего по 15 десятин. – *А. Д.*). Разумеется, размеры денежных выплат оставались неизменными еще со времен П. И. Годунова – по 5 руб. в год на одного человека. Казалось бы, при сохранении прежних окладов и расширении площади пахотных земель материальное положение драгун вообще

⁵⁹ Об этом см.: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 55.

⁶⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 191.

⁶¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 111–112, 264–265. См. также: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 56–57.

должно было стать беспроблемным, тем более что беломестных казаков, переводимых в драгуны, рекомендовалось оставлять служить в тех же острогах и слободах, где они жили ранее. Это обстоятельство специально подчеркивалось в тексте соответствующего царского указа: «А которые люди были в беломесных казаках... где доведется быть драгуном, и тех беломесных казаков ис тех острогов и слобод в иные места в драгуны не сводить, а велеть им быть в драгунех, где они жили»⁶². Однако фактические данные свидетельствуют скорее о том, что преобразования конца 70-х гг. не принесли сибирским драгунам сколько-нибудь значительной пользы.

Уже в 1683 г. драгуны десяти острогов и слобод, расположенных по р. Исети, били челом в Москве о выдаче им невыплаченного жалования за 1677, 1679 и 1681–1683 гг.⁶³ «Терпим мы всякую скудость, — жаловались они, перечисляя свои службы, — и посыланы мы, холопы ваши, с Енфимом Цыбиным для проводыванья серебряные руды, и с Михайлом Селиным под Уралские горы ходили ж, и с думным дворянином, с Яковом Тимофеевичем Хитрово, у рудных гор сидели... и город ставили, и в степь с ним... ходили, и голод и нужу терпели, и лошади опали, и оцынжали»⁶⁴. Резюмируя изложенное, драгуны уверяли, что они «обнищали и конскою силою оскудали и одолжали великим долгами». В ходе расследования, предпринятого Сибирским приказом, выяснилось, что из пяти с половиной тысяч кумачей, посланных еще при царе Федоре Алексеевиче специально для раздачи вновь набранным драгунам, в настоящее время осталось в наличии чуть менее полутора тысяч, да и те «лежали и долгое время портились»⁶⁵. Остальные по распоряжению тобольских воевод были использованы для выплат жалования другим категориям сибирского служилого населения в 1681–1682 гг., а часть отправлена в Томск.

Ситуация с выдачами жалования гарнизону Тобольска за указанные годы складывалась отчаянная. Действительно, по итогам, например, одного финансового года (1680/81) тобольская казна получила доходов на сумму порядка 14,5 тыс. руб., из них лишь чуть более половины (7,5 тыс.) в денежной форме, а все остальное — товарами. Общая же сумма годового жалования, подлежавшего выдаче, составляла 16 тыс. руб.⁶⁶ Реально выдано было на руки тобольским служилым 8,5 тыс. руб. (причем в аналогичной пропорции — деньгами и товарами), на долю драгун из этой суммы

⁶² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 267. О том же упоминает и Е. Вершинин (см.: Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 56).

⁶³ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 389–391.

⁶⁴ Там же. Л. 390.

⁶⁵ Там же. Л. 394–395.

⁶⁶ Там же. Л. 396.

пришлось только чуть более 1 000 руб.⁶⁷ За год до этого смогли получить жалование менее 300 драгун, при этом сумма, выдаваемая каждому из них, колебалась в пределах 1–3 руб. деньгами плюс упомянутые выше злополучные кумачи стоимостью чуть более 1 руб. за штуку⁶⁸. И в последующие годы, вероятно, положение не менялось.

В Сибирском приказе подсчитали, что для полного погашения задолженности за все годы драгунам потребуется выплатить 8 765 руб.⁶⁹, но дальше этого подсчета дело, видимо, не пошло. Во всяком случае, в 1684 г. в Москву поступила еще одна челобитная, теперь от драгун Мехонинской слободы, с аналогичной просьбой о выплате им денежного жалования (в размере порядка 1 500 руб.) за 1681–1684 гг.⁷⁰ Однако все подобные просьбы, судя по всему, оставались без ответа. Государственная казна после бурных событий 1682 г. (междоусобица, наступившее после смерти Федора Алексеевича, мятеж стрелецких полков в Москве) и так испытывала значительные трудности, поэтому центральной власти в эти годы было не до проблем сибирских войск.

При расследовании обоснованности жалоб драгун на их бедственное материальное положение вскрывались интересные факты о том, как исполнялись предписания царя Федора в предшествующие годы. В частности, челобитчики из Мехонинской слободы рассказывали о том, как «новоприборные драгуны прибраны, а на подмогу хлеба и денег ничего не дано, и ныне те новоприборные драгуны живут в старых местех, где кто жил, для того, что великих государей жалованьем не пожалованы, и на подмогу хлеба и денег не дано. А служба де нужная, непрестанно на конех отъезжие караулы, а им де лошадей без жалования взять негде и купить не на что. А старые де драгуны... живут в тех острогах, которые стоят от степи от приходу воинских людей и на отъезжих караулах непрестанно оберегают слободы»⁷¹. Это подтверждает сделанный нами вывод о тех результатах, к которым привели попытки реорганизации сибирских драгун: пополнению их рядов прежде всего беломестными казаками. По данным переписных книг за тот же 1684 г., «Тобольского уезду в розных в 32 острогах старых драгун 348 человек, новоприборных 310 человек, беломесных казаков 342 человека; всего старых и новых драгун и беломесных казаков 1 000 человек»⁷².

Сохранилось довольно значительное количество документов за 1686 г. Среди них имеется несколько докладных выписок о службе сибирских дра-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 397.

⁶⁸ Там же. Л. 450.

⁶⁹ Там же. Л. 398.

⁷⁰ Там же. Л. 462.

⁷¹ Там же. Л. 467–468.

⁷² См.: Там же. Л. 464.

гун и о выплатах им жалованья, составленных в Сибирском приказе. Судя по всему, упомянутые выше челобитные оказались не единственными, раз в Москве были вынуждены вернуться к этому вопросу⁷³. В результате практически одновременно были приняты два решения, по сути, противоречивших друг другу. С одной стороны, было решено удовлетворить просьбы сибирских драгун, и 3 мая 1686 г. глава Сибирского приказа боярин кн. И. Б. Репнин вынес свой «приговор»: послать драгунам Исетских острогов соболей на сумму 2 666 руб. для выплаты им жалованья за прежние годы. В подтверждение этого 30 мая в Тобольск была отправлена царская грамота соответствующего содержания, в которой в адрес местных воевод, в частности, говорилось: «И вы б велели в Тоболску в приказной избе току дачю под их имены отметить и послать ис Тоболска с челобитчики их, кого пригоже, и роздать то наше, великих государей, жалованье в острогах старым драгуном всем налицо». Однако в грамоте была еще и приписка, гласившая: «А впредь старым и новоприборным драгуном по нашему, великих государей, указу велено служить без денежного жалованья с пашни, и о том у них челобитные за руками не принимать»⁷⁴. Складывается впечатление, что в этом случае центральная власть решила пойти навстречу драгунам лишь для того, чтобы в дальнейшем исключить возможность повторных просьб и жалоб.

С другой стороны, именно в это время правительство попыталось упорядочить материальное снабжение сибирских драгун. Еще в одном из докладов на имя царевны Софьи Алексеевны упоминалось о том, что «по приговору стольника и воевод, Алексея Семеновича Шеина с товарищи, велено Тобольского уезду в слободах драгуном служить... без денежного жалованья с пашни, а для чего и по какому рассмотренью, того в отписке имянно не написано»⁷⁵. Таким образом, выяснилось, что местные власти перестали выплачивать драгунам денежное жалованье еще в 1681 г. Об этом упоминает также А. В. Малов, ссылаясь на рукопись диссертации А. В. Чернова⁷⁶. Теперь же решено было законодательно оформить эту практику, и в грамоте от 12 апреля 1686 г., отправленной в Тобольск, уже содержалось требование: «Денежнаго жалованья им не давать, а вместо того денежнаго жалованья пахать пашни, да им же к той пашне давать по три пуда соли человеку на год для того, что в Тобольском уезде под Исец-

⁷³ В 1686 г. в Москву прибыли Ф. Ясырь и Л. Буйдалин, чтобы от лица 348 драгун из 7 острогов и слобод по р. Исети просить о выплате им денежного жалованья за все предыдущие годы. Общая сумма долга превышала 6 тыс. руб. Подробнее об этом см.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 489–498, 570.

⁷⁴ Там же. Л. 499–499 об.

⁷⁵ Там же. Л. 455.

⁷⁶ См.: Малов А. В. Конница нового строя... С. 128.

кие остроги и под слободы приходу воинских людей не бывает, а в отъезжие станицы посылки им бывают малые»⁷⁷.

Кроме того, всем, кто впоследствии будет взят в драгуны, предписывалось выдавать по 2 руб. «на дворовое строенье» и на покупку лошади. Правда, оговаривалась и такая возможность: «Как прилучатца наши, великих государей, полковые службы, и их на те службы посылать и давать наше, великих государей, денежное жалованье по указным статьям»⁷⁸. Однако она имела чисто гипотетический характер, ведь даже в этой грамоте отмечалось отсутствие у сибирских драгун возможности принимать участие в боевых действиях, поскольку «приходу воинских людей не бывает». Поэтому мы можем сделать вполне обоснованный вывод, что в 1686 г. драгун окончательно перевели на службу «с пашни», оставив их без денежного жалованья. Впрочем, ничего принципиально нового в их службу эта мера не вносила, поскольку, как уже упоминалось выше, денежные выплаты фактически прекратились еще за пять лет до этого.

Данный указ распространялся и на драгунских офицеров, которых в грамоте от 31 марта того же года предписывалось набирать из тобольских детей боярских, но без изменения их денежных и хлебных окладов⁷⁹. На наш взгляд, имеются все основания утверждать, что к концу 80-х гг. XVII в. сибирские драгуны уже практически ничего не стоили государственной казне. Впрочем, подобная эволюция только подтверждает обозначившуюся ранее тенденцию к снижению их служебного статуса и объединению с остальными категориями тобольских служилых людей. Теперь сибирские драгуны фактически перешли «на самообеспечение». Впрочем, в аналогичном положении находились и солдаты из полков, дислоцированных на южной границе Европейской России, правда, с одним существенным отличием: «Солдат мог реально рассчитывать после нескольких лет службы получить землю не в общих полях, как стрельцы и казаки, а лично – по типу детей боярских»⁸⁰. В отношении драгун подобное было невозможно в принципе, как в силу их социального состава, так и по характеру их службы.

Какую же, на основании всего изложенного, можно дать общую оценку положению сибирских драгун на протяжении этого десятилетия? В первых, следует отметить окончательную утрату этим соединением всех признаков, позволявших ранее хотя бы формально относить его к числу «регулярных» (с учетом условности применения подобного термина к русской армии XVII в.). Это явилось непосредственным результатом тех мер (на практике значительно отличавшихся от первоначальной программы),

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 458.

⁷⁸ Там же. Л. 456.

⁷⁹ См.: Там же. Л. 460–461.

⁸⁰ Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 43.

которые были предприняты в конце царствования Федора Алексеевича и направлены на максимально возможное увеличение численности сибирских драгун путем механической записи в их состав большинства беломестных казаков Зауралья. Современные исследователи справедливо отмечают, что «по условиям службы и те и другие были близки друг другу»⁸¹. Завершился же этот процесс фактически объединением драгун с беломестными казаками путем перевода первых на службу «с пашни». Таким образом, теперь оставалось лишь формально упразднить драгун как отдельное соединение, поскольку все предпосылки для этого уже были созданы.

На этом фоне становится очевидным и несомненное изменение того места, которое эти войска занимали в структуре русских вооруженных сил на территории Западной Сибири вообще и среди служилых людей Тобольска и Тобольского уезда в частности. Если на протяжении предшествующего десятилетия соединения сибирских рейтар и драгун имели особый статус, формально закрепленный, что самое важное, при распределении окладов жалованья, то теперь, после столь заметного увеличения численности драгун, почти все ограничения и некоторая служебная обособленность, свойственные им прежде, отпадали сами собой. Не говоря о том, что в результате всего этого пришлось пожертвовать принципом сословности и принять в драгунский строй множество выходцев из тяглых слоев, сибирские драгуны уже с начала 80-х гг. XVII в. перестали являть собой тот оригинальный феномен, характер которого они изначально приобрели после незавершенных реформ П. И. Годунова. Отныне это соединение стало лишь одним из многих, ему подобных, контингентов служилых людей по прибору, занятых несением «береговой» службы на отдельных участках границы Русского государства, в данном случае – охраной русских поселений в Зауралье от набегов с юга, из казахских степей.

Так же обстояло дело и в отношении материального положения драгун. Конечно, проблемы с жалованьем и вооружением имели место и ранее, однако сам характер системы их окладов и служебного положения все же позволял относить сибирских драгун к «регулярным» войскам. На протяжении же 1680-х гг. наблюдается несомненный и довольно быстрый процесс превращения их в иррегулярные части, объединенные разве что формальной принадлежностью к указанному роду войск да, быть может, единым командованием. Все эти тенденции можно проиллюстрировать конкретным фактическим материалом.

Обратимся сначала к содержащимся в изученных нами источниках сведениям о численности и распределении драгун и беломестных казаков по территории Западной Сибири в описываемые годы. Некоторые данные

⁸¹ Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья... С. 56. См. также: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 58–59.

на этот счет уже введены в научный оборот⁸², однако для нас они имеют скорее подчиненное значение, в отличие от материалов разрядных и городовых смет Тобольска, в которых детально расписана численность всех категорий русских служилых людей, не исключая и драгун. Особый интерес, на наш взгляд, представляют имеющиеся в этих сметах цифры по двум разрядам драгун, а именно «старых» и «новоприборных», т. е. попавших на службу до и после 1679–1680 гг. соответственно. В частности, именно по такому принципу построено изложение сведений о сибирских драгунах в городской смете Тобольска от 1686 г. Представим их в виде таблицы, чтобы более наглядно продемонстрировать сложившийся к тому времени качественный состав драгунского контингента, а также его возможности в качестве самостоятельной боевой единицы (табл. 9).

Таким образом, от планомерного (в некоторой степени) распределения драгунских отрядов, частично характерного еще для предшествующего десятилетия, теперь ничего не осталось. К сожалению, данные большинства изученных нами смет неполны, поэтому приходится сводить воедино материалы за несколько лет, иногда не имея возможности проследить за всеми происходившими изменениями. Тем не менее понятно, что цифры, принятые В. Д. Пузановым для 1686 г. (648 драгун и 352 беломестных казака) являются в целом верными⁸³. Следует учитывать и то обстоятельство, что около 200 драгун и казаков вскоре были посланы на Дальний Восток в составе отдельного корпуса русских войск – так называемого «полка» окольного Ф. А. Головина, направленного для ведения переговоров с маньчжурскими посланцами о разграничении спорных территорий, на которые претендовали тогда Россия и Китай⁸⁴. Другое дело, что итоговая цифра в 1000 человек складывалась не из одних лишь драгун, поскольку беломестные казаки теперь числились вместе с ними. Именно таким образом была достигнута плановая численность размещенного по острогам и слободам контингента служилых людей, но назвать его регулярным соединением уже никак нельзя.

Известные нам данные об офицерском составе сибирских драгун подтверждают общую картину. Полковник И. Ремес, по-видимому, до самой своей смерти осуществлял общее командование драгунами. Его преемником на этом посту к концу 1670-х гг. стал майор А. Фефилов и, видимо, оставался им до своей смерти в 1685 г. (его биографию см. в приложении). Под 1686 г. упоминается о наличии у драгун 4 «капитанов и порутчиков»,

⁸² См., напр.: Менциков В. В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // История Курганской области. Курган, 1995. Т. 1. С. 121; Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 58. Здесь можно обнаружить краткие справки о размещении отрядов драгун и казаков по отдельным поселениям.

⁸³ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 59.

⁸⁴ Упоминания об этом см.: Там же. С. 59; Менциков В. В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. С. 121.

впрочем, без указания их имен. В росписи же 1687 г., где поименно перечислены командиры драгун и казаков в каждой слободе, лишь один человек имеет воинское звание – капитан Г. Черкасов. Во всех остальных случаях здесь употреблено слово «приказчик», которым оказывался, как правило, кто-нибудь из тобольских детей боярских⁸⁵. Зачастую такими «приказчиками» становились отставные драгунские и рейтарские офицеры, например, упоминавшийся ранее прапорщик М. Рындин и др. (подробнее о них см. в приложении), а также бывшие рейтары, отправленные в отставку в 1678 г. воеводой П. В. Шереметевым: Л. Жулкевский, С. Рачковский и др.

Таблица 9

Состав сибирских драгун на 1686 г. *

Места дислокации	«Старые» драгуны, человек	«Новоприборные» драгуны, человек
Арамилевская слобода	–	18
Барневская слобода	1	3
Белоярская слобода	–	2
Беляковская слобода	8	18
Бешкильская слобода	7	11
Новая Буткинская слобода	–	7
Исетский острог	45	32
Катайский острог	48	34
Колчеданский острог	38	13
Красномыская слобода	–	6
Красногорская слобода	11	7
Куурская слобода	–	3
Маслинская слобода	32	24
Мехонинская слобода	68	49
Миасская слобода	–	6
Мурзинская слобода	–	4
Окуневская слобода	–	2
Суерская слобода	–	6
Терсюцкая слобода	27	21
Царева Городица слобода	–	5
Шадринская слобода	21	20
Ялуторовская слобода	53	28
Всего	359	319

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 839, л. 55–83.

Наконец, следует отметить, что при попытках четко разграничить численность драгун и казаков возникают трудности, связанные с тем, что сведения о последних далеко не всегда выписывались отдельно. В смете 1686 г., например, перечислены только драгуны, а о казаках не сказано ничего, хотя в преамбуле специально оговаривается, что ныне наличествуют «803 человека драгун и беломестных казаков, oprич тех, что в нынешнем, во 194 году, 197 человек посланы на службу великих государей в Дауры»⁸⁶. В этом смысле выгодно отличаются от всех остальных данные росписи, специально составленной в 1687 г. тобольским письменным головой И. Спешневым, лично объехавшим все места расположения отрядов, несших пограничную службу. Представив их в виде таблицы, получаем возможность сопоставить сведения за 1687 г. с цифрами 1686 г. и выяснить, изменилось ли соотношение между численностью драгун и беломестных казаков после отправки части из них на Дальний Восток (табл. 10).

Относительно приведенных цифр в литературе имеются некоторые расхождения. Например, В. В. Меншиков сообщает о посылке в Даурию 133 драгун и 98 беломестных казаков из всех русских поселений в Зауралье⁸⁷. Однако последняя цифра представляется несколько завышенной, ибо даже в 1687 г. беломестных казаков насчитывалось более 300 человек (см. табл. 9), а годом ранее их не могло быть более 340–350 человек (ср. табл. 8 и данные В. Д. Пузанова). Относительно же драгун указанная В. В. Меншиковым цифра должна быть, видимо, несколько увеличена, ибо даже по отрывочным данным городской сметы Тобольска за 1686 г. количество драгун, посланных «в Дауры», оказывается не меньше 150 человек⁸⁸.

Представленные данные свидетельствуют о том, что все те тенденции, которые проявились в начале 1680-х гг. при записи в драгуны беломестных казаков, теперь окончательно оформились. Относительно крупные отряды драгун сохранились к 1687 г. лишь в четырех пунктах (Исетский и Катайский остроги, Мехонинская и Ялуторовская слободы), в большинстве слобод численно преобладали теперь именно казаки, хотя общее количество их значительно уступало драгунам.

Фактически перед нами наглядный результат, к которому привели провал начинаний предыдущего царствования и те не вполне адекватные меры, к которым пришлось прибегнуть в последней тщетной попытке упорядочить службу сибирских драгун. Вместо этого мы наблюдаем уже довольно далеко зашедший процесс смешения драгун с беломестными казаками Зауралья, проявлявшийся как в территориальном расположении, так и в их вооружении и тех службах, которые они несли вместе.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 839, л. 5.⁸⁷ Меншиков В. В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. С. 121.⁸⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 839, л. 55–83.⁸⁵ См.: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 501–511.

Таблица 10

Численность и размещение драгун и беломестных казаков на территории Западной Сибири в 1687 г. *

Места дислокации	Драгуны, человек	Беломестные казаки, человек
Арамильская слобода	11	31
Барневская слобода	3	4
Белозерская слобода	—	2
Белоярская слобода	2	23
Беляковская слобода	17	5
Бешкильская слобода	13	11
Новая Буткинская слобода	7	8
Ингалинская слобода	—	8
Исетский острог	61	6
Калиновская слобода	—	6
Катайский острог	63	7
Киргинская слобода	—	11
Колчеданский острог	33	10
Красномысская слобода	5	10
Красногорская слобода	13	10
Куярская слобода	—	5
Маслинская слобода	34	2
Мехонинская слобода	96	11
Миасская слобода	5	17
Мурзинская слобода	4	13
Верхняя Ницынская слобода	—	7
Нижняя Ницынская слобода	—	8
Окуневская слобода	2	8
Суерская слобода	5	15
Терсюцкая слобода	36	10
Усть-Суерская слобода	—	13
Утятская слобода	—	8
Царева Городища слобода	5	24
Чубаровская слобода	—	2
Шадринская слобода	28	9
Ялуторовская слобода	63	3
Всего	506	307

* Источник: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 501–511.

Статус беломестных казаков, как правильно указывает Е. Вершинин, определялся тем, что «они служили с пашни, не имея ни хлебного, ни денежного жалованья. Оружие, порох и свинец они получали из казны...»⁸⁹ Все приведенные выше факты вполне подтверждают эволюцию статуса драгунского контингента именно в этом направлении (отмена выплат денежного жалованья, усиленные отводы драгунам земли в слободах под пашни). Различие состояло лишь в том, что драгуны располагали, как правило, своим вооружением (в основном мушкетами и бердышами), либо собственным, либо оставшимся еще от поставок из Москвы на протяжении предшествующего десятилетия⁹⁰. По данным за 1684 г., «у старых драгун и у беломестных казаков государева ружья 624 пищали и мушкетов... у 310 человек новоприборных драгун ружья нет да у старых драгун и у беломестных казаков у 66 человек ружья нет же»⁹¹. В том же году тобольский воевода кн. П. С. Прозоровский отмечал, что «в слободах мелко ружья мало, и без ружья в приход воинских людей слободы оберечь нечем»⁹².

Впрочем, уже к 1686 г. вооружение большинства драгунских отрядов характеризовалось одной короткой фразой: «А ружья у них нет»⁹³. Объясняется это прежде всего тем, что испорченное оружие в Тобольске не чинили, а централизованные поставки из казны прекратились уже с начала 80-х гг. В источниках можно встретить неоднократные упоминания о большом количестве (более 400) «горелых» замков от пищалей, мушкетов, карабинов и пистолетов, давно ставших бесполезным хламом, но все еще хранившихся в тобольской казне⁹⁴. Все это свидетельствует о том, что к описываемому времени драгуны реально располагали лишь холодным оружием (бердышами, саблями, пиками), а не огнестрельным. В связи с этим вполне резонно возникает сомнение в том, можно ли вообще относить данный контингент к числу армейских соединений.

На это же указывает и перечисление своих «служб» драгунами: «Поставили мы по Исете реке десять острогов и на тех острогах стояли на караулах днем и ночью, и живем мы промеж тех острогов и слобод... И для

⁸⁹ Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья... С. 55. См. также: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 128–130; Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 187.

⁹⁰ Последним эпизодом такого рода следует, вероятно, считать отправку из Москвы в Тобольск почти 300 бердышей, предназначенных для «новоприборных» драгун: «Велено те бердыши роздать в слободах драгуном и зачесть им в оклады по 3 алтына по 2 денги за бердыш» (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 479).

⁹¹ Там же. Л. 482–483.

⁹² Там же. Л. 487.

⁹³ См., напр.: Там же. Оп. 1, кн. 839, л. 55–83. Ср. с данными за 1681 г.: Там же. Ф. 199, оп. 2, № 543, ч. 1, д. 1, л. 29–41 («служат з государевыми мушкеты»).

⁹⁴ См.: Там же. Ф. 214, оп. 1, кн. 772, л. 11; кн. 839, л. 12; кн. 887, л. 36; кн. 888, л. 13.

городовые поделки по вся годы с нас в Тоболеск работников со всякого острогу и слободы емлют по человеку и по два... да нас же до тюменские ссылки посылают от слободы до слободы в провожатых, и некоторая служба нас не минует»⁹⁵. Как видим, среди этих упоминаний трудно обнаружить какие-либо характеристики, связанные с регулярной военной службой. В большинстве же документов, посвященных им, сказано только, что они «построены по острогам и слободам Тобольского уезду от приходу воинских людей».

Возможно, имеет смысл охарактеризовать сибирских драгун как своеобразный корпус пограничной стражи, расквартированный на одном из участков южной границы русских владений в Западной Сибири. Аналогичные соединения существовали в свое время и в европейской части страны. Однако обстановка на территории Зауралья и Западной Сибири все же существенно отличалась от положения на южных и северо-западных границах России. А. В. Чернов отмечал почти полное исчезновение драгун в России уже к началу 80-х гг. XVII в., объясняя это тем, что «правительство неправильно их использовало... не оценило должным образом драгун как боевую силу»⁹⁶. Развивая свою мысль, он считал, что драгуны, которые в мирное время вели свое хозяйство, стали разоряться после того, как их начали посылать на службу в отдаленные места или включать в походные войска. В принципе это представляется логичным, но одновременно свидетельствует и о специфическом положении драгун по сравнению с другими родами войск в русской армии.

Драгунские войска, составленные в основном из крестьян, объективно не могли быть реальной боевой силой, используя преимущественно лишь в качестве пограничной стражи. Кроме того, сыграли свою роль преобразования времени правления царя Федора Алексеевича, когда состав армейских полков старательно очищали от всех выходцев из тяглых сословий. По остроумному замечанию А. П. Богданова, «возможно, драгуны пострадали именно потому, что не вписывались в эту четкую систему»⁹⁷. Однако в данном случае такая характеристика неприменима, поскольку сибирские драгуны были не крестьянами, а представителями различных групп служилого населения. Дело здесь, видимо, в другом.

В условиях Сибири XVII в., когда многие служилые люди вели свое хозяйство, сочетая его с военной службой, выделение подобного рода поселенных драгун в качестве отдельного контингента оказывалось нецелесообразным. Их службу, как показывала практика, могли исполнять казаки и представители других категорий служилых «по прибору». Конечно, с точки зрения финансовой экономии драгуны, находившиеся на самообес-

⁹⁵ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 389–390.

⁹⁶ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 140–142.

⁹⁷ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 157.

печении и ничего не стоившие казне, выглядели очень привлекательно. Однако нельзя забывать о том, что сибирские служилые люди, даже имевшие возможность вести собственное хозяйство, все же зачастую не могли обходиться без поддержки извне, в отличие от беломестных казаков, вообще не получавших от казны жалованья. Начавшийся процесс пополнения рядов драгун представителями именно этой группы населения неизбежно должен был привести к растворению драгунского контингента среди беломестных казаков Зауралья. Этим и объясняется тот странный на первый взгляд факт, что практически сразу же после максимального приближения условий службы сибирских драгун к тому «стандарту», по которому они создавались, они были расформированы. Все эти данные наглядно иллюстрируют тот итог, к которому привел процесс превращения войск «нового строя» лишь в один из многих контингентов сибирских служилых людей, начавшийся еще после незавершенной реформы воеводы П. И. Годунова.

К 1689 г., когда драгуны исчезли уже почти во всех регионах страны, заниматься сибирским «полком» у правительства не было ни времени, ни желания, тем более что и вся политическая ситуация 80-х гг. отнюдь не располагала к принятию властью взвешенных решений по любым проблемам. Однако следует заметить, что организационная структура армии, сложившаяся к концу царствования Федора Алексеевича, не претерпела на протяжении этого десятилетия существенных изменений. Так, в Крымских походах 1687 и 1689 гг. под командованием кн. В. В. Голицына принимали участие более 20 тыс. рейтар и почти 50 тыс. солдат, составлявших вместе почти 70 % общей численности русского войска⁹⁸. Таким образом, в военной сфере, несмотря на все политические потрясения, продолжали действовать тенденции предшествующих десятилетий, направленные на превращение вооруженных сил Русского государства в регулярную армию – процесс, ставший бесповоротным уже в ходе реформ Петра I. Этот процесс происходил и на территории Сибири, хотя и в очень своеобразной форме.

3. Эволюция драгунских войск в Сибири: преобразования Петра I

Последний эпизод из истории сибирских войск «нового строя» связан с их временным расформированием, а затем восстановлением в ходе разворачивавшейся в стране военной реформы Петра I. Речь идет о переводе еще сохранявшихся к 1689 г. драгун в статус беломестных казаков, из которых в 1698 г. вновь был сформирован драгунский полк. Этот процесс не в полной мере отражен в исследовательской литературе. О нем лишь упоминает Е. Вершинин, а В. Д. Пузанов, кратко описавший его, допустил тем

⁹⁸ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 195–196.

не менее несколько фактических ошибок и неточностей⁹⁹. Поэтому нам представляется необходимым с максимально возможной точностью восстановить ход и результаты этого процесса.

Для начала следует выяснить, каковы были причины, побудившие московское правительство принять решение об упразднении драгунского контингента в Западной Сибири. Здесь мы можем оперировать лишь гипотезами, так как никаких обоснований принятого решения в известных нам документах нет. С одной стороны, совсем недавно (в 1686 г.) статус сибирских драгун наконец-то привели в соответствие с теми образцами, согласно которым и предполагалось их формирование, официально переведя их с денежного жалования на службу «с пашни». При этом еще ранее удалось довести их численность вместе с беломестными казаками до 1 000 человек. Таким образом, все обстоятельства, казалось бы, располагали к дальнейшему укреплению драгун в Сибири в качестве пограничной стражи. Правда, уже практически не осталось на службе кадровых офицеров предшествующего десятилетия, так что командирами драгун зачастую становились люди, не имевшие представления о принципах регулярной службы. Однако не следует забывать о том, что к этому моменту драгуны даже формально уже не могли считаться регулярным соединением, представляя собой лишь одну из многочисленных категорий служилых людей Тобольского уезда. Именно последнее обстоятельство (потеря прежней исключительности) и стало, на наш взгляд, определяющим в их судьбе. Правительство в данной ситуации, видимо, просто пошло по пути «наименьшего сопротивления», не предпринимая никаких действий и дожидаясь подходящего случая, чтобы решить этот вопрос. В конечном счете формально закрепленное в 1689 г. вхождение драгун в ряды беломестных казаков фактически произошло значительно раньше, оставалось лишь официально это подтвердить.

Формальный повод представился достаточно быстро. 8 октября 1688 г. в Сибирский приказ поступила челобитная тобольского сына боярского Бориса Ложкина, где он, перечисляя свои служебные заслуги, просил назначить его майором драгун вместо умершего несколько лет назад А. Феофилова, указывая, что «после его смерти никому тех драгун ведать не велено, а ныне те драгуны по слободам приказаны ведать приказным людям тобольским детям боярским»¹⁰⁰. Дело было рассмотрено, и уже 2 ноября глава Сибирского приказа боярин кн. И. Б. Репнин принял решение об удовлетворении ходатайства Б. Ложкина и о направлении соответствующего указа в Тобольск, правда, с некоторыми добавлениями. Во-первых, предполагалось разместить драгун и беломестных казаков в Исет-

⁹⁹ Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья... С. 56–57; Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 59–63.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 512–513.

ском и других острогах отрядами по 100 человек в каждом, а во-вторых, специально оговаривалось, что Ложкину приказано «быть над всеми беломестными казаками, а не драгунами, потому что у драгунов доведется быть начальным людям пехотного строю всех чинов»¹⁰¹.

Трудно сказать, что произошло в течение нескольких следующих недель, однако решение это в дальнейшем подверглось пересмотру. В частности, 18 ноября был составлен царский указ тобольскому воеводе А. П. Головину, в котором ему предписывалось сводить драгун и беломестных казаков в отряды по 100 человек и подтверждалось назначение Б. Ложкина головой беломестных казаков Тобольского уезда. Но в указе содержалась и важная оговорка: «А как ему, Борису Ложкину, драгунов ведать и от приходу воинских людей остроги и слободы оберегать, и о том дана ему наказная память из Сибирского приказа за дьячьё приписью»¹⁰². Насколько можно понять, здесь речь шла уже о том, что Б. Ложкин становился и командиром драгун, чего первоначально не предусматривалось. Таким образом, главные сведения о будущем устройстве драгун должны содержаться в наказной памяти, выданной Б. Ложкину в Сибирском приказе. Ее стоит рассмотреть отдельно.

Данная наказная память датирована 19 ноября 1688 г. Почти в самом ее начале уточняется, что Б. Ложкину велено быть головой у «беломестных казаков, что были драгуны» (разрядка наша. — А. Д.). По приезде в Тобольск ему предписывалось подать упомянутый выше царский указ воеводе А. П. Головину, после чего взять у него именные списки драгун и беломестных казаков Тобольского уезда и ехать в Исетский острог. Прибыв туда, Б. Ложкин должен был собрать всех драгун для проведения смотра, после чего ему следовало «сказать великих государей указ драгуном, что им велено слыть беломестными казаками (разрядка наша. — А. Д.) и служить с пашни»¹⁰³. Необходимо обратить особое внимание на этимологию употребленного здесь выражения: не быть, не числиться, а именно «слыть», т. е. формально называться, именоваться. Использование здесь именно этого выражения лучше всего свидетельствует, на наш взгляд, о том, что к этому времени ничего отличительного, кроме названия, у сибирских драгун уже не осталось.

По результатам смотра Б. Ложкин должен был составить перечневую выписку личного состава теперь уже бывших драгун и отослать ее в Тобольск, чтобы затем отправить в Сибирский приказ. Далее в тексте памяти следовали обычные указания о поддержании среди казаков дисциплины, о действиях в случае прихода «воинских людей», о проведении дополнительных наборов в случае нехватки рядового состава и т. д. Относительно

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 524.

¹⁰² Там же. Л. 527.

¹⁰³ Там же. Л. 529.

последнего необходимо отметить, что правительством в очередной раз подтверждался принцип разделения сфер «тягла» и «службы»: «А тяглых и посацких и гулящих и беглых людей и пашенных крестьян в беломесные казаки отнюдь не принимать»¹⁰⁴. Кроме того, следует указать и на еще одну характерную особенность. За десять лет до этого правительство интересовалось лишь способностью сибирских драгун к обеспечению своих жизненных потребностей с помощью выделенных им пашен. Вот что сказано об этом в тексте царской грамоты 1679 г.: «В пашенное время смотреть за ними драгунским начальным людем, чтоб они, драгуны, того хлеба не истеряли, и выбирать на них из займов тот хлеб в нашу, великого государя, казну не в один год, чтоб им пашнями и хлебом завестися. А выделщиков к ним... не посылать, потому что выделщики наперед сего писали на них, драгун, и на драгунских начальных людей и на пашенных и оброчных крестьян для своей бездельной корысти лишние пашни и чинили им обиды и налоги и разоренье»¹⁰⁵. Во всех же делах, связанных непосредственно со службой, последней инстанцией являлись драгунские командиры, подчинявшиеся лишь самим воеводам Тобольска.

В тексте данной памяти имеются многочисленные рассуждения и распоряжения, направленные на поддержание способности казаков нести службу, причем большое внимание уделено вопросам дисциплины и ведения хозяйства. В частности, голова должен был следить, чтобы казаки не занимались воровством, разбоями, мародерством, тайным винокурением, азартными играми, не впадали «в шатость и в раскол». Кроме того, ему надлежало «казачков от обид беречь и управу меж ими чинить... а с судных дел пошлины имать... и пошлинные деньги посылать в Тоболеск». Наконец, его же обязанностью было по большинству перечисленных выше преступлений, а также «и про иные всякие дела, опричь больших дел, сыскивать и наказанья чинить, смотря по вине»¹⁰⁶. Таким образом, произошло формальное снижение служебного статуса драгун, более того, они попали под единоличную власть казачьего головы, что неизбежно открывало простор для различных злоупотреблений со стороны последнего. Далее мы увидим, что они не заставили себя долго ждать.

Итак, в данном документе кратко изложен механизм ликвидации соединения драгун как самостоятельной служебной единицы на территории Западной Сибири. В отличие от Европейской России, где на протяжении предшествующих десятилетий драгун переводили в состав солдатских полков или возвращали в «тягло», сибирские драгуны пополнили собой одну из групп служилых людей («по прибору»). Таким образом, они не выпадали из сферы военной службы и могли быть вновь зачислены в какой-

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 529.

¹⁰⁵ См.: Там же. Л. 374–375.

¹⁰⁶ См.: Там же. Л. 530–534.

либо из полков, составляя потенциальный резерв для пополнения армейских соединений. В связи с этим необходимо остановиться на некоторых неточностях, ранее допущенных исследователями в освещении этого процесса. Так, Е. Вершинин, не конкретизируя его причин и хода, лишь отмечает, что «для слобод, расположенных по Исети, с 1689 г. учреждалась должность головы беломестных казаков. Он назначался из Тобольска, жил в Исетском остроге и имел полное право распоряжаться казаками других острогов»¹⁰⁷. Однако из собранных нами сведений явствует, что как Б. Ложкин, так и его преемники назначались администрацией Сибирского приказа. В. Д. Пузанов, в целом верно описывая предпринятые меры по переводу драгун в беломестные казаки, почему-то отдает первенство в этом деле не Б. Ложкину, а его преемнику А. Ф. Обольянинову. В частности, он утверждает: «Чтобы не произошло полного распыления сил беломестных казаков... правительство учредило должность головы беломестных казаков Зауралья... Первым головой стал... Артемий Обольянинов, присланный на службу в Исетский острог»¹⁰⁸. В действительности, как показано выше, правительство лишь использовало учреждение этой должности в качестве простейшего способа перевести в ряды казаков всех сибирских драгун, и именно с этой целью Сибирский приказ санкционировал назначение Б. Ложкина, ставшего первым головой у беломестных казаков Зауралья, «что были драгуны». Все же меры, которые, по мнению В. Д. Пузанова, должен был провести в жизнь А. Ф. Обольянинов, были предписаны в свое время еще его предшественнику. Почему он не справился с поставленными задачами – вопрос другой. Да и утверждение А. Ф. Обольянинова в должности головы зауральских казаков сопровождалось многочисленными конфликтами, о которых сказано ниже. Во многом эти конфликты обусловлены неудовлетворительной, по мнению властей, деятельностью Б. Ложкина. Каковы же оказались ее результаты и почему его назначение привело к таким итогам?

О том, что происходило далее, можно узнать из отписки тобольских воевод, пришедшей в Москву 30 марта 1689 г. В частности, в ней говорится, что Б. Ложкин прибыл в Тобольск 12 января, а через пять дней, получив все необходимые списки, отправился в Исетский острог. К моменту отправления отписки из Тобольска список бывших драгун туда еще не поступил, зато вместе с ней в Москву была послана общая роспись беломестных казаков «и с теми, кои прежь сего писались драгунами» по всем острогам и слободам Тобольского уезда. Всего их насчитывалось теперь 910 человек, а кроме того, еще 144 человека были оставлены в ведении слобод-

¹⁰⁷ Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья... С. 56.

¹⁰⁸ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 59–60.

ских приказчиков «для посылок»¹⁰⁹. К сожалению, в данной росписи указана лишь общая численность без деления на собственно казаков и бывших драгун, но общая цифра, конечно, получается внушительной. Таким образом, можно отметить, что уменьшения численности отрядов, охранявших южные границы русских владений в Западной Сибири, не произошло.

Среди прочих требований, содержащихся в наказной памяти 1688 г., голове беломестных казаков Б. Ложкину было приказано устроить их отрядами по 100 человек в нескольких определенных острогах и слободах. Судя по всему, Б. Ложкин ни в 1689, ни в 1690 гг. этого не сделал. Позднее он оправдывался тем, что ему не дал этого сделать тогдашний тобольский воевода стольник А. П. Головин, и даже представил в доказательство своих слов в Сибирском приказе наказные памяти, приходившие к нему из Тобольска. Однако в самом начале 1690 г. воеводу А. П. Головина в Тобольске сменил боярин С. И. Салтыков, с которым у Б. Ложкина, судя по всему, сразу же не сложились отношения. Как писал в Москву сам С. И. Салтыков, ему «ведомо учинилось», что Б. Ложкин казаков «многих верстал ис пашенных крестьян и ис пришлых гулящих людей и из бобылей»¹¹⁰, поэтому он послал в объезд по слободам Тобольского уезда для проверки поручика «литовского списка» К. А. Байбородина. Тот действительно выяснил, что более сотни казаков были зачислены в службу незаконно. После этого из Тобольска был отправлен сын боярский И. Полозов с приказом заковать Б. Ложкина «в железа» и привезти его в Тобольск, а обязанности казачьего головы временно возлагались на тобольского сына боярского В. Шульгина. Все это происходило летом 1690 г.

Одновременно в Сибирский приказ поступила челобитная тобольского сына боярского Артемия Филипповича Оболянина с просьбой назначить его вместо Б. Ложкина головой беломестных казаков. Судя по всему, в Москве еще ничего не знали о происходивших событиях, но просьбу его тем не менее удовлетворили. 2 июня 1690 г. был вынесен приговор Сибирского приказа, а 22 июня в Тобольск был отправлен царский указ о назначении А. Ф. Оболянина казачьим головой вместо Б. Ложкина¹¹¹. Этот указ, как и выданная новому голове наказная память, почти в точности повторяли соответствующие документы 1688 г. с той лишь разницей, что теперь еще решено было принять на службу 189 казачьих «детей и братьев» и отвести им земли под пашни и сенокосы. Связано это было с тем, что в результате смотра, произведенного Б. Ложкиным в начале 1689 г.,

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 551. Судя по всему, в это число вошли также и те 200 драгун и казаков, которые несли тогда службу «в Даурах», поскольку реальная численность зауральского контингента в 1688–1689 гг. не могла составлять более 820–850 человек.

¹¹⁰ Там же. Л. 629.

¹¹¹ Там же. Л. 555–558.

выяснилось, что из 800 казаков (включая, естественно, и бывших драгун) оказались налицо к моменту его приезда лишь 660 рядовых, 10 сотников и 15 пятидесятников. Еще 35 человек «старых и увечных и слепых и хромых» уже не могли нести службу¹¹². Возможно, эти неутешительные известия также сыграли свою роль в принятом Сибирским приказом решении о замене казачьего головы, не успевшего и двух лет пробыть в этой должности.

Однако этим, как выяснилось позднее, дело не ограничилось. 14 августа 1690 г. в Сибирском приказе «объявились» бывший драгун Ф. Ясырь, ставший казачьим сотником в Исетском остроге, а также его рядовые сослуживцы Т. Матигоров и В. Нестеров. В ходе расспросов они утверждали, что прибыли в Москву бить челом «во многих налогах и обидах» на казачьего голову Б. Ложкина, причем даже вопреки воле тобольского воеводы С. И. Салтыкова, якобы препятствовавшего их отъезду¹¹³. Дело осложнялось еще и тем, что 24 сентября Ф. Ясырь представил еще одну челобитную, теперь уже от себя лично, обвиняя Б. Ложкина в покушениях на его жизнь и имущество «неведомо для чего»¹¹⁴. Эти инциденты были связаны с поездкой Ф. Ясыря в Москву еще в 1686 г., когда он привез «заручную челобитную» от драгун Мехонинской слободы о выдаче им жалованья (см. с. 168, примеч. 73), которое затем сам же и повез обратно. Судя по всему, он был человеком очень активным и предприимчивым, так что при расчете не преминул воспользоваться выгодами своего положения и удержал за собой часть драгунских окладов. Обделенные пожаловались вновь назначенному Б. Ложкину, и тот, однозначно приняв их сторону, приказал взыскать с Ф. Ясыря все долги.

Собственно, все указанные события Сибирский приказ практически не интересовали. За давностью лет уже невозможно было точно установить, кто прав, а кто виноват. Поэтому в приговоре главы приказа боярина князя И. Б. Репнина по этому делу мы не встречаем какого-либо определенного его решения. И. Б. Репнин ограничился лишь указанием тобольским воеводам расследовать на месте все обстоятельства и наказать виновных¹¹⁵. Значительно серьезнее боярин и его подчиненные отнеслись к содержащемуся в первой (коллективной) челобитной обвинению Б. Ложкина в том, что он «беломесных казаков... в указные места из розных слобод никою не свел для своей корысти», а также «пашенных и оброчных крестьян верстал в беломесные казаки многих, которые пашню с себя здавали иным крестьяном, а прямых беломесных казаков отставливал,

¹¹² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 555.

¹¹³ Там же. Л. 581–595.

¹¹⁴ Там же. Л. 566–567.

¹¹⁵ Там же. Л. 575–580. Разбор этого дела состоялся в октябре 1690 г.

а детей их и братью и племянников не верстал»¹¹⁶. Собственно, здесь речь шла о том же, что уже выяснил в ходе собственного расследования тобольский воевода С. И. Салтыков. Поэтому в приговоре Сибирского приказа по этому делу от 6 ноября 1690 г. установлено конкретное наказание казачьему голове (теперь уже бывшему) за подобное неисполнение царских указов – бить батогами и посадить его на месяц в тюрьму¹¹⁷. Впрочем, местная администрация, как мы уже отмечали выше, отреагировала на эти пропускки оперативнее центра, отстранив Б. Ложкина от должности еще летом.

А. Ф. Обольянинов, прибыв в Тобольск, долгое время не мог приступить к исполнению своих обязанностей, поскольку Б. Ложкин, хотя и смещенный, не отдавал ему казачьих именных списков и поступивших к нему наказных памятей. В результате Б. Ложкин сам отправился в Москву добиваться восстановления себя в должности. 15 февраля 1691 г. он подал в Сибирском приказе обширную челобитную, перечисляя в ней все учиненные над ним несправедливости, и даже приложил к ней список своих «врагов», открывавшийся, естественно, именами И. Полозова и В. Шульгина, отстранявших его от должности по приказу воеводы¹¹⁸. Однако претензии его, судя по всему, остались без внимания, так как в посланной в Тобольск 3 июля 1691 г. царской грамоте помимо стандартного приговора – разобрать дело на месте – подтверждалось назначение головой беломестных казаков А. Ф. Обольянинова¹¹⁹.

Разбирательства по перечисленным выше делам продолжались еще несколько лет, но на процесс расформирования драгунского контингента они уже никак не повлияли. Процесс этот был вполне подготовлен всем ходом предшествующей эволюции данного соединения и логически вытекал из складывавшейся на протяжении 80-х гг. XVII в. ситуации, характеризовавшейся постепенным слиянием отрядов драгун и беломестных казаков в единое целое. Совершенно справедлив в этом отношении вывод В. Д. Пузанова о том, что «меры правительства... завершились снижением статуса служилых людей края. С этого времени драгуны полностью слились с беломестными казаками, путем распространения названия последних на всех служилых людей края»¹²⁰. Впрочем, подобное рано или поздно должно было произойти, поскольку, как мы уже неоднократно отмечали выше, сибирские драгуны представляли собой оригинальный феномен, не вписывавшийся в жесткие рамки процесса перевода русской армии на регулярную основу и унификации личного состава всех ее частей, начатого

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 582.

¹¹⁷ Там же. Л. 597.

¹¹⁸ См.: Там же. Л. 610–625.

¹¹⁹ Там же. Л. 640–651.

¹²⁰ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 59.

еще при царе Федоре Алексеевиче и продолжавшегося в годы правления царевны Софьи стараниями кн. В. В. Голицына¹²¹. Однако пребывать в этом статусе им было суждено менее 10 лет. Проследим за дальнейшей судьбой бывших драгун.

В нашем распоряжении имеется две именные книги «беломестных казаков, что были драгуны» за 1693 и 1696 гг.¹²². Следует отметить довольно четко оформленную внутреннюю структуру данного контингента: казаки разбиты на сотни по 60–120 человек в каждой и распределены по 10 пунктам (Исетский, Китайский, Колчеданский остроги; Мехонинская, Ялutorовская, Суерская, Маслинская, Шадринская, Арамилевская, Царева Городища слободы). Судя по всему, в книге за 1693 г. приведен полный список бывших драгун, которых, правда, мы не имеем возможности отделить от собственно «природных» беломестных казаков. В книге же за 1696 г. мы сталкиваемся с некоторыми изменениями в личном составе казачьих сотен, произошедшими за три года. По произведенным нами подсчетам он обновился за это время, по крайней мере, на 20 %. Надо полагать, именно на первую половину 90-х гг. XVII в. пришлось для бывших драгун и казаков смена поколений, когда те из них, кто начинал служить еще в 60-е гг., постепенно оставляли службу, а освобождавшиеся места занимали их сыновья и племянники. Впрочем, большинство имен в обеих книгах совпадают, так что можно предположить, что их обладатели поступали на службу не ранее начала 70-х гг.

Именно из этих людей в 1698 г. в Тобольске был заново сформирован драгунский полк¹²³. Постараемся дать оценку его основных параметров, а также определить место этого события в общем ряду мер по реорганизации армии в первые годы самостоятельного правления Петра I. По данным подробно изучавшего процесс его формирования В. Д. Пузанова, казаки сообщали в челобитной, адресованной Петру, что им «служить с одной пашни без жалования невозможно»¹²⁴. В ответной грамоте от 20 февраля 1698 г., адресованной тобольскому воеводе кн. М. Е. Черкасскому, Петр

¹²¹ «Голицын предлагал, чтобы все дворяне государства, годные к военной службе... заменили даточных крестьян, взятых в солдаты. По его замыслу тяглые люди возвращались на землю, а армия... сохраняла бы сословный дворянский состав» (Военная история России в лицах и судьбах. М., 1998. Вып. 1: От княжеских дружин до регулярной армии. С. 123–124).

¹²² РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1044, л. 30–58; кн. 1104, л. 25–63.

¹²³ Упоминания об этом см.: Рабинович М. Д. Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справ. М., 1977. С. 85; Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10; Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья... С. 57; Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 62.

¹²⁴ Цит. по: Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 172.

велел «прежние... указы, что им служить с одной пашни и без жалования отставить», а «ис тех казаков прибрать полное число тысячу человек в драгунскую службу»¹²⁵. Денежные оклады драгун составляли 3 руб. в год, им также были выделены пахотные земли (по 2 десятины каждому). Кроме того, они также получали 3 четверти ржаной муки, 2 четверти овса, 2 пуда соли и по кумачу на человека ежегодно¹²⁶. Командиром драгун стал в 1699 г. полковник Давид Яковлевич Мейн, сын того самого полковника Якуба Мейна, который жил в ссылке в Тобольске в 60-х гг. XVII в. Драгуны были размещены по 10 слободам ротами по 100 человек в каждой под командованием нескольких офицеров, чаще всего капитанов и поручиков. Служебные обязанности их заключались, как и прежде, в охране южных границ русских владений в Западной Сибири¹²⁷. Уже в первые годы своего существования этот полк принимал довольно активное участие в боевых действиях на подведомственной его командованию территории, выступая против отрядов башкир и казахов, совершавших набеги на русские поселения в Зауралье. Так, «в июле – августе 1701 г. главными силами Сибирского драгунского полка из Царева Городища были организованы рейды в степь»¹²⁸.

Подобные рейды проводились и в последующие годы, например в 1709 г., в разгар башкирского восстания 1705–1711 гг. При этом учитывалась специфика ведения боевых действий в данном регионе: «Небольшой преследующий отряд подкреплялся на случай встречи с крупными группами кочевников всеми наличными силами драгунского полка»¹²⁹. Кроме того, «использование европейской тактики – строение сомкнутыми шеренгами, широкое применение артиллерийских систем, ружейного огня, гранат должно было компенсировать драгунам в бою превосходство кочевников в живой силе»¹³⁰. Впрочем, столкновения с отрядами противника проходили скорее с переменным успехом, нежели с явным преимуществом драгун. Это было следствием недостаточной обеспеченности их материального положения, обусловленной неоднократными попытками нового

¹²⁵ Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 172.

¹²⁶ Данные по: Там же. Детали процедуры набора см., напр.: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 474, л. 58–59; кн. 1310, л. 52–53; оп. 5, кн. 1231, л. 49–50.

¹²⁷ О структуре этого соединения см., напр.: ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1, № 71. С. 289–301. Личный состав полка см.: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1248.

¹²⁸ Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 176. См. также: РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 478, ч. 3, л. 57–61, 69–71; ПСИ. Кн. 1, № 35. С. 144–167.

¹²⁹ Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 177–180.

¹³⁰ Там же. С. 185.

перевода на службу «с пашни» и лишения денежного жалования, а также хищениями и злоупотреблениями среди командного состава полка¹³¹.

Таким образом, ситуация вполне узнаваема и напоминает набор в драгуны, осуществлявшийся в 1668 г. тобольским воеводой П. И. Годуновым. Фактически в 1698 г. мы не наблюдаем ничего принципиально нового, поскольку теперь лишь было выполнено с надлежащей степенью организованности то, что не было сделано в течение предшествующих десятилетий. М. О. Акишин отмечал, что в ходе переустройства армии на территории Сибири «были сформированы регулярные воинские части. Но... первая такая часть – Тобольский драгунский полк – была сформирована на основе поверстания беломестных казаков в драгуны, без проведения набора рекрутов, т. е. на основе практики 60-х – 70-х гг. XVII в. организации полков «нового строя»»¹³². В. Д. Пузанов квалифицировал эти меры как «преобразование беломестных казаков в полурегулярный Сибирский полк слободских драгун»¹³³, а также справедливо сделал вывод о том, что «драгунский полк, размещенный в Южном Зауралье, возник на базе созданных в 1661 г. рейтарского и солдатского полков, действительно первых регулярных в Сибири»¹³⁴. Неслучайно здесь употребление именно термина «полурегулярный», поскольку, как мы уже отмечали, драгунские соединения трудно причислять к регулярным войскам, а широкое их распространение в армии Петра I заставляет поставить вопрос о том, до какой степени можно ставить в заслугу преобразователю создание регулярной армии в России.

Во всяком случае, в Сибири в ходе петровских военных преобразований накопленный к концу века опыт формирования войск «нового строя» был учтен и использован в полной мере. Впрочем, нельзя не отметить, что вплоть до конца первого десятилетия XVIII в. Петру I приходилось опираться именно на солдатские и драгунские полки, сформированные теми же унаследованными им от предшественников, способами, поскольку рекрутская система набора в армию была развернута в полной мере лишь после 1705 г.¹³⁵ Какие же изменения происходили в составе русской армии на протяжении последнего десятилетия XVII в.?

Следует отметить, что указанный промежуток времени до сих пор не привлекает особого внимания специалистов по истории русской армии.

¹³¹ См.: Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 180–182, 190–193.

¹³² Акишин М. О. Полицейское государство... С. 59–60.

¹³³ Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье... С. 173.

¹³⁴ Там же. С. 186.

¹³⁵ См.: Бескровный Л. Г. Реформа армии и создание военно-морского флота // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 346–349; Он же. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 22–26.

Как отмечено выше, еще в 1689 г., во время второго похода на Крым, в составе русской армии преобладали рейтарские и солдатские полки. Однако уже во время Азовских походов Петра I 1695–1696 гг. в составе походного войска имелось лишь несколько солдатских полков (в том числе петровские «потешные», Преображенский и Семеновский), слабо выделяющихся на фоне общей массы поместного дворянского ополчения и стрелецких полков¹³⁶. Что же произошло за истекшие со времени падения правительства царевны Софьи 5–6 лет? Ответ на этот вопрос дал в свое время В. О. Ключевский: «Дворянство оказало деятельную поддержку матери Петра в борьбе с царевной Софьей и ее стрельцами, и с падением царевны всплыли наверх все эти Нарышкины, Стрешневы, Лопухины... которым было не до благоустройства государственной обороны. Они, по-видимому, и спустили тяготившееся иноземным строем дворянство на более легкий, русский»¹³⁷. Конечно, возможно, преувеличением выглядит его утверждение о том, что «комплектование войска Петр застал в полном расстройстве», но факт остается фактом: большинство мер по переводу русской армии на регулярную основу, предпринимавшихся в царствование Федора Алексеевича и царевны Софьи, оказались в дальнейшем забыты. Именно с учетом данного обстоятельства и нужно подходить к оценке первых действий Петра в отношении вооруженных сил Русского государства до начала Северной войны 1700–1721 гг.

4. Сибирский драгунский полк в составе русской армии начала XVIII в.

Нам остается лишь рассмотреть, какие меры были предприняты Петром I на рубеже XVII–XVIII вв. в ходе строительства русской регулярной армии, прославившейся своими победами на полях сражений Северной войны (1700–1721 гг.). Описав положение русских вооруженных сил в европейской части страны, мы получим возможность сопоставить с этими данными все то, что нам известно о сибирских драгунах в начале XVIII столетия. На основании подобного сравнения мы сможем охарактеризовать положение Сибирского драгунского полка в общей структуре русской армии времен петровского царствования, а также еще раз проследить, сколь многое связывало военные реформы Петра I с деятельностью его предшественников.

Итак, в рамках подготовки к войне со Швецией в ноябре 1699 г. было объявлено о формировании 27 солдатских полков из добровольцев и «да-

¹³⁶ Об Азовских походах см., напр.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 47–55.

¹³⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 60. Во многом солидарен с ним А. П. Богданов (см.: Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 297–303).

точных людей» (по одному с определенного количества дворов, от 25 до 50). В свое время Л. Г. Бескровный справедливо отмечал, что «в основу комплектования новой армии был положен опыт наборов в солдатские и драгунские полки, сложившийся во второй половине XVII в.»¹³⁸ В частности, «добровольцам было обещано очень высокое жалованье (по 11 руб. в год), продовольственное снабжение и обмундирование наравне с преображенцами и семеновцами». Непосредственно процедура набора была возложена на созданную в Москве комиссию боярина Ф. А. Головина. Аналогичные комиссии, во главе которых стояли начальники территориальных разрядов, были созданы также в Новгороде, Пскове и Смоленске, еще одна (генерала Н. И. Репнина) действовала в городах Поволжья¹³⁹. Собственно, все эти меры принципиально не отличались от предпринимавшихся в свое время отцом и братом Петра, разница заключалась лишь в масштабе его деятельности, направленной фактически на полную замену в составе армии прежних соединений (поместной конницы и стрельцов) новыми войсками, способными непрерывно вести боевые действия в течение продолжительного времени. Для этого требовалось изменить способы комплектования армейских частей, но сделать это удалось далеко не сразу. По словам Л. Г. Бескровного, «начало рекрутской системе комплектования было положено указом 1699 года, но указ не разрешал всех организационных вопросов, возникших во время проведения наборов. В указе намечались лишь общие черты рекрутской системы»¹⁴⁰.

Уже к середине 1700 г. из данных полков были сформированы три дивизии (генералов Ф. А. Головина, А. А. Вейде и Н. И. Репнина), составлявшие ядро русской армии перед сражением под Нарвой¹⁴¹. После Нарвы подобные наборы проводились практически ежегодно, пока к 1705 г. не обрели форму законченной системы рекрутской повинности, охватившей всю территорию государства. Подобным образом происходило формирование кавалерийских частей: в 1699–1700 гг. были организованы два драгунских полка¹⁴², а на протяжении 1701–1702 гг. комиссией кн. Б. А. Голицына из дворян и бывших рейтар были составлены еще девять драгун-

¹³⁸ Бескровный Л. Г. Реформа армии и создание военно-морского флота. С. 346.

¹³⁹ См.: Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 221–222.

¹⁴⁰ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 24.

¹⁴¹ Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии... С. 232. Впрочем, В. О. Ключевский, например, невысоко оценивал эти соединения с точки зрения боевой ценности, характеризуя их как «наскоро составленные, наскоро обученные немцами полки новобранцев... Нарва обнаружила их боевое качество» (Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4. С. 60).

¹⁴² Рабинович М. Д. Полки Петровской армии... С. 85.

ских полков¹⁴³. Таким образом, всего за несколько лет в армию было взято более 30 тыс. человек. Значительно сложнее оказалось подыскать для этих полков необходимое количество офицеров. По справедливому замечанию современных исследователей, «мало собрать людей для формирования полков, нужно придать им правильную организацию, назначить командиров и обучить, причем на все это отводилось лишь несколько месяцев»¹⁴⁴. «Некоторую часть русских и иностранных офицеров дали солдатские полки, однако их было мало», так что уже в 1700 г. был издан указ о личной воинской повинности дворян, по которому «на офицерские должности было направлено около 2 тыс. дворян»¹⁴⁵. Следует напомнить, что подобные идеи выдвигались в свое время еще кн. В. В. Голицыным, так что и здесь мы не наблюдаем никаких принципиальных нововведений.

Военная реформа Петра I на начальном этапе ее проведения как по своим методам, так и по достигнутым результатам представляется мерой вполне традиционной и полностью укладывающейся в рамки процесса формирования войск «нового строя» на протяжении второй половины XVII в. Организация и комплектование солдатских и драгунских полков в 1698–1702 гг. недвусмысленно свидетельствуют об этом. Более того, в ходе петровских преобразований в структуре вооруженных сил страны нашли свое место и большинство соединений старой организации. Даже полки стрельцов, с которыми, как принято считать, Петр жестоко расправился после мятежа 1698 г., затем «были не только реставрированы, но и сформированы вновь на прежних основаниях», а со временем «наиболее боееспособные кадры стрелецкого войска были поглощены регулярной армией и превратились в солдат»¹⁴⁶. И только с 1705 г., когда уже сложилась единообразная рекрутская система комплектования армии, начался процесс унификации всех ее соединений, позволивший в 1711 г. ввести твердые штаты для полевых войск. Гарнизонные же войска, выполнявшие функции резерва полевой армии, а также служившие для подавления волнений внутри страны, обрели более или менее стройную организацию лишь к 1720 г.¹⁴⁷

Какое же место занимал в описанной нами структуре вооруженных сил России начала XVIII столетия полк сибирских драгун? В упомянутом выше справочнике М. Д. Рабиновича об этом соединении дается следующая информация: «Сибирский драгунский полк полковника Давида Мейна.

¹⁴³ См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке... С. 42.

¹⁴⁴ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 22.

¹⁴⁵ *Бескровный Л. Г.* Реформа армии и создание военно-морского флота. С. 356–357.

¹⁴⁶ *Рабинович М. Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 11.

¹⁴⁷ См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке... С. 24–26, 44–46.

Сформирован в 1700 г. из поселенных драгун Тобольского уезда. В 1706 г. – полк полковника Ивана Аршиневского (Аршеневского), в 1714 г. – полковника Леонтия Парфентьева»¹⁴⁸. Подробное изложение всей доступной информации здесь вряд ли возможно: история различных соединений русской армии, дислоцированных в Сибири на протяжении XVIII в., сама по себе может послужить темой отдельного большого исследования. Тем не менее мы можем остановиться на некоторых интересных деталях, сопровождавших повседневное существование сибирских драгун в годы Северной войны. Это касается как служебного статуса и механизмов снабжения полка, так и ряда лиц, командовавших им, но не упоминавшихся в этом качестве ранее. На основании этих данных мы можем ответить на вопрос: правомерно ли относить Сибирский драгунский полк к гарнизонным войскам в составе русской армии на протяжении первой четверти XVIII в.? Выясним, какими особенностями характеризовалось положение интересующего нас полка.

Во-первых, правительство молодого Петра I с самого начала попыталось переложить расходы по выплате жалованья сибирским драгунам на плечи местного населения. Если в Москве и других городах Европейской России, где в 1699–1702 гг. формировались солдатские и драгунские полки, предназначенные для отправки на театр военных действий против Швеции, содержание новобранцев и выплату им денежного жалования, как правило, брала на себя государственная казна¹⁴⁹, то в Сибири дело обстояло иначе. Уже в именном указе Петра I от 22 декабря 1697 г. о формировании драгунского полка содержалось распоряжение: для выплаты положенного драгунам жалованья (3 руб. в год) «збирать в Тоболску и Тоболского розряду в городех и в слободах з государевых крестьян и с посацких людей по 10 алтын, а с митрополичьих и с монастырских по полтине з двора»¹⁵⁰. Таким образом, речь шла фактически о введении нового налога для крестьянского и посацкого населения Тобольска, Верхотурья, Туринска, Пельма, Тары и других сибирских городов с уездами. В грамоте тобольского воеводы кн. М. Я. Черкасского, отправленной на Верхотурье, уточнялась причина этого нововведения: «Для недостатку в Сибирском приказе... денежной казны»¹⁵¹.

Для раскладки налога по дворам предлагалось использовать данные писцовых книг, составленных в свое время Л. Поскочиным, а в дальнейшем – обновленные данные И. Качанова, тогда же получившего задание

¹⁴⁸ *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии... С. 85. В качестве источника автор указывает: *ПСИ*. Кн. 1, № 71. С. 290.

¹⁴⁹ *Рабинович М. Д.* Формирование регулярной русской армии... С. 229–232; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке... С. 42.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 214, оп. 5, д. 1231, л. 50.

¹⁵¹ Там же. Оп. 3, стб. 1312, л. 303.

составить новые описания населенных земель в границах Тобольского разряда. В случае невозможности собрать налог деньгами его требовалось взимать «холстами и овчинами и сукнами сермяжными добрыми». Впрочем, с точки зрения властей подобная мера не должна была стать разорительной, а для уплативших искомые 10 алтын предусматривалось поощрение: «Во всяких иных поборах крестьян облегчить по рассмотрению в чем возможно»¹⁵². К лету 1698 г., по данным, поступившим из Тобольска в Сибирский приказ, с 11 с лишним тысяч тяглых дворов удалось собрать более 3,5 тыс. руб., ушедших на первую выплату годового жалования драгунам¹⁵³. Судя по всему, подобные сборы проводились и в последующие годы.

Участие центра в материальном снабжении Сибирского драгунского полка состояло, вероятно, лишь в ежегодной отправке из Москвы в Тобольск партий кумачей, предназначенных для раздачи рядовым драгунам. Однако и здесь власти очень быстро перестали выполнять принятые на себя обязательства. Если в 1698 г. в Сибирь действительно была послана 1 тыс. кумачей ценой по 1 руб. каждый, то уже в 1699 г. часть присланного оценивалась в 20 алтын за штуку, а в 1700 г. вся партия кумачей состояла из оцененных в 23 алтына 2 деньги за каждый. С 1701 г. эти поставки прекратились вовсе¹⁵⁴. Уже в декабре 1702 г. выборные от драгун подали в приказную палату в Тобольске челобитную, прося выдать им положенное число кумачей за прошедшие два года, а впредь заменить эти выдачи прибавкой еще одного рубля к их ежегодному денежному жалованию. Однако поскольку, как выяснилось весной 1703 г., «в казне великого государя... кумачей красных нет», было принято следующее решение, закрепленное в указе Петра I от 20 мая того же года: возместить драгунам недоданное жалование вместо кумачей китайками, а в дальнейшем заменить кумачи не деньгами, а «товарами, которые в мене будут у Ямыша озера»¹⁵⁵ (т. е. полученными в ходе торговли с джунгарами, казаками и другими обитателями степей. — А. Д.). Но власти и здесь постарались извлечь для себя выгоду, установив каждому из драгун прибавку в размере не 1 руб., а лишь 28 алтын и 2 денег.

Очередная попытка сибирских драгун добиться восстановления справедливости (в 1707 г. они вновь требовали повышения им прибавочного жалования до 1 руб.) успехом, по-видимому, не увенчалась. А в 1713 г. Петр I своим указом вообще отменил полагавшиеся драгунам денежные выплаты, предписав им жить «с пашенной и сенокосной земли», хотя с

¹⁵² РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 1312, л. 303–304.

¹⁵³ Там же. Оп. 1, кн. 1354, л. 16.

¹⁵⁴ Там же. Оп. 5, д. 1231, л. 50.

¹⁵⁵ См.: Там же. Л. 50 об. — 51.

1718 г. Сибирский приказ вновь начал выдавать им жалование деньгами. Как видим, очевидна попытка возвращения к широко распространенному еще в XVII в. феномену «поселенных драгун», соединения которых предназначались для охраны южных и северо-западных границ Европейской России в годы правления царя Алексея Михайловича¹⁵⁷.

Другой особенностью положения сибирских драгун в начале XVIII в. был порядок назначения командиров их полка. Если в соединениях действующей армии этим вопросом ведал Приказ военных дел, во главе которого стоял Т. Н. Стрешнев, то назначения на командные должности Сибирского драгунского полка являлись прерогативой Сибирского приказа. Но поскольку первые годы XVIII столетия были отмечены случаями, когда тобольский воевода кн. М. Я. Черкасский своей властью назначал временно исполняющим обязанности драгунского командира кого-либо из представителей местной служилой верхушки. Еще в ходе перевода беломестных казаков Тобольского уезда в драгуны при формировании полка их временно возглавил казачий голова Иван Текутьев¹⁵⁸, но первым полноправным командиром сибирских драгун следует, по-видимому, считать полковника Давыда Яковлевича Мейна. У него была довольно интересная биография.

Сын полковника-иностранца Якуба Мейна, сосланного в Тобольск еще в 60-х гг. XVII в.¹⁵⁹, Д. Я. Мейн поступил на военную службу в правление Алексея Михайловича и к 1698 г. продвинулся по служебной лестнице до звания полковника, а также получил придворный чин стольника. В 1698 г. он служил в Белгороде и отвечал за формирование отдельного полка из солдат Белгородского разряда. Командиром Белгородского солдатского полка, впрочем, был назначен тогда А. Н. Нелидов¹⁶⁰, а Д. Я. Мейн по указу Петра I от 13 декабря 1698 г. отправился в Тобольск, чтобы принять на себя командование Сибирским драгунским полком. Годовое жалование ему было положено в размере 100 руб., по 50 четвертей ржи и овса плюс 20 пудов соли¹⁶¹. Помогать ему в исполнении командных обязанностей был призван тюменский сын боярский Степан Текутьев, награжденный чином драгунского полуполковника¹⁶².

¹⁵⁶ Об этом см.: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 69–70.

¹⁵⁷ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 140–141; Загорский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 132–133.

¹⁵⁸ Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 62.

¹⁵⁹ См. о нем: РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, л. 2–11; стб. 630, л. 1–23; стб. 820, л. 132–145.

¹⁶⁰ Рабинович М. Д. Полки Петровской армии... С. 26.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 214, оп. 5, д. 677, л. 7.

¹⁶² Там же. Оп. 1, кн. 1354, л. 15 об.

За те несколько лет, в течение которых Д. Я. Мейн командовал сибирскими драгунами, их полк, судя по всему, обрел все признаки самостоятельной боевой единицы. Драгунские роты во главе с капитанами были распределены по местам постоянной дислокации, откуда ежегодно предпринимали вылазки в степь, когда возникала необходимость отогнать от границ русских владений отряды кочевников. Например, в 1701 г. подобный рейд продолжался несколько месяцев¹⁶³. Новым по сравнению с практикой XVII в. было использование в походах артиллерийских орудий, хотя присланные по указу Петра I в Тобольск тяжелые железные пушки не годились для преследования кочевников, так что Д. Я. Мейн предпочитал легкие медные пушки, о чем сам докладывал тобольским воеводам¹⁶⁴. Однако уже в 1702 г. полковник Д. Я. Мейн скончался¹⁶⁵, и перед Сибирским приказом встал вопрос о назначении нового командира драгун. В качестве временной меры тобольский воевода кн. М. Я. Черкасский поручил командование «на время до указа» голове пеших казаков Ивану Аршинскому.

Лишь осенью 1703 г. состоялось новое назначение: по решению стольника кн. Ф. Ю. Ромодановского, одобренному Петром I, командиром тобольских драгун стал «иноземец» Александр Линг¹⁶⁶. Бывший подданный курфюрста Бранденбургского прибыл в Россию еще в 1695 г., поступив на военную службу и получив чин капитана в полку В. Лексина, расквартированном в Смоленске. Спустя два года А. Линг крестился в православную веру, после чего был переведен в Казань уже в чине майора, затем некоторое время исполнял обязанности командира полка стрельцов в Уфе. Наконец, уже в первые годы XVIII столетия он попал на сибирскую службу, став головой конных и пеших казаков Томска, однако не ужился со своими подчиненными, конфликтовал с томским воеводой Г. Петрово-Соловово, и в 1703 г. А. Линг подал челобитную о назначении его «Тобольского уезду в слободах у драгун головою на полковника на Давыдово место Мейна»¹⁶⁷. При этом все остальные офицеры полка должны были со-

¹⁶³ См.: ПСИ. Кн. 1, № 35. С. 144–167.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1310, л. 199 об. – 200.

¹⁶⁵ Отписка тобольских воевод с известием о кончине полковника датирована 9 августа 1702 г. (см.: Там же. Оп. 5, д. 729, л. 3).

¹⁶⁶ Там же. Л. 3 об. – 4.

¹⁶⁷ Челобитная самого А. Линга, по-видимому, не сохранилась, однако упомянутые факты из его биографии приведены в тексте указа Петра I о его назначении, посланного в Тобольск 28 октября 1703 г. (см.: Там же. Д. 677, л. 7–8). О сибирской карьере А. Линга упоминал М. О. Акишин (см.: Акишин М. О. Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 66–67). См. также: Zuev A. Das Aktenfaszikel Aleksandr Linge oder: Ein Brandenburger in Sibirien // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa. 1995. N 2. S. 99–105.

хранить свои чины и звания: «Да с ним быть у того полку прежним полуполковником и маеору и капитаном». Мера эта была не лишней, поскольку выбор Сибирского приказа оказался неудачным: спустя всего полтора года А. Линг, бросив службу, сбежал из Тобольска. Попытка перехватить его силами местных служилых людей, отправленных в Уфу и Казань, успехом не увенчалась, так что сибирские драгуны вновь оказались без командира. С августа 1705 г. полковыми делами временно ведали полуполковники Степан Текутьев и Леонтий Парфентьев¹⁶⁸.

Описанный выше случай, видимо, способствовал осознанию необходимости изменить те принципы, которыми руководствовались ранее при решении вопроса о назначении командиров Сибирского драгунского полка. Отныне вместо присылаемых из Москвы «иноземцев» на эту должность начали назначать выходцев из местного служилого сословия. Первым из них стал уже упоминавшийся Иван Иванович Аршинский. Положительное решение по его кандидатуре было принято в декабре 1705 г.¹⁶⁹ Командирские полномочия и служебные обязанности И. Аршинского были расписаны в соответствующем наказе, полученном им при вступлении в должность¹⁷⁰. Никаких принципиальных изменений во внутренней структуре и боевых задачах полка, судя по тексту наказа, не произошло: драгуны по-прежнему дислоцировались отдельными ротами во главе со своими капитанами по острогам и слободам Тобольского уезда, граничившим со степью; при этом ротные командиры исполняли также обязанности приказчиков в отношении крестьянского населения вверенных им слобод: «Быть в тех слободах на приказах тем драгунским капитаном безпеременно, ведать им судом и всякою росправою драгун и крестьян туточных. Да с ними ж капитаны старост и лучших крестьян по 2 или по 3 человека, и им капитаном с теми старосты... всякую росправу меж драгун и крестьян чинить в правду»¹⁷¹. Аналогичная ситуация наблюдалась еще в 1698 г., когда бывшим сотникам беломестных казаков, ныне превратившимся в драгунских капитанов, было поручено собирать с крестьян деньги для первой выплаты годового жалованья только что сформированному полку¹⁷².

Уже к 1709 г. И. Аршинского сменил в должности командира полка Л. Парфентьев, сохранявший свои полномочия до середины 20-х гг. XVIII в. Указанный период в истории сибирских драгун уже привлекал внимание исследователей, поэтому нет необходимости останавливаться на

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 214, оп. 5, д. 729, л. 5.

¹⁶⁹ Там же. Л. 5 об. – 6 об.

¹⁷⁰ Текст наказа опубликован (см.: ПСИ. Кн. 1, № 71. С. 289–301).

¹⁷¹ Там же. С. 292.

¹⁷² «И те слободы ведать капитаном, а иных взятков з драгун и с крестьян не брать...» (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 1354, л. 16).

нем сколько-нибудь подробно¹⁷³. Следует лишь обратить внимание на одну проблему, до сих пор, судя по всему, ускользавшую от внимания специалистов. В уже упоминавшемся справочнике М. Д. Рабиновича указано, что в 1711 г. из «служилых людей старых служб» Сибирской губернии был сформирован Сибирский гарнизонный драгунский полк¹⁷⁴. У читателя, не знакомого с предысторией вопроса, может создаться впечатление, что это было уже второе воинское соединение на территории Сибири. Однако здесь, вероятно, автор справочника просто допустил ошибку, поскольку никаких сведений о новых наборах в драгуны, необходимых для формирования второго полка, в документах Сибирского приказа нет. Попробуем разобраться: что же послужило причиной такой ошибки?

Как правило, именно 1711 г. считается датой начала формирования гарнизонных войск в составе русской армии. Об этом упоминается в работах как русских военных историков начала XX в., так и советских исследователей¹⁷⁵. Единодушно они и в том мнении, что как раз на 1711 г. пришлось формирование двух гарнизонных драгунских полков. Однако при этом необходимо помнить, что эти полки формировались в Воронеже и Казани¹⁷⁶, а не в Сибири! А уже в 1720 г., что также единодушно признано исследователями, драгунских гарнизонных полков насчитывалось уже четыре: Воронежский, Оренбургский, Сибирский и Астраханский¹⁷⁷. Почему в этом перечне фигурирует полк сибирских драгун? Потому, что в 1711 г. ему, как уже существующему соединению, был официально придан статус гарнизонного полка, что и подтверждается материалами из архива Сената. Так, в общей ведомости армейских соединений, представленной в Сенат к концу 1711 г., фигурирует и Сибирский драгунский полк, причем в ней указаны и особенности его положения. В частности, материальное снабжение и выплаты жалования полку входили в компетенцию Сибирского приказа, а высшей инстанцией для его командира показан непосредственно сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин¹⁷⁸. Это вполне соответствует тому, что уже отмечали русские военные историки в начале XX в., говоря о гарнизонных драгунских полках как о «состоявших в распоряжении местных губернаторов, – для кордонной и вообще местной службы»¹⁷⁹.

¹⁷³ См., напр.: Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья... С. 67.

¹⁷⁴ Рабинович М. Д. Полки Петровской армии... С. 101.

¹⁷⁵ *Столетие* Военного министерства. 1802–1902 гг. СПб., 1902. Т. 4. Введение. С. 121; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 45.

¹⁷⁶ *Столетие* военного министерства... Т. 4. Введение. С. 121.

¹⁷⁷ Там же. Приложения. С. 29; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 45.

¹⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 20, оп. 1, д. 16, ч. 2.

¹⁷⁹ *Столетие* военного министерства... Т. 4. Введение. Приложения. С. 29.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что Сибирский драгунский полк был не только первым из армейских соединений, дислоцированных на территории Сибири в правление Петра I, но и первым в составе гарнизонных войск русской армии начала XVIII столетия. Судя по всему, он оставался единственным подразделением петровской регулярной армии за Уралом вплоть до середины 1720-х гг. Как справедливо отмечал Г. Ф. Быконя, с введением в 1719–1722 гг. подушной подати на содержание регулярной армии все ее полки были распределены по губерниям страны. По расписанию Петра I в 1720 г. на Сибирскую губернию приходилось три гарнизонных пехотных полка (Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский¹⁸⁰) и один драгунский. Однако приказ отбыть в Сибирь на постоянные квартиры упомянутые солдатские полки получили лишь в 1724 г.¹⁸¹ С учетом этой информации и следует скорректировать используемые в литературе данные о составе регулярной армии России в Петровскую эпоху.

Традиционно считается, что деятельность Петра, прежде всего связанная с созданием регулярной армии, повлекла за собой коренной поворот в жизни Московской Руси и превращение ее в Российскую империю. Однако, на наш взгляд, следует согласиться скорее с утверждением о том, что «новаторский характер многих деяний Петра зачастую преувеличивали, и это характерно, в том числе, для военной сферы... Новыми здесь были лишь размах предпринятых мер и та последовательная решимость, что лежала в основе намерения Петра сделать Россию европейской державой»¹⁸². Кроме того, вызывает вопросы и то обстоятельство, можно ли считать всю русскую армию петровского времени регулярной. Советские исследователи давали на этот вопрос только положительные ответы, но среди современных специалистов распространено мнение, что при Петре «было завершено создание регулярной пехоты и только заложены основы строительства регулярной армии в России»¹⁸³. В основе его лежит тезис о присутствии регулярной армии четком разделении по родам войск (пехота, кавалерия, артиллерия и др.). Между тем «созданную Петром I конницу драгунского типа с большой натяжкой можно причислить к кавалерии... Опыт боевого применения драгун в Северной и последующих войнах показывает, что они использовались в основном как маневренная пехота и предна-

¹⁸⁰ Рабинович М. Д. Полки Петровской армии... С. 70, 72.

¹⁸¹ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 174.

¹⁸² Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. P. 96.

¹⁸³ Копылов И. А. От регулярных войск к регулярной армии. О дате создания Российской Армии // Воен.-ист. журн. 1999. № 1. С. 63. См. также: Леонов О. Г., Мельников И. Э. Указ. соч. С. 12–27.

значались для ведения огневого боя в спешном порядке»¹⁸⁴. Таким образом, именно драгунские соединения в наибольшей степени олицетворяли живую связь петровских преобразований в военной сфере с «наработками» предшествующего столетия.

Таким образом, эволюция контингента сибирских драгун полностью соответствовала тенденциям первых лет военных преобразований Петра I, характеризовавшихся лишь незначительными отступлениями от опыта формирования войск «нового строя», использовавшегося на всем протяжении второй половины XVII в. Даже по времени события, происходившие в европейской части страны и в Сибири, практически совпадали: в 1690 г., сразу после падения царевны Софьи, сибирские драгуны были переведены в статус беломестных казаков, а в 1698 г., перед началом новых масштабных наборов в войска, был заново сформирован Сибирский драгунский полк. Как в Европейской России, так и в Сибири при комплектовании армейских полков использовались одни и те же способы, практически ничем не отличавшиеся от мер, предпринимаемых в правление Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Поэтому оценить судьбу сибирских войск «нового строя» на протяжении последних двух десятилетий XVII в. мы можем следующим образом.

***

В ходе военной реформы царя Федора Алексеевича (1676–1682), окончательно придавшей большинству частей русской армии характер регулярных войск, была предпринята попытка реорганизации и упорядочения драгунской службы в Сибири. Для этого была разработана программа, предусматривавшая создание полноценного (в численном отношении) драгунского полка и обеспечение драгун соответствующим вооружением. Однако практически ничего из этого не было сделано. Причиной такого результата стали как объективные обстоятельства (нехватка личного состава, финансовые затруднения), так и нежелание местной администрации заниматься делами сибирских драгун. В дальнейшем драгун фактически объединили с беломестными казаками Тобольского уезда, а в 1686 г. было решено перевести их на службу «с пашни», лишив денежного жалования (впрочем, этим решением была лишь официально оформлена уже сложившаяся к тому моменту практика). К 1689 г. произошли окончательная утрата сибирскими драгунами самостоятельного статуса и превращение их в составную часть всего контингента русских служилых людей на территории Тобольского уезда. Теперь оставался лишь один шаг – привести форму в точное соответствие с содержанием, т. е. формально упразднить драгунские войска в Сибири. Это было сделано в 1689 г., когда сибирские драгу-

¹⁸⁴ Копылов И. А. Указ. соч. С. 67.

ны были официально переведены в ряды беломестных казаков. Однако уже в 1698 г., с началом новых масштабных наборов в солдатские и драгунские полки, все они вновь были записаны в состав Тобольского драгунского полка, ставшего первым из созданных на территории Сибири в ходе военной реформы Петра I армейских соединений.

Проанализировав описанные выше события, мы можем дать определение специфики данного этапа в истории войск «нового строя» в Сибири.

Во-первых, после провала большинства начинаний в период царствования Федора Алексеевича сибирские войска утратили свойственный им ранее характер оригинального феномена в составе русских вооруженных сил на территории Западной Сибири, превратившись фактически в одну из групп приборных служилых людей. Все изменения, происходившие с ними, были обусловлены отнюдь не военным, а экономическим (прежде всего, финансовым) фактором. Изученные нами события 70–80-х гг. XVII в. подтверждают эту тенденцию. Да и временное расформирование сибирских драгун в конечном счете было обусловлено именно незаинтересованностью в их дальнейшем существовании как местной администрации, так и центрального правительства.

Во-вторых, вся служба сибирских войск сводилась теперь лишь к постоянной охране пограничных острогов и слобод. Таким образом, имеет место картина, противоположная наблюдавшейся на первом этапе, когда сибирские полки активно участвовали в боевых действиях. Естественно, это не лучшим образом сказывалось на их дисциплине и боевой подготовке. Кроме того, это обусловило сокращение расходов казны на их содержание. К началу 80-х гг. драгунских полков практически не осталось уже на всей территории Русского государства, так что существование отдельного их контингента в Сибири оказывалось ничем не оправданным. Однако следует заметить, что именно драгуны, в отличие от исчезнувших ранее солдат, а теперь и рейтар, доказали свою пригодность в деле охраны границ русских владений здесь, что подтвердилось после восстановления их полка в 1698 г.

Наконец, в-третьих, оставаясь формально в рядах войск «нового строя», люди, служившие там, фактически потеряли свое особое положение в структуре служилого населения и были уравниены в обязанностях с другими категориями служилых людей. Это выразилось, в частности, в переходе драгун к занятиям, аналогичным служебным обязанностям стрельцов, казаков и др. Сыграло свою роль, разумеется, и размывание драгунских рядов представителями иррегулярных частей русских вооруженных сил в Зауралье, прежде всего беломестными казаками. Завершился этот процесс формальным объединением драгун с беломестными казаками Тобольского уезда в 1689 г., что означало временную ликвидацию войск «нового строя» на территории Сибири. Однако уже при восстановлении в 1698 г. Тобольского драгунского полка опыт формирования здесь

подобного рода соединений, особенно в ходе реформы тобольского воеводы П. И. Годунова, был учтен в полной мере, подобно тому как это происходило на первом этапе создания русской регулярной армии Петром I в других регионах страны. Как видим, для достижения этой цели преобразователь был готов воспользоваться любыми из оказывавшихся в его распоряжении «наработок», в том числе такими, которые относились к иррегулярным войскам, каковыми, несомненно, являлись сибирские драгуны. Тем не менее это не помешало ему начать формирование новой армии на территории Сибири именно с восстановления здесь их прежнего контингента. Этот факт лишний раз доказывает, насколько глубоко была связана военная реформа начала XVIII столетия с деятельностью в этой сфере отца и брата Петра Великого, не только подготовивших ее, но и доставивших ему средства для ее осуществления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы восстановили историю полков «иноземного строя» на территории Сибири на протяжении полувека: с середины XVII столетия до первого десятилетия XVIII в. В истории вооруженных сил России этот отрезок оказался насыщен чрезвычайно интересными и важными событиями. Совершенно прав, на наш взгляд, А. В. Малов, утверждая, что именно тогда русская армия «прошла свой исторический путь от сословного войска средневекового Московского государства до регулярной императорской армии Петра Великого»¹. Путь этот получился достаточно сложным и извилистым, сопряженным со многими трудностями. Попробуем кратко сформулировать ответ на вопрос: подтверждается ли материалом, представленным в нашей работе, изложенный выше тезис? На основании полученных в ходе данного исследования результатов мы можем сделать следующие выводы.

Изученный нами феномен занимает заметное место в истории русской армии XVII в. Обращает на себя внимание, прежде всего, своеобразный характер эволюции сибирских полков «нового строя» в сторону иррегулярных воинских формирований, что резко отличает их от всех остальных армейских соединений этого периода. И просто уникальным (с общепринятой точки зрения) является то обстоятельство, что эти особенности сохранились и в ходе военной реформы Петра I, сделавшей необратимым процесс перевода русской армии на регулярную основу. Это доказывает, помимо всего прочего, что целью данной реформы было, как и прежде, создание сильной современной армии, которая соответствовала бы стоявшим на повестке дня задачам внешней и внутренней государственной политики. Вопрос же о том, будет ли эта армия иметь характер регулярной, решался лишь с учетом требований практической необходимости и в зависимости от того, для борьбы с какими конкретными противниками предназначались те или иные ее соединения.

Главная из причин, вызвавших к жизни изучаемое явление, состояла в желании московского правительства иметь в составе вооруженных сил на территории Сибири соединения войск «нового строя», подобные тем, которые дислоцировались в европейской части страны. С этим выводом, сделанным еще Н. И. Никитиным², трудно не согласиться. Однако это утвер-

¹ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 576.

² Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 38; Зуев А. С. Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков «нового строя») // Социокультурное развитие Сибири

ждение является слишком общим и может быть в принципе отнесено к различным эпизодам сибирской истории начиная еще с появления роты рейтар в Таре в 30-х гг. XVII в. Однако существует и вполне рациональное объяснение тому, что в качестве отправной точки был выбран именно 1659 г. Мы можем ретроспективно обосновать такой выбор с учетом следующих событий.

Во-первых, в ходе войны Московского государства с Речью Посполитой за Украину с 1654 г. по всей территории страны в рамках ускоренного преобразования армии стали активно формироваться свежие части войск «нового строя». В 1658–1660 гг. проводились общегосударственные наборы «даточных людей», в результате которых численность русской армии возросла на несколько десятков тысяч человек. Именно в рамках этих масштабных мероприятий и было принято решение о распространении на территорию Сибири тех преобразований, которые осуществлялись в отношении вооруженных сил Русского государства, дислоцированных вблизи границ европейской части страны.

Во-вторых, именно на конец 50-х гг. XVII в. приходятся первые попытки завязать серьезные отношения с Китаем, куда направляются миссии Ф. Байкова в 1656 г. и И. Перфильева в 1659 г. Следовательно, укрепление собственных вооруженных сил на лишь недавно присоединенных территориях должно было приобретать для московского правительства еще и дополнительную актуальность в свете возможных будущих контактов с восточным соседом. Наконец, необходимо учитывать и то обстоятельство, что именно с середины XVII в. южные границы русских владений в Сибири стали подвергаться постоянным нападениям отрядов джунгар и киргизов. Таковы причины (выражаясь современным языком, военно-стратегического, а также геополитического характера), вызвавшие появление на территории Западной Сибири в указанное время этих соединений.

С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что такие соединения создавались в первую очередь для защиты русских владений в Западной Сибири от набегов степных кочевников. Встреченные нами в документах упоминания о боевых действиях, в которых принимали участие соединения сибирских полков, дают основание для нескольких оценок. С одной стороны, в чисто военном отношении нельзя сказать, чтобы рейтары и солдаты (говорим здесь только о них, так как драгуны в боях практически не участвовали) на протяжении 60-х гг. XVII в. преуспели в защите пограничных слобод и деревень от набегов. Чаще всего они просто не поспевали к месту событий. С другой стороны, когда от тактики пассивной обороны русские войска переходили в контрнаступление и сами вторгались в степи, сразу же достигались значительные успехи. Использо-

вать такую тактику постоянно, как это было принято на южных границах Европейской России, которые войска «нового строя» прикрывали от набегов крымских татар, не позволяла сравнительно невысокая боеготовность сибирских полков, а также их слабое материальное обеспечение. Тем не менее есть все основания говорить о том, что в столкновениях, например, 1662–1664 гг. с восставшими башкирами сибирские войска «нового строя» сыграли не последнюю роль, как и в подавлении в конечном счете этого восстания.

Те изменения (прежде всего, организационные), которые происходили с сибирскими полками на всем протяжении их существования, имели в своей основе по большей части лишь экономическую (финансовую) подоплеку, что придавало эволюции этих соединений своеобразный характер. Прежде всего, сыграло свою роль то, что центральная власть не учитывала специфику условий службы в Сибири. На эту мысль наводят, в первую очередь, размеры денежных окладов, установленных для рядовых в этих полках, не говоря уже об офицерах. Ежегодно на эти выплаты должны были уходить десятки тысяч рублей, что предполагало, естественно, постоянное финансовое снабжение из Москвы. В 60-х гг. XVII в. подобные поставки действительно отмечаются, но уже с конца этого десятилетия невыплаты и задержки жалования стали просто хроническими. На протяжении последующих двух десятилетий наблюдалось неуклонное сокращение окладов жалования, начатое еще воеводой П. И. Годуновым в 1668 г., а закончившееся переводом сибирских драгун на службу «с пашни» в 1686 г.

Именно то обстоятельство, что финансовый аспект неизменно оказывался ведущим даже при решении чисто организационных вопросов, и предопределило как направление, которое приняла эволюция изучаемого явления, так и результат, к которому она в итоге привела. Начиная еще с воеводы П. И. Годунова отношение местной администрации к сибирским полкам определялось прежде всего ее заинтересованностью в сокращении расходов, связанных с их содержанием, особенно с учетом того, что реальной военной угрозы русским владениям в Западной Сибири уже практически не существовало. В условиях прекращения регулярных денежных присылок из Москвы эти расходы становились все более обременительными для тобольской казны. Неудачная попытка масштабных преобразований в отношении драгунского контингента, замышлявавшихся в царствование Федора Алексеевича (1676–1682 гг.), только подтвердила обоснованность подобной точки зрения. В результате к концу 80-х гг. XVII в. от сибирских драгун осталось, по сути, лишь одно название, а в 1689 г. их соединения вообще были временно упразднены. Не последнюю роль сыграли в подобном исходе и те особенности, которые сибирские войска «нового строя» приобрели под воздействием местных условий службы. Эти особенности значительно отличали их от классических образцов полков «но-

вого строя» в русской армии XVII в., поэтому на них следует обратить особое внимание.

Говоря об организационных аспектах сформированных в Сибири полков «нового строя», нужно заметить, что сложившаяся здесь структура обладала определенной спецификой по сравнению со структурой аналогичных полков в Европейской России. Это проявилось, прежде всего, в качественном составе сибирских полков. Например, в рейтары в России XVII в. набирались почти исключительно дворяне и дети боярские. Они не только получали денежное жалованье, но и сохраняли за собой свои поместные оклады. По словам А. В. Чернова, «поместные и денежные оклады за ними сохранялись те, которые они получали при верстании как дворяне и дети боярские»³. В Сибири же ситуация была иной, здесь среди рейтар большинство составляли не дети боярские, а служилые люди «литовского списка» и конные казаки, получавшие только денежное жалованье. Таким образом, сибирские рейтары не имели того привилегированного статуса «дворянской конницы нового строя», который был характерен для этих соединений в европейской части страны. Пожалуй, лишь полк тобольских солдат, существовавший в Западной Сибири на протяжении 60-х гг. XVII в., вполне вписывался в принятые для этих соединений «стандарты»: набор в них казачьих и стрелецких детей на основе тех же принципов, которые были свойственны наборам «даточных людей», выдача на каждый день «кормовых денег» и т. д. Однако плачевное состояние боевой подготовки и материального положения солдатских частей не позволили им существовать здесь сколько-нибудь продолжительное время.

Совершенно особым явлением стали сибирские драгуны. Изначально планировалось организовать их по образцу устройства драгун на южных и северо-западных границах России, но при этом имелось одно существенное отличие. Там в драгуны записывали крестьян целых волостей, чтобы они, неся службу, одновременно продолжали вести свое хозяйство. Здесь же в драгуны попали большей частью либо сами сибирские служилые люди (бывшие рейтары и солдаты, казаки и т. д.), либо их дети и родственники. Соответственно они хотя и получили в слободах землю под пашни, но продолжали получать денежное жалованье из казны. Наконец, по своим служебным обязанностям и статусу сибирские драгуны вообще не принадлежали к частям регулярных войск, будучи лишь формально выделенным контингентом в ряду всех остальных категорий сибирских служилых людей. Еще до конца 70-х гг. XVII в. произошло «явочным порядком» объединение их с беломестными казаками на территории Тобольского уезда, основанное на отсутствии каких-либо различий в характере той службы, которую они несли. В результате мер, предпринятых правительством царя

Федора Алексеевича, личный состав драгунского контингента оказался в значительной степени разбавлен именно беломестными казаками, а также их детьми и родственниками, записанными на драгунскую службу. Такое положение и привело в конечном счете к временному расформированию этих соединений путем механического перевода служивших в них людей в статус беломестных казаков Зауралья в конце 1680-х гг. Однако история сибирских войск «нового строя» во второй половине XVII в. отнюдь не завершилась этим эпизодом, поскольку уже в 1698 г. в Тобольске был восстановлен драгунский полк, личный состав которого как раз и был набран из беломестных казаков, среди которых немалую долю составляли именно те люди, которые уже несли ранее драгунскую службу.

Как видим, исследованный нами первый опыт формирования на территории Сибири воинских соединений по европейскому образцу оказался достаточно своеобразным. Если в масштабе всей страны к концу XVII столетия войска «нового строя» были представлены в основном рейтарскими и солдатскими полками, принимавшими участие, например, в Крымских походах 1687 и 1689 гг., то в Сибири соединения, принадлежавшие к данным родам войск, оказались невостребованными и нежизнеспособными, реорганизовавшись в конечном счете в иррегулярный контингент драгун. Основной причиной подобной эволюции изучаемого явления стали именно те специфические различия в условиях жизни и службы в Европейской России и на «сибирской окраине» Русского государства, которые были характерны для исследуемого периода и проявлялись практически в любых аспектах: от социального состава русского населения на этой территории до особенностей складывавшейся здесь военно-политической ситуации и взаимоотношений с аборигенами Сибири и их южными кочевыми соседями. Очевидно, что если бы границы русских владений здесь постоянно подвергались реальной военной опасности, подобно южным границам Европейской России, то и отношение к сибирским войскам «нового строя» в исследуемый период было бы совершенно иным. В условиях же относительно спокойной обстановки на всем протяжении 70–80-х гг. XVII в. как центральная власть, так и местная администрация не испытывали особой нужды в услугах этих соединений. Этим и была обусловлена их судьба.

Нельзя не отметить, впрочем, несомненной преемственности между русской армией, создававшейся в начале XVIII столетия Петром I, и войсками «нового строя», доставшимися ему в наследство от его предшественников. Лишь до некоторой степени справедливым представляется нам вывод одного из современных исследователей о том, что «реальные социально-экономические условия России XVII века и финансовые возможности Московского государства не позволили создать регулярной, в полном

³ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 146–147.

смысле этого слова, армии»⁴. Действительно, этот тезис отчасти подтверждается на сибирском материале, при изучении которого можно убедиться, что именно социально-экономические условия определили направление эволюции, да и всю судьбу полков «нового строя» в Сибири. Однако, с другой стороны, трудно не согласиться с А. В. Маловым в том отношении, что солдатские, драгунские и рейтарские полки времени правления царя Алексея Михайловича являли собой «сообразно критериям XVII в. вполне регулярные части»⁵. С точки зрения геополитических задач, стоявших перед страной в то время (возвращение утраченного в ходе Смуты и закрепление за собой Украины), именно войска «нового строя», постепенно составившие основу вооруженных сил России вместо дворянского ополчения, и были тем средством, которое требовалось для их решения. Эти соединения хорошо зарекомендовали себя в войнах с Речью Посполитой, Швецией и Османской империей.

В связи с этим вызывают, по меньшей мере, удивление слова Е. В. Анисимова о «потере боеспособности русской армии, которая во второй половине XVII в. почти не одерживала побед над не самыми сильными в военном смысле соседями – татарами, турками и поляками...»⁶ Напротив, ход и результаты тех вооруженных конфликтов, в которые было вовлечено Русское государство на протяжении второй половины XVII столетия, однозначно свидетельствуют об обратном. Как раз в ходе войн с поляками и турками регулярные части показали себя с наилучшей стороны. Можно вспомнить и о том, что сам Петр I отнюдь не считал себя создателем русской регулярной армии, в преамбуле своего знаменитого «Устава Воинского» 1716 г. указывая на своего отца, царя Алексея, который еще до него «регулярное войско употреблять начал»⁷. Это мнение императора разделялось и его сподвижниками.

Можно вспомнить известное высказывание генерал-кригс-комиссара кн. Я. Ф. Долгорукова, прямо заявившего Петру: «Отец твой... тебе устройением регулярных войск путь показал, да по нем несмысленные все его учреждения разорили, что ты, почитай, все вновь делал и в лучшее состояние привел»⁸. Выше мы упоминали, что упадок регулярных частей в составе русской армии был обусловлен кратковременным периодом пребывания у власти клана Нарышкиных (1689–1695 гг.). Вполне понятно, впрочем, что признать заслуги своего старшего брата, царя Федора, и его сестры Софьи в деле продолжения армейских преобразований Петр, конечно

⁴ Лебедев А. Л. Служилые «иноземцы» в России XVII века (1613–1689 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 16.

⁵ Малов А. В. Московские выборные полки... С. 576.

⁶ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 11.

⁷ Цит. по: Малов А. В. Московские выборные полки... С. 576.

⁸ Цит. по: Там же. С. 577.

же, не мог. Но даже в подобной интерпретации подчеркнута генетическая связь между солдатами, которые сначала были разбиты шведами под Нарвой, а затем громили их под Полтавой, и их предшественниками, сражавшимися в Белоруссии и на Украине против поляков и турок-османов.

Сибирские войска «нового строя», просуществовав 30 лет, были временно расформированы, но быстро восстановлены с началом петровских военных преобразований. В дальнейшем на территорию Сибири были распространены многочисленные рекрутские наборы, проводившиеся в масштабах всей страны⁹. Несмотря на специфику исследованного нами явления (эволюция в сторону скорее иррегулярных войск драгунского типа), оно вполне укладывается в рамки охватившего всю территорию страны на протяжении второй половины XVII – начала XVIII вв. процесса перевода русской армии на новую основу. Этот процесс, в свою очередь, стал неотъемлемой частью той рационализации системы государственного управления и общественного устройства страны, которая нашла «наиболее полное выражение в преобразовательной деятельности Петра»¹⁰. Современная интерпретация петровских преобразований, еще недавно однозначно расценивавшихся как своеобразная «революция сверху», учитывает то, насколько органично связаны эти две эпохи: вторая половина XVII столетия и начало XVIII в. Данная работа также вносит свой вклад в это направление исследований, акцентируя внимание на подготовке, пожалуй, самой известной реформы Петра I – военной, с которой, как обычно считалось, и начался процесс формирования регулярной армии в России. Однако выводы, к которым мы пришли в результате изучения избранной темы – истории войск «нового строя» в Сибири, – свидетельствуют о том, что уже во второй половине XVII в. были известны и успешно применялись те же способы перевода отдельных частей и родов войск в составе русской армии на регулярную основу, которые впоследствии использовались первым российским императором. Это доказывает актуальность и практическую необходимость дальнейшей научной разработки многих еще не до конца изученных вопросов, связанных с историей государственного строительства и эволюции общественного строя в России на протяжении XVII–XVIII вв., эпохи Нового времени.

⁹ См.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 57–61.

¹⁰ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 47.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (Москва):

Ф. 20. Дела военные:

оп. 1, д. 16.

Ф. 61. Сношения России с имперскими городами:

оп. 1, д. 35.

Ф. 199. Портфели Г.-Ф. Миллера:

оп. 2, № 478, ч. 3, д. 57–61, 69–71.

№ 480, ч. 1, д. 1.

№ 543, ч. 1, д. 1.

Ф. 214. Сибирский приказ:

оп. 1, кн. 367, 474, 511, 568, 607, 641, 659, 754, 772, 839, 887, 888, 1044, 1104, 1248, 1310, 1354.

оп. 3, стб. 84, 100, 575, 577, 598, 630, 663, 679, 783, 788, 794, 801, 820, 827, 866, 881, 886, 1312.

оп. 5, д. 407, 677, 729, 1231.

Ф. 1111. Верхотурская приказная изба:

оп. 1, стб. 7, 10, 24, 27, 96 (ч. 1), 124 (ч. 1), 128 (ч. 2), 150 (ч. 1), 157 (ч. 4), 160 (ч. 1), 291, 325.

оп. 2, стб. 112, 148, 780, 781.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Актовые* источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копияных книг. Новосибирск, 1993. Т. 1.
2. *Акты* Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4, 5.
3. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Новосибирск, 2006.
4. *Гордон П.* Дневник. М., 2002. Ч. 2: 1659–1667 гг.; М., 2005. Ч. 3: 1677–1678 гг.
5. *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7.
6. *Дополнения* к Актам Историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4; 1853. Т. 5; 1857. Т. 6; 1859. Т. 7; 1862. Т. 8; 1869. Т. 11.
7. *Древняя Российская Вивлиофика.* СПб., 1895. Т. 3, ч. 5–6: Записки, к сибирской истории служащие.
8. *Материалы* по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.
9. *Международные* отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1.
10. *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895–1901. Ч. 1–4.
11. *Памятники* сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713 гг.
12. *Первое столетие* освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета. Томск, 1999.
13. *Первое столетие* сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996.
14. *Полное собрание* законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830.
15. *Прибыльные* дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII вв. / Авт. вступ. ст. и коммент., сост. М. О. Акишин. Новосибирск, 2000.
16. *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890.
17. *Тобольск.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.
18. *Томск в XVII* веке: Материалы для истории города. СПб., 1912.
19. *Тюмень в XVII* столетии. Собрание материалов для истории города. М., 1903.
20. *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Ч. 1.
21. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись, 1263–1881. Пермь, 1884. Т. 3, 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев В. А.* Военно-исторические исследования в русской армии (Вторая половина XIX – начало XX века) // Воен.-ист. журн. 1986. № 3. С. 81–84.
2. *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
3. *Акишин М. О.* Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 64–68.
4. *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.
5. *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993.
6. *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 1978.
7. *Акманов И. Г.* Восстание 1662–1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XIX вв. Уфа, 1981. С. 45–67.
8. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
9. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
10. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век.
11. *Андреев И. Л.* Дворянство и служба в XVII веке // Отеч. история. 1998. № 2. С. 164–175.
12. *Андреевич В. К.* Исторический очерк Сибири. СПб., 1889. Ч. 1–2.
13. *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
14. *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
15. *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909–1913. Вып. 1–7.
16. *Бакмаханова Н. Е., Нарбаев Н. Б.* Центральноевразийский регион в XVII в.: проблемы исторической географии и демографии // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1997. Кн. 1. С. 74–85.
17. *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971.
18. *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 252–296.
19. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.

20. *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 153–175.
21. *Бахрушин С. В.* Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Науч. тр.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 195–214.
22. *Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Воен.-ист. журн. 1988. № 12. С. 88–90.
23. *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901.
24. *Беляев И. Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
25. *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962.
26. *Бескровный Л. Г.* Реформа армии и создание военно-морского флота // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 342–371.
27. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958.
28. *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2: Артикул Воинский. СПб., 1882–1898. Вып. 1–3.
29. *Бобровский П. О.* Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.
30. *Бобровский П. О.* Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII веке. СПб., 1882.
31. *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998.
32. *Богданов А. П.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 174–192.
33. *Богданов А. П.* Федор Алексеевич // Романовы. Исторические портреты. М., 1997. Кн. 1: 1613–1762. Михаил Федорович – Петр III. С. 156–197.
34. *Богоявленский С. К.* Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. Т. 2, ч. 2, вып. 4–5.
35. *Богоявленский С. К.* Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Ист. зап. 1938. Вып. 4. С. 258–283.
36. *Бородин А. В.* Иноземцы – ратные люди на службе в Московском государстве. Пг., 1915.
37. *Бояришинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. Ист.-филол. наук. 1950. Т. 112. С. 23–210.
38. *Буганов В. И.* Российское дворянство // Вопр. истории. 1994. № 1. С. 29–41.
39. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1.
40. *Быкопя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985.

41. *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.
42. *Вернадский Г. В.* Московское царство. Тверь; М., 1997. Ч. 2.
43. *Вершинин Е. В.* Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.*: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 52–58.
44. *Вершинин Е. В.* Неверность «бродячих царевичей»: Зауральское степное пограничье в XVII в. // *Родина.* 1998. № 1. С. 60–63.
45. *Вершинин Е. В.* «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1989. № 3. С. 60–70.
46. *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.* Иркутск, 1997. Кн. 1.
47. *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967.
48. *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841–1862. Т. 1–30.
49. *Военная история Отечества с древних времен до наших дней.* М., 1995. Т. 1.
50. *Военная история России.* М., 2001.
51. *Военная история России в лицах и судьбах.* М., 1998. Вып. 1: От княжеских дружин до регулярной армии.
52. *Военно-исторический словарь.* М.; Минск, 2005.
53. *Военные традиции России: история, психология, культура: Материалы междунар. науч. конф.* СПб., 2000.
54. *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.
55. *Волкова И. В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // *Вопр. истории.* 2006. № 3. С. 35–51.
56. *Вольнский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. СПб., 1908.
57. *Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков.* М., 1969.
58. *Геллер М. Я.* История Российской империи: В 2 т. М., 2001. Т. 1.
59. *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000.
60. *Голицын Н. С.* Русская военная история: В 3 ч. СПб., 1877. Ч. 2.
61. *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земельное освоение. Новосибирск, 1965.
62. *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983.
63. *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975.
64. *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

65. *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич // *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 169–205.
66. *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.
67. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
68. *Доннелли А. С.* Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740. М., 1995.
69. *Емельянов Н. Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.
70. *Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981.
71. *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980–1982. Ч. 1–2.
72. *Емельянов Н. Ф.* Некрестьянское земледельческое население Сибири в XVII – первой четверти XVIII вв. // *Проблемы исторической демографии СССР.* Томск, 1980. Вып. 1. С. 158–169.
73. *Емельянов Н. Ф.* Томские «остяки» в XVII – первой половине XIX вв. // *Этнокультурные явления в Западной Сибири.* Томск, 1978. С. 105–117.
74. *Емельянов Н. Ф.* Томские служилые люди «литва» в XVII – первой четверти XVIII вв. // *Проблемы исторической демографии СССР.* Томск, 1982. Вып. 2. С. 34–42.
75. *Епифанов П. П.* Войско // *Очерки русской культуры XVII века.* М., 1979. Ч. 1. С. 234–264.
76. *Епифанов П. П.* Оружие // *Очерки русской культуры XVII века.* М., 1979. Ч. 1. С. 265–283.
77. *Епифанов П. П.* Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969.
78. *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
79. *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
80. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
81. *Золотарев В. А.* Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М., 1998.
82. *Зуев А. С.* Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков «нового строя») // *Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века (Бахрушинские чтения 1996 г.):* Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 11–20.
83. *Зыков А. П., Манькова И. Л.* Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // *Проблемы истории России: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие.* С. 315–332.

84. *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.
85. *История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.* Уфа, 1996.
86. *История военной стратегии России.* М., 2000.
87. *История казачества Азиатской России.* Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века.
88. *История Курганской области.* Курган, 1995. Т. 1.
89. *История русской армии.* М.; СПб., 2004.
90. *История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России.*
91. *История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1967. Т. 3.*
92. *Казачи в войнах России.* М., 1991.
93. *Казачи Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр.* Екатеринбург, 1993.
94. *Казачков А. В., Сазонов О. Н.* Военная история (факты, события, процессы). СПб., 1999.
95. *Казачество на государевой службе.* Екатеринбург, 1993.
96. *Калинычев Ф. И.* Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954.
97. *Каменева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975.
98. *Каргалов В. В.* Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // *Воен.-ист. журн.* 1986. № 12. С. 61–67.
99. *Катанев Г. Е.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1: Конец XVI – начало XVII столетий.
100. *Катанев Г. Е.* Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. Омск, 1908.
101. *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. М., 1999. Т. 1: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг.
102. *Клаузевиц К.* О войне. М., 1999.
103. *Ключевский В. О.* История сословий в России // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 225–391.
104. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3–4 // Соч.: В 9 т. М., 1988–1989. Т. 3–4.
105. *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века: (От Смуты до Соборного уложения): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.
106. *Колесников А. Д.* Памятники военно-оборонительного искусства Сибири // *Памятники истории и архитектуры Сибири.* Новосибирск, 1986. С. 4–22.

107. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973.
108. *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1966–1969. Ч. 1–2.
109. *Кондрашенков А. А.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // *Учен. зап. Курган. гос. пед. ин-та.* 1964. Вып. 6. С. 3–93.
110. *Копылов И. А.* От регулярных войск к регулярной армии: О дате создания Российской Армии // *Воен.-ист. журн.* 1999. № 1. С. 63–67.
111. *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Русский военно-исторический словарь. М., 2002.
112. *Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XIX вв.* Уфа, 1981.
113. *Курбатов О. А.* Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650–1660-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
114. *Курилов В. Н.* Социальная структура населения сибирского города XVII в. (по материалам Тюмени) // *Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири.* Новосибирск, 1976. С. 28–39.
115. *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов.* Новосибирск, 1986. С. 26–46.
116. *Ламин В. А., Резун Д. Я.* Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // *Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории.* Новосибирск, 1998. С. 17–24.
117. *Лапин Н. А.* Слобода Царево Городище в XVII столетии // *Учен. зап. Курган. гос. пед. ин-та.* 1962. Вып. 4. С. 3–22.
118. *Лебедев А. Л.* Служилые «иноземцы» в России XVII века (1613–1689 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.
119. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.
120. *Леонтьева Г. А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма).* М., 1973. С. 94–105.
121. *Леонтьева Г. А.* Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // *Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII – начала XX века.* Новосибирск, 1985. С. 3–18.
122. *Леонтьева Г. А.* Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII – первой четверти XVIII в. (историография) // *Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в.* Новосибирск, 1984. С. 100–124.

123. *Леонтьева Г. А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
124. *Лобин А.* «Против недругов стоял и бился мужественно...» Датский офицер на службе у русского царя // *Родина*. 2006. № 11. С. 90–93.
125. *Любавский М. К.* Русская история XVII–XVIII веков. СПб., 2002.
126. *Лютеране в Сибири.* Омск, 2000.
127. *Люцидарская А. А.* К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // *Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири*. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 5–14.
128. *Малов А. В.* Государев выборный полк Аггея Шепелева: Первое солдатское служилое платье // *Цейхгауз*. 2002. № 4. С. 10–13.
129. *Малов А. В.* Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // *Отеч. история*. 2006. № 1. С. 118–131.
130. *Малов А. В.* «Конность, лодность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной // *Цейхгауз*. 2002. № 2. С. 12–15.
131. *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальном периоде своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
132. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.
133. *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие: История развития со времен возникновения до введения бездымных порохов. СПб., 1994.
134. *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1.
135. *Масловский Д. Ф.* Постоянные войска русской армии в XVII столетии // *Воен. сб.* 1890. Вып. 195, № 9. С. 5–36.
136. *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
137. *Менщиков В. В.* Особенности заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // *Земля Курганская: прошлое и настоящее*. Курган, 1992. Вып. 3. С. 56–61.
138. *Менщиков В. В.* Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // *История Курганской области*. Курган, 1995. Т. 1. С. 103–194.
139. *Мигунов Ю. В.* История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001.
140. *Миненко Н. А.* Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // *Казачи Урала и Сибири в XVII–XX вв.*: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 3–16.
141. *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981.

142. *Миненко Н. А.* Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // *Вопросы истории Сибири досоветского периода*. Новосибирск, 1973. С. 245–263.
143. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
144. *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири: Домарксистский период. М., 1970.
145. *Михайлова И. Б.* В заботах о земле и службе // *Родина*. 2003. № 3. С. 28–30.
146. *Михайлова И. Б.* Служилые люди государя и Отечества // *Родина*. 2003. № 12. С. 48–51.
147. *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003.
148. *Михащенко А. Л.* Казачество Южного Зауралья. Курган, 2000.
149. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.
150. *Мышлаевский А. З.* Офицерский вопрос в XVII в. Очерк из истории военного дела в России. СПб., 1899.
151. *На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов.* СПб., 2003.
152. *На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху Петра Великого.* СПб., 2002.
153. *Недбай Ю. Г.* История казачества Западной Сибири, 1582–1808 гг.: Краткие очерки. Омск, 1996. Ч. 1–4.
154. *Недбай Ю. Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998.
155. *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований.* Новосибирск, 1999–2002. Вып. 1–3.
156. *Нефедов С. А.* Еще раз о спорных вопросах русской военной истории середины XVII века // *Вопр. истории*. 2005. № 8. С. 174–175.
157. *Нефедов С. А.* Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // *Вопр. истории*. 2004. № 4. С. 33–52.
158. *Никитин Н. И.* Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // *История СССР*. 1980. № 2. С. 161–173.
159. *Никитин Н. И.* Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // *Общественно-политическое развитие феодальной России*. М., 1985. С. 51–70.
160. *Никитин Н. И.* Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII века // *Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в.* М., 1974. С. 263–295.
161. *Никитин Н. И.* Начало казачества Сибири. М., 1996.

162. *Никитин Н. И.* О практике управления сибирскими гарнизонами в XVII в. // *Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в.* М., 1987. С. 103–115.
163. *Никитин Н. И.* О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // *Аграрный строй в феодальной России. XV – начало XVIII в.* М., 1986. С. 153–173.
164. *Никитин Н. И.* Первый век казачества Сибири (XVII век) // *Воен.-ист. журн.* 1994. № 1. С. 77–83.
165. *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
166. *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // *Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в.* М., 1991. С. 47–73.
167. *Новосельский А. А.* Феодальное землевладение. Боярство, дворянство и церковь // *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955. С. 139–163.
168. *Оглоблин Н. Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. // *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.* Киев, 1894. Кн. 8.
169. *Оглоблин Н. Н.* К истории Томского бунта 1648 г. // *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских.* М., 1903. Кн. 3. С. 3–30.
170. *Оглоблин Н. Н.* Томский бунт 1637–1638 гг. // *Ист. вестн.* 1901. № 7. С. 229–250.
171. *Орленко С. П.* Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004.
172. *Орленко С. П.* «Немцы» и московское правительство в XVII веке // *Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры.* М., 2001. Вып. 4. С. 15–26.
173. *Орленко С. П.* Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII в. // *Вопр. истории.* 2000. № 6. С. 137–141.
174. *Орленко С. П.* «Шкотские немцы» в Московии // *Родина.* 2004. № 11. С. 39–45.
175. *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* М., 1954.
176. *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955.
177. *Очерки по истории Башкирской АССР.* Уфа, 1956. Т. 1, ч. 1.
178. *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994.
179. *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. М., 2001.
180. *Пенской В. В.* Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // *Вопр. истории.* 2001. № 7. С. 119–137.
181. *Пенской В. В.* Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004.

182. *Пенской В. В.* Попытка военных реформ в России начала XVII века // *Вопр. истории.* 2003. № 11. С. 127–138.
183. *Петров В. И.* Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
184. *Покровский Н. Н.* Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
185. *Порфирьев Е. И.* Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.
186. *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
187. *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. М., 1972.
188. *Пузанов В. Д.* Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999.
189. *Пузанов В. Д.* Вхождение Южного Зауралья в состав России // *Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII–XX вв.): Сб. науч. тр.* Курган, 1999. С. 86–92.
190. *Пузанов В. Д.* Зауралье в XVII веке. Русские и кочевники // *Земля Курганская: прошлое и настоящее.* Шадринск, 1994. Вып. 7. С. 73–78.
191. *Пузанов В. Д.* Слободы Южного Зауралья в период русско-казахского конфликта 90-х годов XVII – начала XVIII века // *Культура Зауралья: прошлое и настоящее.* Курган, 1999. Вып. 2. С. 35–40.
192. *Пузанов В. Д.* Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // *Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр.* Курган, 2000. С. 50–75.
193. *Пузанов В. Д.* Условия формирования военно-административной системы в Зауралье (XVI–XVII вв.) // *Итоги и задачи регионального краеведения.* Курган, 1997. С. 68–76.
194. *Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
195. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
196. *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справ. М., 1977.
197. *Рабинович М. Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
198. *Рабинович М. Д.* Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // *Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков.* М., 1969. С. 221–233.

199. *Разин Е. А.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 3.
200. *Регулярная армия России.* История создания и становления. М., 2002.
201. *Резун Д. Я.* Быть тут острогу и слободе: Фронтир в истории Сибири и Северной Америки // *Родина.* 2000. № 5. С. 76–78.
202. *Резун Д. Я.* Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русскую казачью службу в Сибири XVII в. // *Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография.* М., 1996. С. 125–130.
203. *Резун Д. Я.* Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитар. исслед.* Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 67–77.
204. *Резун Д. Я.* «Литва» Кузнецкого острога XVII в. // *Казачьи Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр.* Екатеринбург, 1993. С. 37–45.
205. *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
206. *Романовы.* Исторические портреты. М., 1997. Кн. 1: 1613–1762. Михаил Федорович – Петр III.
207. *Русское государство в XVII в.* М., 1961.
208. *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // *Отеч. история.* 2002. № 4. С. 135–145.
209. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
210. *Скобелкин О. В.* Социально-экономическое положение служилых людей Воронежского края во второй половине XVII века. Воронеж, 1985.
211. *Скобелкин О. В.* Странствующие искатели приключений // *Родина.* 2003. № 5/6. С. 18–21.
212. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
213. *Соколова З. П.* Общественный строй обских угров в XVII–XIX вв. // *Из истории Сибири.* Томск, 1976. Вып. 21. С. 220–231.
214. *Соколовский И. Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.
215. *Соколовский И. Р.* Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
216. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // *Соч.: В 18 кн.* М., 1991. Кн. 7.
217. *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соч.: В 18 кн.* М., 1999. Кн. 18: Работы разных лет. С. 6–162.
218. *Сташевский Е. Д.* Бюджет и армия // *Русская история в очерках и статьях.* Киев, 1912. Т. 3. С. 411–417.
219. *Сташевский Е. Д.* Служилое сословие // *Русская история в очерках и статьях.* Киев, 1912. Т. 3. С. 1–33.

220. *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.
221. *Столетие* Военного министерства. 1802–1902 гг. СПб., 1902. Т. 1, 4 (Введение; Ч. 1, кн. 1–2), 11 (Ч. 1–4).
222. *Термины и понятия военной истории Руси, России IX – начала XX века.* СПб., 1998.
223. *Томилов Н. А.* Казахи Западной Сибири в конце XVI – первой четверти XIX вв. // *Этногенез и этническая история народов Сибири и сопредельных территорий.* Омск, 1983. С. 68–86.
224. *Тюшкевич С. А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М., 2002.
225. *Уманский А. Д.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.
226. *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.
227. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: В 6 т. СПб., 1858. Т. 1: Господство царицы Софьи; 1859. Т. 2: Потешные и Азовские походы.
228. *Устрялов Н. Г.* Ратное дело в России до Петра Великого // *Библиотека для чтения.* 1834. № 2, кн. 1–2.
229. *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // *Ист. зап.* 1947. Вып. 24. С. 30–110.
230. *Фабрика Ю. А.* Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001.
231. *Филошкин А. И.* В Россию – жить и служить: Иноземцы в пределах государства российского // *Родина.* 2001. № 10. С. 53–57.
232. *Человек и война (Война как явление культуры): Сб. ст.* М., 2001.
233. *Чернов А. В.* Вооруженные силы // *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955. С. 439–456.
234. *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
235. *Чистякова Е. В.* Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. // *Русское государство в XVII в.* М., 1961. С. 254–271.
236. *Шлепенков Е. В.* Военно-оборонительная система Зауралья в XVII–XIX веках (по литературе) // *Земля Курганская: прошлое и настоящее.* Курган, 1996. Вып. 17. С. 3–36.
237. *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946.
238. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
239. *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

240. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
241. Ядринцев Н. М. Исторические очерки русской ссылки // Дело. 1870. № 10.
242. Ядринцев Н. М. Колонизационное значение русской ссылки // Дело. 1870. № 12.
243. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония // Соч.: В 2 т. Тюмень, 2000. Т. 1.
244. Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 54–97.
245. Davies B. Village into Garrison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy // Russ. Rev. 1992. Vol. 51, pt 4. P. 481–501.
246. Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1581–1700: A Historiographic Review // *Siberica. A Journal of North Pacific Studies*. Summer, 1990. Vol. 1, pt 1. P. 4–37.
247. Gröppler C. Die Geschichte der Kosaken. Der Wilde Osten (1500–1700). München, 1976.
248. Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, 1971.
249. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.
250. Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985.
251. Kivelson V. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996.
252. Lantzeff G. Siberia in the 17th century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943.
253. Lincoln W. The Conquest of a Continent. Siberia and the Russians. London, 1994.
254. *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17th Century Russia* / Ed. by Jarmo T. Kotilaine and Marshall T. Poe. London; New York, 2004.
255. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988.
256. Poe M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1–2.
257. Ralston D. Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990.
258. Reger W. European Mercenary Officers and the Reception of Military Reform in the 17th Century Russian Army // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17th Century Russia* / Ed. by Jarmo T. Kotilaine and Marshall T. Poe. London; New York, 2004. P. 223–245.

259. Rezun D., Zuev A. «Nemcy» im Staatsdienst in Sibirien Ende des 16. bis Ende des 17. Jahrhunderts // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Sibirien: Kolonie – Region*. 1996. N 2. S. 55–73.
260. Stevens C. *Modernizing the Military: Peter the Great and Military Reform* // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17th Century Russia* / Ed. by Jarmo T. Kotilaine and Marshall T. Poe. London; New York, 2004. P. 247–262.
261. Stevens C. *Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. DeKalb, 1995.
262. Stevens C. *Solvency and Service Status: the Economic Effects of Military Reform, 1678–1682* // *New Perspectives in Muscovite History*. New York, 1993. P. 156–173.
263. Taylor B. *Politics and the Russian Army: Civil-military Relations, 1689–2000*. Cambridge, 2003.
264. Zuev A. Das Aktenfaszikel Aleksandr Linge oder: Ein Brandenburger in Sibirien // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa*. 1995. N 2. S. 99–105.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Офицеры сибирских войск «нового строя»: Биографическая база данных

Албычев, Иван – рейтарский прапорщик, погиб в 1663 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663).

Алексеев, Иван – подпрапорщик тобольских рейтар в 1671 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Аншутин, Петр Кузьмич – капитан из солдатского полка полковника А. А. Шепелева, за участие в московском бунте 1662 г. сослан в Тобольск. В 1671 г. капитан драгун в Ялуторовской, затем в Шадринской слободе. В 1672 г. был освобожден и отпущен в Москву, но добился разрешения остаться в Тобольске, где стал полуполковником. В 1676 и 1678 гг. упоминался среди тобольских детей боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663).

Аршинский, Иван Данилович – взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., солдатский поручик с 1661 г., переведен в дети боярские в 1668 г., тобольский стрелецкий голова в 1679 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Астраханцев, Степан – рейтарский поручик, с 1668 г. майор драгун, служил в 1671 г. на устье р. Верхней Каменки (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Астраханцев, Федор – прапорщик драгун в 1671 г. в Ялуторовской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Банк, Андрей – полуполковник, в 1660 г. послан из Москвы в Тобольск учить солдат. К обязанностям относился нерадиво. Вместо него определили Д. И. Полуехтова. В 1668 г. подал челобитную о крещении в православие. 10 февраля 1668 г. Андрей Банк со товарищи, которые «объявились за полками в лишке», были отправлены из Тобольска в Москву. По указу от 2 мая 1668 г. бывшие на службе в Тобольске полковник В. Ф. фон Зейц, полуполковник Андрей Банк, ротмистры Петр Стангер и Альбрехт Банцин (Балщина) переведены из Сибирского приказа в ведение Иноземного приказа (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663, 783, 820).

Банцин (Балщина), Альбрехт – поручик, затем ротмистр, в 1660 г. послан из Москвы в Тобольск. Получал 13 руб. в месяц. В 1664 г. участвовал в походах против башкир. Упомянут на службе и в 1667 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 788).

Бент, Кирилл – прапорщик (с 1668 г.), «новокрещен», в 1669 г. послан «на вечную службу» к драгунам на оз. Исеть. Получал рубль с полтиной в месяц. В 1671 г. служил в Китайском остроге. В 1676 г. числился среди «отставленных». Упомянут и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 1, кн. 607; оп. 3, стб. 100).

Бланк (Бламкон Гагон), Василий Васильевич – полуполковник. В 1660 г. ему велели учить тобольских рейтар. В 1663 г. посылался в Исетский острог для обороны от башкир, затем служил в Невьянском остроге (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663).

Бондоо, Ленерт (Боя, Лекорт) – «немец», поручик, был сослан в Казань, оттуда направлен в Тобольск; в марте 1660 г. послан в Томск для обучения служилых людей солдатскому строю (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 577).

Вестов, Иван – капитан, «толмач» у В. Ф. фон Зейца, в 1660 г. был послан с ним из Москвы в Тобольск. В связи с возвращением «полка» Эгерата и апеллируя к указу о его возвращении, бывшие на службе в Сибири иностранцы стали проситься назад в Москву. Капитан-поручик Иван Вестов, ставший в 1667 г. майором, бил челом об отпуске в Москву. Его отпустили 7 февраля 1669 г., в Москву прибыл 9 апреля 1669 г. По указу от 29 мая переводился в ведение Иноземного приказа. 10 февраля 1668 г. отпустили рейтарского прапорщика Лаврика Дука (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 783, 1575).

Видман, Франц – рейтарский прапорщик. Был послан в 1671 г. «на вечную службу» в Тобольск, получал 4 руб. в месяц. С 1674 г. поручик, в 1675 г. послан в Томск, а в 1678 г. вновь числился прапорщиком (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Владимиров, Афанасий – верстан из ссыльных при воеводе П. И. Годунове, подпрапорщик драгун в 1671 г. в Ялуторовской слободе. Его было велено послать в Илимский острог «в пашню» (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 367; оп. 3, стб. 100).

Волков, Иван Степанович – майор, был послан из Москвы учить тобольских рейтар в 1660 г. В 1663 г. был майором у солдат, посылался в Исетский острог для обороны от башкир. Участвовал в походах 1664 г.

С 1668 г. стал полуполковником у драгун, в 1671 г. служил в Шадринской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663, 1575).

Вороженец, Гавриил – драгунский поручик, в 1671 г. служил на устье р. Терсюка. Его было велено послать на Красный Яр в казачью службу (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Выходцов, Алексей – атаманский сын, в 1660 г. взят в рейтары, прапорщик у солдат с 1661 г., поручик с 1663 г. В 1668 г. солдатский капитан, переведен в атаманы пеших казаков. В 1679 г. тобольский сын боярский, вез жалованье новоприборным драгунам (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Выходцов, Михаил – драгунский поручик, в 1667–1671 гг. служил в Китайском остроге. С 1674 г. тобольский сын боярский, в 1687 г. служил в Маслинской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 679, 788).

Галасеин, Макарий – приехал из Москвы с архиепископом Киприаном, в 1651 г. поверстан в дети боярские. В 1653–1654 гг. межевал земли в Тобольском уезде, в 1656 г. вместе с Ерофеем Хабаровым конвоировал ссыльных в Якутск. Солдатский капитан с 1661 г., в 1663 г. служил в Невьянском остроге, затем в Арамашевской слободе. В 1668 г. переведен в дети боярские. Участвовал в выступлении служилых людей в 1668 г. против тобольского воеводы П. И. Годунова. Капитан драгун в 1671 г. в Мехонинской слободе (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663).

Галасеин, Петр – рейтарский поручик, погиб в 1663 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663).

Гейден, Иоганн (Яган) фон дер – полуполковник из полка генерал-поручика Н. Баумана, произведен в полковники и послан учить рейтар в Томск в 1662 г. В 1667 г. подал тобольскому воеводе П. И. Годунову записку о поисках серебряной руды в Томском уезде. Одновременно с указом об отпуске в Москву полка Эгерата 12 ноября 1667 г. была послана грамота из Сибирского приказа томскому воеводе Н. А. Вельяминову с предписанием отпустить в Москву присланных «в прошлых годах» в Томск рейтарского и солдатского строя полковника Ягана фан дер Гейна (Гейдена), его брата Индрика Людерсона, сына Петра и зятя Юлиуса Ирика Цымармана, поскольку в Томске они «живут за полками». «А велеть быть начальным людям тем, без которых быть не мочно». Полковника Якуба Мейна велено было оставить в Тобольске. 16 января 1667 г. из Москвы была послана грамота, в которой велено «немецких начальных людей» от-

пустить. «а у полков оставить без которых быть не мочно» (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 783, л. 168–169).

Гейден, Петр фон дер – поручик, сын И. фон дер Гейдена. Попал с отцом в Томск (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Героит, Георг (Юрий) Дидрих – родом из Лифляндии или Германии («Цесарской земли», т. е. империи Габсбургов), служил прапорщиком в польско-литовской армии. В сражении под Бреславлем попал в плен. Сначала содержался в г. Дмитрове. В 1660 г. добровольно поступил на русскую службу, в апреле 1661 г. был послан в Тобольск, определен майором к рейтарам с окладом 15 руб. в месяц. В декабре 1661 г. требовался литовцами для размена пленных. В 1663 г. послан из Тобольска в Ярославль для размена (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 577).

Глазхвастов, Матвей – капитан-поручик тобольских рейтар в 1671 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Горчаков, Лев – капитан солдат в Тюмени, затем (с 1667 г.) майор рейтар в Тобольске. В 1670 г. проводил разбор среди тюменских рейтар (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Грозин, Борис Гаврилович – рейтарский прапорщик с 1661 г., с 1668 г. числился в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1).

Дмитриев, Давид – верстан из ссыльных, подпрапорщик драгун в 1667–1671 гг. в Китайском остроге. Его было велено послать в Илимский острог «в пашню» (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 367; оп. 3, стб. 100, 788).

Дохтуров, Петр – полуполковник рейтар в 1667 г., в 1676 г. служил по Тобольску в детях боярских и командовал рейтарами (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 607; оп. 3, стб. 100).

Дохтуров, Яков – прапорщик, послан к тобольским рейтарам из Москвы в 1660 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Затисин, Влас – драгунский поручик, взят из детей боярских в 1668 г., в 1671 г. служил в Исетском, затем в Терсюцком остроге. Упомянут и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Зейд, Вильгельм Филипп фон (Виллим Филлип Фан) – полковник, послан из Москвы учить тобольских рейтар в 1660 г. Вместе с ним (под его командованием?) по грамотам от 12 июня, 26 июля и 11 августа 1660 г. были

отправлены в Тобольск «для ученья рейтарского строю» полуполковник Андрей Банк, ротмистры Петр Стангер и Альбрехт Баншин, а также капитан-поручик Иван Вестов, майор Ульрих Сниттер, Лаврик Дук (в 1665 г. определен тобольским воеводой в прапорщики). В январе 1665 г. тобольский воевода кн. А. А. Голицын сообщил, что фон Зейц дряхл и службу нести не может, и подал челобитную о том, что он «хром и увечен, и впредь государевы рейтарские степные службы служить не может» и желает в отставку. Грамота Сибирского приказа от 20 марта 1666 г. к тобольским воеводам: «В прошлом во 173 году генваря в 17 день писали вы к нам, что Фан Зейц дряхл и служить не может, и сам бил челом в Тобольске в съезжей избе о том, что хром и увечен и служить не может и просит отпустить из Тобольска в Москву». Предписано отпустить с женой и детьми в Москву. Выехал из Тобольска в декабре 1666 г., в Москву прибыл 19 февраля 1667 г. По прибытии подал челобитную о выдаче невыданного в Тобольске жалованья за декабрь 1663 г., январь 1664 г., сентябрь – декабрь 1666 г., а также за январь – апрель 1667 г. По указу от 27 мая 1667 г. ему выдали жалованье за сентябрь – декабрь 1666 г. и январь – май 1667 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663, 783, 820).

Иевлев, Иван Иванович – рейтарский поручик с 1660 г., солдатский с 1661 г., капитан солдат с 1665 г. В 1663 г. вез в Тобольск из Москвы серебряные деньги на жалованье служилым людям. В 1668–1672 гг. в ссылке в Красноярске, с 1672 г. служил по Тобольску в детях боярских, в 1678 г. вез в Москву отписку тобольских воевод (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663, 788).

Камынин, Андрей – взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., поручик солдат в Таре до 1668 г., а с 1668 г. у рейтар. Служил и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Клосинов, Михаил – прапорщик, «новокрещен», убит в бою с башкирами в 1664 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Корнилов, Дорофей – сын казака «литовского списка», был взят в рейтары в 1660 г., рейтарский прапорщик в Тобольске с 1674 г., посылался в 1675 г. в Томск. Служил и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Кошелев, Федор – прислан из Москвы в 1659 г., капитан у солдат с 1660 г., драгунский капитан с 1668 г., в 1671 г. служил в Исетском остроге, упоминался и в 1678 г. В 1668 г. бил челом о повышении до майора (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663, 788, 1575).

Куртуков, Андрей – подпрапорщик драгун в 1671 г., служил в Мехонинской слободе. В 1676 г. был записан сержантом, в 1682 г. числился отставным прапорщиком (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 607; оп. 3, стб. 100).

Линь, Федор Иванович – прислан из Москвы в конные казаки в 1661 г., прапорщик драгун с 1668 г., в 1671 г. служил в Исетском остроге, затем в Якуторовской слободе. С 1674 г. поручик, в 1678 г. был «отставлен» в казаки «литовского списка» (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Лузинин, Нифонт – подпрапорщик драгун в 1671 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Людберсон, Генрих (Индрик) – поручик, двоюродный брат И. фон дер Гейлена, был послан с ним в Томск (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Меовицев, Петр – солдат в 1660–1668 гг., прапорщик драгун с 1668 г., в 1671 г. служил в Маслинской слободе. Упомянут и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Мейн, Якуб – полковник, был прислан с женой и детьми в Тобольск по указу в 1659 г. «для ученья рейтарского и солдатского строя». При этом тобольским властям было указано смотреть, чтобы Я. Мейн из Тобольска «куда «не ушел» и переписки не вел. Подал «сказку», что учить рейтар ему «не за обычай», ему велели учить солдат. В 1661 г. послана царская грамота: велено Якуба Мейна в Тобольске «взять за пристава и беречь накрепко». Отпущен в Москву в 1671 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 820).

Менкин, Отто фон – капитан, был сослан в Казань, оттуда отправлен в Тобольск (прибыл в январе 1660 г.), а из Тобольска в Томск (прибыл в марте 1660 г.) для обучения служилых людей солдатскому строю. Получал 5 руб. с половиной в месяц (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 577).

Мокеев, Дорофей – подпрапорщик драгун, в 1671 г. служил в Шадринской слободе. Его было велено послать в Красноярск в казачью службу (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Мокринский, Никифор – взят из неверстаных детей боярских, подпрапорщик тобольских рейтар в 1671 г., прапорщик драгун с 1673 г., служил и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Мокринский, Федор – взят в рейтары из детей боярских в 1660 г., с 1661 г. солдатский поручик, в 1663 г. служил в Арамашевской слободе. С 1668 г. капитан драгун, в 1671 г. служил у оз. Исети. В 1678 г. был «отставлен» в дети боярские (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 663, 679, 1575).

Нагель, Эбергорт – немец, родом из Лифляндии или Курляндии, служил поручиком в польско-литовской армии, взят в плен под Бреславлем. Добровольно поступил на русскую службу, за него ручался «торговый иноземец» А. Артемьев, в апреле 1661 г. был послан в Тобольск для обучения служилых людей рейтарскому и солдатскому строю, стал там полуполковником в рейтарском полку с месячным жалованьем 16 руб. В декабре 1661 г. требовался литовцами для обмена военнопленных, в 1662 г. был отправлен из Сибири в Москву. В 1663 г. прибыл в Ярославль (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 577).

Нелидов, Иван – верстан из ссыльных, стал драгунским поручиком в 1667 г., прапорщик драгун в 1671 г. в Катайском остроге. Его было велено отправить в Тобольск «до указа» (РГАДА. Ф. 214, оп. 1, кн. 367; оп. 3, стб. 100, 788).

Овдеев, Тарас – подпрапорщик драгун, в 1671 г. служил в Маслинской слободе. Его было велено послать в Илимский острог «в пашню» (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Панютин, Иван – рейтар, с 1668 г. прапорщик, в 1671 г. поручик драгун. В 1676 г. был послан в Красноярск головой. В 1696 г. тобольский сын боярский (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Пенс, Андрей – ротмистр, был послан из Москвы учить тобольских рейтар в 1660 г. Служил в Таре. В Москву вернулся в 1665 г. В январе 1669 г. переведен в ведение Иноземного приказа (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 783).

Полухтов, Дмитрий Ильич – прислан в Сибирь в 1659 г. по указу от 28 февраля и по памяти Иноземного приказа, был рейтарского строя ротмистр, получал 13 руб. в месяц. Производил второй набор в рейтары и в солдаты в 1660/61 г. в Тюмени, Туринске и Верхотурье. В связи с арестом Я. Мейна и его отказом учить рейтар, а также в связи с тем, что полуполковник Андрей Банк нерадиво относился к учению, Д. И. Полухтов в 1663 г. был определен кн. И. А. Хилковым учить солдат. В 1663 г. прислана царская грамота: велено ему быть у солдат в полковниках с месячным окладом, как у В. Ф. фон Зейца. Полковник солдатского строя, служил в

Новьянском остроге в 1663 г., участвовал в походах на верхотурских татар и башкир. В 1666 г. находился в Киргинской слободе. Подал челобитную с просьбой «отставить» его от сибирской службы, поскольку «многажды равен лучными раны и копейные, и от тех многих тяжелых ран... увечен». 16 февраля 1666 г. Сибирский приказ решил: тобольским воеводам определить на место Д. И. Полухтова другого полковника или полуполковника. Грамота Сибирского приказа от 2 марта 1666 г. к тобольским воеводам Буяину князю А. А. Голицыну и стольнику Г. Ф. Бутурлину с приказом отправить полковника Д. И. Полухтова в Москву, а на его место определить другого полковника или полуполковника, и с предписанием впредь никого в начальные чины без государева указа не верстать. Д. И. Полухтов был отправлен в Тобольск в 1659 г., участвовал в боях с башкирами, был изранен «лучным боем и копейным». В отписке от 9 марта 1667 г. тобольские воеводы сообщили, что полковника Д. И. Полухтова отправили в Москву. Жалованье выдали сполна на 1666 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663, 783, 820).

Поляков, Степан – сын боярский, верстан из конных казаков за «даурскую службу», был взят в рейтары в 1660 г., солдатский поручик с 1661 г., капитан драгун с 1668 г., в 1671 г. служил в Исетском остроге. В 1676 г. числился в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Пушата, Василий – верстан из детей боярских, поручик драгун с 1668 г., в 1676 г. числился по Тобольску в детях боярских (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Радилов, Тимофей – прапорщик драгун, в 1671 г. служил в Шадринской слободе. Его было велено послать в Красноярск «в службу». Был отправлен туда в 1673 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Ремес, Иоганн (Яган) – полуполковник из «полка» Эгерата, получал 14 руб. в месяц. В 1671 г., став полковником, был послан в Тобольск «на вечную службу», где и умер. Получал 20 руб. в месяц (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Рыдин, Михаил – прапорщик тобольских рейтар в 1671 г., был поверстан в дети боярские в 1673 г. В 1686 г. служил в Утятской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 679).

Свещевский, Иван – рейтар, с 1668 г. поручик драгун, в 1671 г. служил в Шадринской слободе. Его было велено отправить в Тобольск «до указа».

В 1677 г. служил майором в Ялutorовской слободе, после был «отставлен». В 1682 г. числился отставным майором (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Свидерский, Дмитрий – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., рейтарский прапорщик в Таре с 1661 г., упоминался и в 1671 г. как прапорщик драгун. В 1678 г. служил у рейтар (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Сниттер, Ульрих (Шниттер, Ундрик; Иванов, Ольфер) – рейтарский капитан, затем майор, был послан из Москвы в Тобольск вместо Е. Нелидова в 1660 г. Получал 16 руб. в месяц. С 1661 г. служил в Тюмени. Участвовал в боях с башкирами в 1662–1663 гг. В 1663 г. посылался в Исетский острог для обороны от башкир, участвовал в походах на них, затем служил в Арамашевской слободе. «Во 176 году по указу великого государя велено неметцких начальных людей отпустить к Москве, а у полков оставить без которых быть не мочно, и они де в Тобольске маеора Ундрика Шниттера для ученья рейтарского и драгунского строения уговорили. И Ундрик бил челом великому государю, чтоб ему быть в Тобольску у рейтарской шквандроны для ученья в полковниках, и как он рейтар выучит, чтоб отпустить к Москве». Его уговорили остаться. Он бил челом, чтобы быть у рейтарского «шквандрона» в полковниках (1667 г.). По государеву указу ему было велено быть в полковниках с прежним жалованьем. По указу от 18 мая 1669 г. велено отпустить к Москве. Отпустили 7 июля 1669 г. вместе с сыном его Лаврентием. Жалованья дано: У. Сниттеру на 176 (1667/68) г. на все месяцы, и по 1 сентября 177 г., «да сентября по 1 число 178 году к московской даче, что дают на Москве жене ево по окладу ево сполна по 8 рублей на месяц деньгами и товарами и выдрами, а другая половина дана на Москве жене его Марье. А конского корму не дано ничего». Прапорщику Лаврику Дуку дано на 175 (1666/67) г. с 16 ноября по 1 сентября 176 г. 47 руб. 50 коп., да с 1 сентября 176 г. по 1 сентября 177 г. 60 руб., да с 1 сентября 177 г. по 1 ноября 178 г. по 5 руб. в месяц. У. Сниттер прибыл в Москву 23 января 1670 г. Об отпуске в Москву У. Сниттер подавал в Тобольске челобитную в 1668 г. По указу от 28 февраля 1670 г. он и Лаврик Дук переведены в ведение Иноземного приказа (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630, 663, 783, 1575).

Стангер, Петр – ротмистр, в 1660 г. был послан из Москвы в Тобольск. Получал 13 руб. в месяц (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 630).

Струнин, Борис Иванович – прапорщик тобольских рейтар в 1671 г., а в службу поверстан был в 1668 г. В 1673 г. поверстан в дети боярские, то-

больский казачий голова в 1679 г., в 1696 г. тобольский дворянин (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 679).

Сысоев, Панкратий – капрал драгун Колчеданского острога в 1683 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Тарков, Алексей – был взят из крестьянских детей в драгуны в 1668 г., прапорщик драгун с 1674 г., отставлен «в пашню» в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1).

Текутьев, Иван – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., рейтарский прапорщик с 1666 г. (вместо его брата Игнатия), поручик тюменских рейтар с 1668 г., упоминался и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Текутьев, Петр – прапорщик рейтар в 1664 г. в Беляковской слободе, в 1667 г. бил челом о повышении из поручиков в ротмистры (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, ст. 1575).

Тутолмин, Василий – в 1660 г. был взят в рейтары из неверстаных детей боярских, рейтарский прапорщик с 1662 г., капитан с 1668 г., капитан-поручик тобольских рейтар в 1671–1673 гг., с 1673 г. в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Тутолмин, Иван – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., прапорщик драгун с 1668 г., в 1671 г. служил в Тарханском острожке, затем в Исетском остроге. В 1676 г. капитан, с 1677 г. майор, служил в Ялutorовской слободе. В 1678 г. был «отставлен» в рейтары, в 1696 г. тобольский сын боярский (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Тутолмин, Яков – прапорщик солдат, в 1668 г. бил челом о производстве в капитаны, поручик драгун в 1671 г. в Ялutorовской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Тырков, Матвей – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., поручик драгун с 1668 г., в 1671 г. служил в Маслинской слободе. Был «отставлен» в рейтары в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Тырков, Яков – прапорщик драгун, взят из детей боярских в 1668 г., в 1671 г. служил в Мехонинской слободе. С 1671 г. поручик, служил и в

1678 г., а в 1696 г. числился по Тобольску в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Урбановский, Лев – поручик драгун в 1671 г. Его было велено послать в Красноярск в дети боярские (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Фадеев, Иван – «иноземец», был прислан из Москвы в 1673 г., крестился в Тобольске. Драгунский прапорщик, в 1676 г. числился в отставке, в 1678 г. был сослан в Красноярск (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 1, кн. 607).

Фефилов, Алексей – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., поручик рейтар с 1661 г., майор драгун с 1667 г. (бил челом о производстве в полуполковники), в 1671 г. служил в Катайском остроге. Упомянут и в 1678 г. Умер в 1685 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 788, 1575).

Фефилов, Федор – рейтарский прапорщик, с 1667 г. поручик. Тобольский сын боярский в 1676 г., начальник экспедиции к Уральским горам в 1670 г. В 1686 г. служил в Киргинской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Циммерман (Цымарман), Юлиус – поручик, зять И. фон дер Гейдена, был послан с ним в Томск (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Челюскин, Трифон – подпрапорщик драгун, в 1671 г. служил в Мехонинской слободе. Его было велено послать в Красноярск в казачью службу (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Чередов, Александр – поручик тарских рейтар в 1662 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Чередов, Дмитрий – упоминался в 1667 и 1671 гг., был взят в рейтары из детей боярских в 1660 г., поручик рейтар в Таре с 1661 г., ротмистр с 1668 г., служил и в 1678 г. (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Черкасов, Герасим Борисович – был взят в рейтары из неверстаных детей боярских в 1660 г., солдатский прапорщик до 1668 г., драгунский поручик с 1668 г. (бил челом о производстве в капитаны), в 1671 г. служил в Тарханском острожке, затем в Шадринской слободе. С 1674 г. капитан, в 1678 г. был «отставлен» в рейтары. В 1686 г. вновь драгунский капитан,

служил в Колчеданском остроге (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1; ф. 214, оп. 3, стб. 100, 1575).

Чистяк, Никита – подпрапорщик драгун, в 1671 г. служил в Исетском остроге (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Шлот, Борис – прапорщик, «новокрещен», в 1669 г. был послан «на вечную службу» к драгунам на устье р. Верхней Каменки. Получал рубль с полтиной в месяц. В 1671 г. служил в Мехонинской слободе (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Эгерат, Генрих фон (Эграт, Индрик) – полковник из полка генерал-поручика Н. Бовмана (Баумана), в 1665 г. был послан из Москвы в Тобольск. Получал 45 руб. в месяц. Отпущен в Москву в 1668 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

Яировский, Кондратий – рейтарский прапорщик с 1664 г., с 1668 г. в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1).

Яировский, Степан – рейтарский прапорщик с 1664 г., с 1668 г. в детях боярских (РГАДА. Ф. 199, оп. 2, № 480, ч. 1, д. 1).

Ярославцев, Иван – прапорщик драгун в 1671 г. (РГАДА. Ф. 214, оп. 3, стб. 100).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК «НОВОГО СТРОЯ» В СИБИРИ	40
1. Войска «нового строя» в России середины XVII столетия: причины появления и способы формирования	40
2. Источники комплектования и личный состав сибирских полков «нового строя»	53
3. Функции войск «нового строя» в Сибири в 60-х гг. XVII в.	73
4. Материальное снабжение и боевая подготовка	86
Глава II. СИБИРСКИЕ ВОЙСКА «НОВОГО СТРОЯ» В 1667–1677 гг.: РЕФОРМА ТОБОЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ П. И. ГОДУНОВА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	99
1. Военная реформа П. И. Годунова	99
2. Результаты преобразований П. И. Годунова	112
3. Войска «нового строя» в 70-х гг. XVII в.	123
4. Материальное положение и служебные обязанности сибирских войск	133
Глава III. СУДЬБА ВОЙСК «НОВОГО СТРОЯ» В КОНЦЕ XVII в.: ОТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА К АРМЕЙСКОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА I	148
1. Военные реформы 1677–1680 гг.	148
2. Сибирские драгуны в 80-х гг. XVII в.	164
3. Эволюция драгунских войск в Сибири: преобразования Петра I	177
4. Сибирский драгунский полк в составе русской армии начала XVIII в.	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	208
ПРИЛОЖЕНИЕ	224

Научное издание

Дмитриев Андрей Владимирович

ВОЙСКА «НОВОГО СТРОЯ» В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Редактор О. В. Волохова
Технический редактор Т. В. Иванова
Компьютерная верстка Т. В. Иванова

Подписано в печать 27.11.2007
Заказ № 03-08

Формат 60x84/16
Уч. изд. л. 15
Усл. печ. л. 16,74
Тираж 300 экз.

Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2